

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

РИЧАРД
МОРГАН

РАЗРЕЖЕННЫЙ
ВОЗДУХ

Ричард Кингсли Морган
Разрезанный воздух
Серия «Звезды научной фантастики»
Серия «Чёрный человек»
Серия «Хакан Вейл», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69212716
Разрезанный воздух: [роман] / Ричард Морган: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-111331-5

Аннотация

Судьба Хакана Вейла была предрешена, когда мать продала сына в корпорацию «Блонд Вайсыутис». Там Вейла превратили в гиберноида – обладающего ускоренной реакцией профессионального солдата. Правда за рефлексy и выносливость он платит тем, что вынужден спать четыре месяца в году. Вейл должен был выполнять волю своих создателей до самой смерти, однако после одного неприятного инцидента его с позором уволили со службы и бросили на Марсе, планете, где царят сепаратистские настроения, неравенство и коррупция, где все продается и покупается. Для того чтобы вернуться домой или хотя бы в безопасности прожить четыре месяца, нужны большие деньги, и поэтому Вейл вынужден хвататься за самые дорогие

и опасные заказы. Например, за охрану земной чиновницы, которой желает смерти целая планета. Но все оказывается куда запутаннее и сложнее, и вскоре из телохранителя он превращается в невольного участника дела, которое потрясет основы марсианского общества.

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	25
Глава третья	35
Глава четвертая	51
Глава пятая	64
Глава шестая	74
Глава седьмая	88
Глава восьмая	99
Глава девятая	117
Глава десятая	135
Глава одиннадцатая	149
Глава двенадцатая	162
Глава тринадцатая	182
Глава четырнадцатая	199
Конец ознакомительного фрагмента.	211

Ричард Морган

Разреженный воздух

Richard Morgan

THIN AIR

First published by Gollancz, an imprint of The Orion Publishing Group Ltd, London

Copyright © 2018 by Richard Morgan

© Алексей Ионов, перевод на русский язык, 2023

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АСТ»,
2023

Дизайн обложки: Марина Акинина

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Емельянова

* * *

Ричард Морган хочет уничтожить ваши фантазии о Марсе. Его видение будущего мрачно, но Морган находит его куда более вероятным, чем радостные мечтания об отважных марсианах, столь популярные сейчас в научной фантастике.

Wired

Если вы думаете, что базовые темы киберпанка –

нищета и высокие технологии, власть корпораций, нуар будущего, постчеловеческая эволюция, киберпротезы и жесткие городские условия – уже изжили себя, то «Разреженный воздух» покажет вам, насколько эта мысль ошибочна. Этот роман исполнен Морганом с балетной точностью и грубоватым изяществом.

Пол ди Филиппо, Locus

Без рубежа, способного вдохнуть в человечество новую жизнь, исчезает дух, породивший прогрессивную гуманистическую культуру, которую представляла Америка в течение последних двух столетий. Речь идет не только о потере для одной нации – прогресс нуждается в авангарде, а никаких новых целей в поле зрения нет.

Создание новой границы, таким образом, представляет собой величайшую социальную потребность Америки и всего человечества...

Я считаю, что новым рубежом для человечества может стать только Марс.
Роберт Зубрин «Курс на Марс»

В отличие от героической и романтической геральдики, которая обычно используется для описания европейской колонизации Америки, эмблемой, наиболее соответствующей действительности, была бы пирамида из черепов.
Дэвид Э. Стэннард «Американский холокост»

Воображаемый порядок всегда находится в опасности краха, потому что зависит от мифов, а

мифы исчезают, как только люди перестают в них верить.

Юваль Ной Харари «SAPIENS. Краткая история человечества»

Часть первая

Блюз Черного люка

Пробуждение обычно сопровождается сопутствующими ощущениями возбуждения, навязчивой сосредоточенности, стрессового напряжения и легкой тошноты. Эти условия являются неотъемлемой частью работы и должны рассматриваться как таковые. Ты разгорячен – привыкай.

(И еще одна неотъемлемая часть работы: условия, в которых ты просыпаешься, скорее всего, или катятся в задницу, или уже в ней оказались.)

«Блонд Вайсьютис»

Инструкция для оверрайдеров – с неформальными комментариями ветеранов

Глава первая

Я вышел на бульвар Маринер ранним вечером. Где-то под Мембраной снова пытались вызвать дождь. С ограниченным успехом, я бы сказал. С небес цвета паприки периодически опускалась тонкая, холодная морось.

Я не следил за подробностями, был слишком занят. Слышал, за дело взялась какая-то недавно написанная подпрограмма, созданная при участии консультантов с самого пе-

редового края индустрии, закодированная, приготовленная и выпущенная где-то там, посреди огромных, перемещающихся облачных слоев, что согревали Долину. Должно быть, за всем этим стояла солидная маркетинговая поддержка, поскольку на улицах для середины недели торчала уйма народу. Когда начался дождь, весь город высыпал наружу, чтобы поглазеть. Всюду, куда ни посмотри, люди останавливались, вытягивали шеи и принимались таращиться вверх.

Я же, наградив небеса хмурым взглядом, и не подумал тормозить. Напротив, не снижая скорости, принялся проталкиваться через запрудившие улицы толпы зевак и экогиков, обсуждающих всякую херню. Любому, кто намеревается промокнуть в этом дерьме, придется немного подождать. Под напористым соблазном маркетинга люди склонны забывать, что на Марсе ничего не падает быстро. Новый код или нет, эта попытка вызвать дождь не нарушит основные законы физики. Пока обещанная влага просто кружила над головами, пренебрегая равнодушной гравитацией и в лучах умирающего света превращаясь в кроваво-красный туман.

Красивое зрелище, спору нет. Но у некоторых из нас еще и дела были.

Вокруг меня вырисовывался Бульвар – пятиэтажные фасады эпохи Поселения из древнего нанобетона иссечены шрамами, протоколы ремонта давно исчерпаны. Песок и штормовые ветра десятилетиями утюжили все неподвижные поверхности, и в наши дни те скорее смахивали на плоские

коралловые рифы во время отлива, чем на нечто рукотворное. В свое время инженеры КОЛИН были одержимы идеей сбить все в кучу – они возводили строения по обе стороны от широкого канала, прорытого между голыми фундаментами, по обеим сторонам которого вздымались одинаковые строения. Этот канал, шестьдесят метров в ширину и три километра в длину, слегка изгибался, пользуясь геологией существующей линии разлома на поверхности Долины. Когда-то здесь располагались покрытые стеклянной крышей гидропонные сады и ухоженные места отдыха для первых колонистов. Парки, велодромы, пара небольших амфитеатров и спортивная площадка. Поговаривают, был даже бассейн, а то и три. С бесплатным доступом для всех.

Только представьте.

Теперь этой крыши давно нет, да и всего остального тоже. Разорвали, оторвали, унесли. Остался лишь потрепанный, заваленный мусором, просевший бульвар, забитый тележками и уличными лотками, владельцы которых боролись за привилегию продать толпе самый дешевый продукт. «Берите пока горячо, люди, берите сейчас!» Прошлогодние кодовые шипы со скидкой, безумные ювелирные украшения, брендированный марстех – подделанный или ворованный по таким-то ценам, и фастфуд, много фастфуда, дымящегося на мириадах разнообразных сковородок и воков. На обочине отирались уличные химики, предлагающие «Двадцать особых способов в спешке покинуть сознание», а на углах сто-

или уличные мальчишки и девочки, предлагающие более простой путь к такому же исходу. Пожалуй, вы могли бы возразить, что бульвар по-прежнему остался своего рода местом для отдыха. Но в наши дни его окутывает довольно изможденный и яркий дух веселья, такой, с каким не хочется пересекаться взглядами при встрече.

Те, кто, несмотря ни на что, намеревался догнать этого призрака, могли достичь дна с помощью длинных эскалаторных туннелей, грубо прорубленных прямо сквозь оригинальные постройки. Такие туннели находились в конце большинства поперечных улиц, там, где они возвращались к району эпохи Поселения, где с обеих сторон смыкались менее коренастые и герметичные здания, построенные для поколения, которое могло внезапно Оказаться Снаружи. Доходите до конца поперечной улицы – и обширный вдохновляющий размах Новой наружки резко сменяется мрачными, рваными задворками Старого Поселения. Ступаете на эскалатор, лежащий в большом проеме, проделанном в изношенном нанобетоне – и бесконечная легированная лента несет вас вниз и сквозь.

Или же, если вы новичок на Марсе, только что сошли с трапа челнока или помешались на ностальгии, – можно воспользоваться шумными туристическими вариантами и проехаться на гигантских старинных грузовых лифтах, стоящих на обоих концах канала. Сдвоенные платформы площадью в тысячу квадратных метров по-прежнему громоздко опуска-

ются и поднимаются, прямо как дыхание в медленных легких, плавные, как в день их введения в строй. Наслушаетесь безвкусных фальшивок, смахивающих на исторические и звучащих по кругу из динамиков, установленных вокруг перил. Мигают желтые предупредительные сигналы, все дела. Закопченное инженерное мастерство старого Высокого Рубежа, сохраненное до наших дней для вашего пресыщенного удовольствия.

В любом случае не важно, выберете вы грузовые платформы или бесконечно ползущую ленту эскалатора, ощущения все равно будут примерно одинаковыми. Вы медленно погружаетесь в чрево чего-то огромного и, скорее всего, опасного для вашего здоровья.

«Меня устраивает».

Я воспользовался эскалатором в конце Журавлиного переулка, тот высадил меня примерно в километре от места, где я хотел оказаться, – неблизкий путь с учетом колдовавших с погодой задротов. Когда я вышел из-под козырька туннеля, на улице, вопреки всем шансам, шел настоящий дождь, с которым пришлось считаться. Капли хлестали по лицу, пока я пробивался через толпу, намочили воротник. Лоб и тыльная сторона рук покрылись влагой – непривычное ощущение. Приятное, но, с другой стороны, я в принципе себя неплохо чувствовал.

«Три дня без сна и при деле».

Над моей головой за давно ставшими избыточными штор-

мовыми щелями на верхних уровнях зданий разгорались первые огни, намекающие на таящиеся внутри зловещие тайны. Названия и логотипы клубов цеплялись к древней архитектуре, словно рой гигантских люминесцентных жуков и многоножек. На прохудившемся небе первые бранегели расправляли невидимые, сотканые словно из мыльных пузырей крылья. По их поверхности пробегали серебристые россыпи помех, словно кто-то прочищал горло. Появились изображения, и началась долгая ночь видеосуспенствия.

Я подумал, что с учетом прилетевшего этим утром челнока с Земли мы увидим какие-нибудь монтажи с визитами ультрапутешественников или стандартные ролики «Вектор Рэд» и «Хоркан Кумба Ультра». Но сегодня вечером парад возглавляла реклама призывателей дождя – мрачные, напряженные кадры, на которых упругие молодые тела скакали по ночным улицам под проливным дождем, такого в радиусе ближайших пятидесяти миллионов километров было не сыскать. Тонкая рваная темная одежда, что-то в стиле фавел, промокла насквозь, липнет к изгибам и наклонностям, окаймляет участки обнаженной и смоченной водой плоти, проступающие сквозь ткань соски возбужденно торчат. По отснятому материалу раз за разом пробегали рекламные слоганы:

ВЕРНОЕ ДЕЛО – НАМОКНИ, А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ? СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ПО КОДИРОВАНИЮ ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАМ «ПАРТИКЛ СЛЭМ» В

ПАРТНЕРСТВЕ С КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВОЙ.

Да, КОЛИН наносит новый удар – вездесущие, всемогущие корпоративные акушерки человечества в космосе. Пару веков назад, когда они только начинали, их с полным основанием могли назвать кейрэцу¹ с особыми интересами. В наши дни с таким же успехом можно было прикрепить табличку «Ящерица» на тираннозавра-рекса. Масштаб не тот. Если речь идет о чем-то, связанном с человеческим присутствием в какой-либо части Солнечной системы или же с межпланетными перевозками и торговлей, значит, КОЛИН этим либо владеет, либо управляет, ну в крайнем случае это спонсирует либо скоро начнет. Их поток капитала служит движущей силой человеческой экспансии. Их версия античной правовой структуры, теперь принятая на Земле, является всеобъемлющим каркасом, который поддерживает всю машину на плаву. А вот их предполагаемая динамика конкурентного рынка не более реальна и значима, чем танцующие под веселым и дружелюбным дождем стройные молодые люди, чьи позерские па транслировались на бранегелях.

Тем временем дождь – настоящий дождь здесь, в реальном мире – резко прекратился. Он испарился, выдержал долгую многозначительную паузу, а затем начался снова, медленно оплакивая все вокруг. Трудно понять, насколько хорошо работал новый код. Возможно, он запустил частичную

¹ Кейрэцу – в Японии – крупные финансово-промышленные группы, состоящие из тесно связанных друг с другом предприятий. (Здесь и далее – прим. пер.)

подачу как часть энергосберегающего протокола, или дразнил эффекта ради, или просто адски глючил. По всему Бульвару выстроились экогики, пялясь в небо и споря друг с другом.

– Говорил же, они со всем разберутся. «Партикл Слэм» – надежная компания. Совсем из другого теста, чем парни с Девятой улицы. Ты почувствовал дождь на своем лице?

– Едва-едва. На мой взгляд, ничем не отличается от того дерьма, что обычно льется с неба.

– Ой, отвали. Обычное дерьмо сюда даже бы не добралось. Ты погляди – на мостовой уже лужи образуются.

Я проскользнул мимо спорщиков, стараясь не попасть в лужу и запоминая детали на потом. «Партикл Слэм» – никогда о таких не слышал. Но после пробуждения к подобному я уже привык. Экокодирование – это быстро меняющийся рынок даже на Земле, а здесь, где нет тормозов и мягкая конкуренция нам только снится, царит такой естественный отбор, что можно устать от одной только мысли о нем. Здесь кодирующая компания может превратиться из следующего законодателя мод в древнюю окаменелость быстрее, чем вы успеете слетать до Земли и обратно.

Вывод для опустившихся бездельников, пытающихся заработать себе на жизнь: если ты умер для мира на целых четыре месяца, то многое мог упустить.

Но некоторые вещи никогда не меняются.

Каждый вечер Бульвар мерцает вялой жизнью, словно

неисправная неоновая лампа. Он мигает, шипит и затихает, косо и постоянно мерцая над уличной сеткой старого квартала Брэдбери, словно загадочная ухмылка, словно сигнал, манящий нетерпеливых бабочек. Я видел его однажды с орбиты – дрейфовал в опорожненном взбунтовавшемся грузовом судне с Пояса, о котором предпочел бы поскорее позабыть. Нет ничего лучше, чем бродить по затихшим палубам и наблюдать за раскинувшимся под тобой Марсом. Мы гнались за линией терминатора через Ганг и Эос, а с наступлением ночи я смотрел, как приближается и кружится за иллюминатором Разлом. Нависшие стены рифтовой долины уходили вглубь марсианской коры на тысячи метров. Колоссальные груды и горы тектонических обломков пересекали огромное открытое дно между ними. Тут и там мерцали тусклые, сгрудившиеся огни поселений, они становились ярче и переплетались друг с другом по мере приближения к большому яркому пятну самого Брэдбери. И прямо там, в самом сердце старого города, протянулась эта большая изогнутая ухмылка длиной в три тысячи метров.

По всему городу корпоративные логотипы и рекламные панели КОЛИН озаряли горизонт жидкокристаллическим пламенем, сдерживающим наступление чужеродной тьмы. Но против нее можно купить лишь определенную долю лояльности и принадлежности к бренду, и силы внутри вас знают об этом. Где-то в глубине души, там, где крутятся колесики человеческого механизма, заодно тикают часики, отсчи-

тывающие эти зловещие цифры, словно карты в бесконечно проигрышном раскладе. И лишь вопрос времени, когда вы осознаете этот факт. И когда вы его осознаете, у вас волосы дыбом встанут.

Рано или поздно вы слетите с катушек и полетите на зов соблазнов Бульвара, как и все другие мотыльки.

Я, конечно, считал себя не таким.

Как и все мы.

Рядом с моим ухом послышался тонкий вой, за которым последовал неизбежный колющий укус. Я рассеянно хлопнул себя по шее – бессмысленный рефлекс на раздражение, кодовая муха уже исчезла, как и было задумано. Даже в стандартной земной гравитации эти маленькие ублюдки были намного быстрее обычных москитов из плоти и крови, у которых позаимствовали свою основу. Здесь же, приспособившись к местным условиям, они напоминали маленькие жалающие кусочки ртути на ветру. Прикосновение, укол, груз доставлен. Ты укушен.

Не то чтобы я жаловался. Если живешь здесь, то нужно, чтобы тебя кусали. Иначе не прожить. Это – Высокий Рубеж, детка, и ты – лишь небольшая часть гигантского непрерывного обновления под названием Человечество Высокого Рубежа.

Проблема в том, что после четырех месяцев за плотно загерметизированным люком пропускаешь столько обновлений, что становишься мишенью для посторганических фасе-

ток каждой кодовой мухи на районе. Три дня на улице – и ты уже похож на долбаную подушечку для булавок. Кожа в десятках разных мест зудит от доставочных проколов. Свежие газообменные турбины для легких, обновление мелатонина – версия 8.11.4, бустерные патчи для новейших – и самых ненадежных – ингибиторов остеогенеза, броня роговицы 9.1. И так далее.

За часть этого дерьма ты платишь сам, чтобы тебе устанавливали его, как только появятся очередные обновления. Еще часть КОЛИН дарит бесплатно, от щедрот своего маленького, ориентированного на эффективность сердечка. Но все должно быть сбалансировано, улучшено и оптимизировано для повышения производительности, а затем снова улучшено, версия за версией, обновление за обновлением, укус за укусом.

И так благая идея оборачивается зависимостью, от которой не получится избавиться до тех пор, пока живешь где-нибудь за пределами Земли.

Не то чтобы я жаловался.

* * *

«Девочки Долины» нашлись прямо там, где я оставил их четыре месяца назад. Все тот же потрепанный старый фасад сразу за выходом с эскалатора, ведущего с бульвара Фридмана, на пятиметровых дисплеях, установленных по обе сторо-

ны от входа, мелькают все те же старые, повторяющиеся соблазнительные кадры. Из спрятанных динамиков звучат все тот же неряшливый бэкбит «Фактроника» и что-то дозвуковое. Правый экран по-прежнему весь в трещинах. Они разбегались от вмятины, которая образовалась в том месте, где меня в драке приложили головой. Похоже, с записью что-то не то – изображения танцовщиц продолжали крошиться в конфетти из прилизанной плоти и волос, пересыпанное подпрыгивающими, бестелесными глазами, окаймленными длинными ресницами, что парили, словно слезы в нулевой гравитации.

«Ты двигаешься слишком быстро, охладись. Где утечка давления?

Слишком разгорячен».

Я быстро сбавил шаг до легкой походки зеваки. Ссутулился, засунул руки в карманы и натянул капюшон, защищаясь от то начинающегося, то прекращающегося дождя. Так смог без всякой спешки оглядеть вход в клуб. Разношерстная очередь из желающих попасть внутрь двигалась в ритме слышимой и неслышимой «Фактроники». Дверь подпирали двое туповатого вида качков, одетых по освященной временем манере, гарнитуры обычных темных оттенков. А над входом все так же висел все тот же древний и дико устаревший сканер службы Портового управления, он раскинул крылья в стороны, словно готовящаяся к взлету доисторическая летучая мышь. Скрыга Сэл Кирога себе не изменяет –

где-то девять лет назад он купил этот сканер на распродаже списанной в утиль техники и то, говорят, надавил на кого-то в офисе Портового управления, чтобы ему скостили цену. «Влияние, – сказал он мне однажды, – вот ключ к этому месту. Если у тебя нет здесь влияния, можешь валить обратно на Землю».

Невеселый смех. Для большинства давних обитателей Разлома единственный способ хоть когда-нибудь вернуться на Землю – это обзавестись достаточно приличным влиянием. Если не брать в расчет лотерею «Полет домой» – «Пятьдесят счастливых победителей возвращаются домой каждый год! На этот раз им можешь быть ты! Но ты должен сыграть, чтобы выиграть!» – здесь не то чтобы раздают обратные билеты направо и налево. Никто из обитателей Марса не вернется домой, за исключением безумно везучих, невероятно богатых или заполучивших контракт с КОЛИН.

Кому как не мне это знать. Я уже очень давно торчу здесь, пытаюсь вернуться.

Я прошел еще метров пятьдесят, возможно, в честь этих сказочных победителей, затем развернулся и поплыл назад. Стянул капюшон и поднялся по короткой лестнице к дверям. Нет смысла прятаться. Когда работаешь на входе – а я и сам был вынужден заниматься подобным раз или два за эти годы, – ничто не вызывает у тебя такого чувства подспудной тревоги, как клиент, пытающийся скрыть черты своего лица. «Э, нет, приятель, ты не пройдешь. Ну вот, ты меня разбу-

дил».

Я не хотел, чтобы эти парни проснулись слишком рано, мне нужно было подобраться поближе. Так что, сохраняя на лице выражение подпитываемой «Фактроникой» обычной потребительской похоти, я встретил пустой взгляд правого швейцара. Я его не знал – а у меня хорошая память на мужиков, которые надирали мне задницу в прошлом, – так что и он не мог знать меня лично. Но в наши дни личные знакомства – звук пустой. За своей гарнитурой он наверняка проверял список. Системы распознавания лиц – настоящий бич добропорядочных непрошенных гостей по всей эклиптике.

Я заметил, как он напрягся, когда программа меня пометила. Затем расслабился, переварив полученную информацию.

Его губы скривились.

– Дом? – Его внимание переключилось на коллегу, занятого досмотром едва прикрытого тела, жаждущего пройти внутрь. Он коснулся гарнитуры в ухе и что-то сделал с «Фактроникой», уменьшив громкость музыки. – Эй, Дом. Помнишь того унылого засранца, которого вы с Рико выставили пару месяцев назад?

Дом покосился на нас, во взгляде сквозило раздражение. – Засранца? Какого еще засранца? Ты имеешь в виду того парня... – Он запнулся, когда увидел меня. На лице расплылась широкая улыбка. – Тот парень.

– Похоже, некоторые ничему не учатся?

– Я хочу увидеть Сэла, – мягко сказал я.

– Да ну. – Дом лениво согнул правую руку и взглянул на нее так, словно это был какой-то электроинструмент, который он подумывал купить. – Что ж, зато он не хочет видеть тебя. Он и в прошлый раз не хотел тебя видеть. Помнишь, чем все закончилось?

– В этот раз он меня примет.

Они обменялись взглядами, в которых промелькнуло недоброе веселье. Напарник Дома вздохнул.

– Слушай, пьянь, сегодня спокойная ночь, лады? Сделай нам всем одолжение. Съеби, пока мы не причинили тебе чего-нибудь долгоиграющего.

Я поймал себя на том, что ухмыляюсь. «Разгорячен».

– Не могу, парни.

Дом фыркнул. Потянулся ко мне.

Я схватил его за запястье, быстро. Ты должен быть быстрым – при гравитации меньше 0,4 от земной массы и инерции получаешь мизерную отдачу. Любое воздействие, которое ты собираешься оказать, должно зависеть от скорости. Я зажал мизинец и безымянный палец громалы у основания и с дикой силой вывернул назад. Дом издал звук, словно у него что-то порвалось, и я заломил ему руку за спину. Заставил опуститься на колени от внезапного шока и боли. Со всей силы пнул в живот, когда он присел.

Отпустил и дал телу упасть.

Обычно мимо вышибал на Бульваре подобным образом не пройти. Это крепкие орешки, их набирают из бывших бандитов на горных работах, когда те уже не могут вдыхать разреженный воздух, а на новые турбоаддоны, дышащие за хоз-яев, денег нет. Так что они возвращаются обратно в Долину, прямо в притоны Брэдбери, и берутся за любую работу, какую могут найти. Будучи человеком, который видел, как его собственная карьера идет на спад, я не держу на них зла. Они делают работу, которую необходимо делать, работу, которой я и сам периодически занимался, и по большей части выполняют ее довольно неплохо.

Но эти двое стояли у меня на пути. И все, что их прошлый опыт и программное обеспечение говорили обо мне, было неправдой.

У них не было ни шанса.

Второй парень потянулся за дергачем в кобуру на поясице. Неверный шаг, да еще и слишком поздно — я был слишком близко, а он слишком медлителен. Скорее всего, громила испытал легкий шок, не в силах поверить в происходящее. Я подскочил к нему, блокируя маневр прежде, чем бугай успел выхватить пушку, и резко ударил парня по горлу. Подсек, когда он отшатнулся назад, и помог упасть сильным ударом пятки в грудь. Этого хватит даже при гравитации в 0,4 от стандартной. Вышибала упал на землю, хрипя и суча руками.

Я наклонился и выхватил у него дергач.

Перевернул и выстрелил в упор.

Послышались глухой треск и шипение, словно из кастрюли выплеснулось раскаленное масло. Его рубашка в том месте, где сквозь нее прошел расщепленный кристаллический заряд, покрылась рябью. Глаза швейцара закатились, тело выгнулось дугой от спазма. Воздух заполнил земляной запах опорожненного кишечника, из горла донесся мучительный рвотный звук. На широко раскрытых губах выступила пена. Растопыренная рука снова и снова, словно крыло угодившей в силки птицы, хлопала по груди.

Где-то сбоку, не вставая, на меня бросился Дом. Я выстрелил и в него тоже.

Затем аккуратно ступил между двумя бьющимися в спазме телами, прошел под распростертыми крыльями сканера и вошел внутрь.

Глава вторая

Внутри клуба все по умолчанию было тусклым и сумеречно-синим. Я проскользнул через плотную толпу фигур и призрачных лиц, уворачиваясь от ярких лучей систем слежения, прорезающих подводный мрак, озаряя танцоров. По всему куполовидному пространству тут и там поблескивали не столь яркие вспышки света – их выпускали снующие в пространстве светлячки, настроенные так, чтобы роиться вокруг пропитанных феромонами девочек Долины, незаметно оставляя посетителей в покое. От стен доносились низкие ритмы и вихрящаяся звуковая гамма – архивная нарезка какого-то ремикса какого-то криопоп-трека, который, как я смутно помнил, был хитом пару лет назад. «Долгое падение спящего» или подобное слащавое дерьмо. «Но взгляни на это с другой стороны, приятель» – ни сирен, ни сигналов тревоги, никаких перебоев в сплетаемых танцорами ритмах. Дергач у меня в кармане – собственность заведения, поэтому, пока я шел по залу, датчики оружия на него никак не реагировали. И я был почти уверен, что не дал Дому или его приятелю времени нажать на тревожную кнопку прежде, чем уложить их.

«Две минуты, максимум три» – примерно столько времени было у меня, прежде чем бардак перед входом вскипит и последует за мной внутрь. Стараясь двигаться плавно и неза-

метно, я пробрался в самое сердце клуба. Спокойно, ребята, ничего такого, следите за выставленными перед вами товарами, если хотите. Не обращайтесь на большого парня с лицом, которое испортит ваш вечер. Он не ваша проблема, и вы не хотите, чтобы он ею стал.

Я заметил Сэла за большим столом на балконе. Он развлекал несколько трезвого вида ребят с Эллады. Не большой сюрприз, по крайней мере не для меня. Между КОЛИН и китайским Кратером всегда бросается в глаза отсутствие любого официального сотрудничества – привычка, унаследованная обеими организациями от своих земных родителей. Но там, где давняя земная геополитическая вражда препятствует братским отношениям, на Марсе мягкая торговля найдет лазейку. Деньги из Кратера уже десятилетиями стекались в Разлом с черного входа, и, похоже, Сальватор Кирога лакал из этого ручейка в точности, как и все остальные.

Я неторопливо поднялся на балкон по широкой винтовой лестнице, врезанной в заднюю стену клуба. Музыка здесь была более приглушенной и перемешивалась с гулом погруженных в беседу громких голосов. Я лавировал между танцевальных площадок, держа курс на сидящего за столом Сэла. Когда приблизился, одна из одетых в костюм китаянок извинилась, поднялась и направилась в туалет. Она прошла достаточно близко, я мог коснуться ее рукой. Взглянула она на меня или нет, черт знает, – в тусклом свете ламп линзы ее гарнитуры казались непроницаемо черными.

За столиком впереди сидело еще четыре человека таких же, как она, — костюмы и гарнитуры играли роль формы, стирающей индивидуальные различия. Трое мужчин и одна женщина, насколько я могу судить, все излучали одну и ту же спокойную, бесстрастную силу. Невозмутимая аудитория сосредоточенно слушала скрипучий монолог вошедшего в раж Сэла Кирогги. Свободно владея испанским и кечуа, в этот вечер из уважения к своим гостям он говорил по-английски. Впрочем, судя по тону его речи, выбором языка его уважение и заканчивалось.

— ...и если, друзья мои, вы думаете, что я буду сидеть спокойно из-за таких процентов, то вы выбрали не тот ебанный клуб. У вас нет такого влияния на меня. И не забывайте, кто пустил сюда подобных вам. Я не собираюсь...

Я приземлился на освободившийся стул.

— Привет, Сэл.

Вокруг стола пробежала короткая нервная рябь. Один из обитателей Кратера потянулся за чем-то под мышкой, затем опустил руку, когда товарищ успокаивающе положил ладонь ему на плечо. За спиной Сэла такая же рябь прошла по его охране — двум местным мордоворотам в одежде такого свободного кроя, что ей удавалось скрывать большую часть навешанной брони. Та, что справа, затараторила в свой комм-чекер. Полагаю, пыталась связаться с ребятами на входе.

Ну, удачи, конечно.

Кирога снял гарнитуру, чтобы лучше сверлить меня

ВЗГЛЯДОМ.

– А ты еще, блядь, кто такой?

– Ты делаешь мне больно.

– Да ну? – Он покосился на закованного в броню бугая слева от себя. – Тупак сейчас тебе сделает куда больнее, если ты не расскажешь, кто ты, блядь, такой и что забыл за этим столом.

Женщина наклонилась и принялась шептать ему на ухо. Она, как и те двое на входе, прогнала меня через систему опознавания лиц. Нашла совпадения и все, что у них на меня было. По крайней мере, мое имя и недавнее прошлое.

На лице Кироги отразилось запоздалое удивление.

– Ты похудел? – с любопытством спросил он.

– Я три дня как вылез из резервуара, Сэл. Нет времени на болтовню. – Я небрежно навел дергач на двинувшегося в мою сторону Тупака. – Не вздумай.

Он застыл. Нелетальный – практически честное описание любого стандартного дергача, если не думать о стариках и людях со слабым сердцем. Но оно не берет в расчет то, насколько это невесело – биться в повторяющихся, словно в зеркальной комнате, эпилептических припадках, чувствовать, как многоножки в ботинках с кислотными подошвами маршируют туда-сюда по нервным волокнам и извиваются по центральной нервной системе, срать и мочиться на месте и беспомощно лежать там, в бесконечно повторяющемся спазме с не покидающей ноздри вонью до тех пор, пока за-

ряд, наконец, не иссякнет.

Если тебя разок подстрелят из такой штуковины, ты сделаешь все, чтобы это не повторилось снова.

Я кивнул Тупаку – «умный мальчик, давай и дальше обойдемся без глупостей» – и положил дергач обратно на колесо. Женщина по другую сторону от Сэла даже не дернулась, но наблюдала за мной из-под своей гарнитуры с совершенно мертвым спокойствием. Искала малейшую возможность.

Сэл тем временем вспомнил, что у него гости.

– Слушай, у меня тут встреча, – прорычал он, – о каком бы дерьме ты ни хотел поговорить, Вейл, это может...

– Синтия.

– Син... – Он разинул рот. Провел связь. Испуганно хохотнул. – Быть того не может. Скажи мне, прошу, скажи мне, что ты пришел сюда не за этим. Долбоеб. Ты плохо понял в прошлый раз?

– Да. Я узнал, что ты нарушил условия нашей сделки и все равно ее прикончил.

– Эта сука меня обокрала!

– Она совершила дурацкую ошибку и поняла это. Поэтому пришла ко мне. Она жалела об этом.

Он ухмыльнулся.

– Уж в конце-то точно.

– У нас была сделка, – я старался говорить бесстрастно. – Ты получаешь свой товар обратно, она уходит целой и невредимой. Ты получил свой товар обратно.

Он вздохнул. Возможно, рисовался перед гостями – «по-слушайте, мы все здесь разумные люди, это просто бизнес».

– Ты всерьез думаешь, что я мог позволить одной из моих танцовщиц провернуть подобное дерьмо и просто уйти целой и невредимой? Думаешь, об этом не прознали бы?

– Я думаю, у нас была сделка и ты ее нарушил.

– Слушай...

– А когда я попытался войти сюда и переговорить с тобой по этому поводу, ты велел своим мордоворотам на входе избить меня до полусмерти и вышвырнуть на Бульвар.

– Я сказал им, чтобы они ничего тебе не сломали. Я велел не убивать тебя.

– Да, это была твоя вторая ошибка.

Как щелчок тающего в стакане льда. Под мягкую настойчивость клубного ритма над столом сгустилась давящая холодная тишина. Кирога мгновение сверлил меня взглядом, затем у него на лице что-то дернулось. На губах расплылась тошнотворная улыбка.

– Ты с ней трахался. Так?

Я промолчал.

– Я хочу сказать... а как еще она могла с тобой расплатиться? Должна была как минимум разок или два тебе отсосать.

– Ты упускаешь суть.

– Ты же знаешь, что она на самом деле даже не была девочкой. Наша Синтия.

Я подался вперед.

– Кем она была, Сэл... так это моим клиентом.

Его лицо снова дернулось. Женщина справа от него сделала маленький шаг в сторону. Я поймал ее взгляд и почти незаметно покачал головой.

Кратерные твари безмолвно наблюдали за происходящим. Кирога фыркнул.

– Клиентом. Вейл, ты больше не Черный Люк, Вейл.

– Не важно. Она обратилась ко мне за защитой, и на эту работу я подрядился. – Я снова встретился с ним взглядом. – Думаешь, об этом не прознают?

На этот раз тишина продлилась дольше. Сквозь звучащий на заднем плане шум музыки и голосов пробились едва слышные звуки – панической болтовни, раздающейся возле входа. Моя отсрочка подошла к концу – пора с этим заканчивать. Я поднял пустую руку, спокойно и открыто, словно прося разрешения заговорить.

– Так что, сам понимаешь, нам нужно решить эту проблему. А потому мне нужно, чтобы ты кое на что посмотрел. И оно прямо здесь, у меня в кармане. – Я похлопал себя по груди. – Расслабься, Сэл, я не собираюсь в тебя стрелять, даю слово.

Очень медленно, не сводя пристального взгляда с охраны Кироги, застывшей с кривыми от напряжения лицами, я сунул руку в карман и вытащил наружу его содержимое. Женщина сразу расслабилась, когда поняла, что это не оружие.

Тупак просто продолжал смотреть на меня так, словно хотел разломить пополам, будто хлебную палочку, и съесть обе части. Но когда я опустил руку на стол, его взгляд переключился на предмет в моей ладони. Охранник нахмурился.

Маленький цилиндр, десять сантиметров в длину, похож на тонкую питьевую канистру. Соединительные отверстия в основании, где он должен к чему-то крепиться, крошечный пустой экран наверху. Ребята на входе почти наверняка смогли бы сказать Сэлу, на что именно он смотрит. Но Тупак и женщина справа шли по более высокой ценовой категории. Чисто городские мускулы, они, скорее всего, построили себе карьеру в корпоративной безопасности или полицейском управлении Брэдбери и никогда в жизни не видели изнутри рабочего лагеря в Нагорье.

Однако они могли прогнать скан через гарнитуры...

— И на что мне предполагается посмотреть? — в голосе Сэла сквозило явное облегчение. — Я не в настроении для шуток, Вейл. Тебе лучше...

Патрон сигнальной аварийной ракеты взорвался прямо ему в лицо.

* * *

Яростное белое пламя растеклось по всему балкону. Оно остановило танцоров на платформах, оторвало тени от тел, словно с корнем вырывая их темные души. Вычистило все.

Выбелило помещение.

На плато пользуешься модифицированной сигнальной установкой, чтобы запустить весь заряд на высоту в тысячу метров. Оттуда он заливал окружающий пейзаж резким сиянием, выпускал парашют и медленно опускался обратно, сияя, словно миниатюрное солнце. Даже на таком расстоянии, если попытаться взглянуть на подобный источник света, перед глазами все шло пятнами. Сэл Кирога получил полный заряд с расстояния в полметра и сразу ослеп. Не знаю, было ли в заряде достаточно ультрафиолета, чтобы обеспечить ему ожог сетчатки, но орал он так, словно нашлось предостаточно.

Не переставая вопить, он закрыл лицо руками и попытался подняться. Споткнулся о собственный стул и упал навзничь.

В моих собственных глазах захлопнулись патентованные мигательные мембраны БВ, блокируя белое пламя. Сквозь подаренное ими затуманенное желтоватое зрение я увидел, как охранники Сэла, преодолевая боль, шарят вслепую, пытаясь нащупать оружие. Я подстрелил их обоих из дергача – хрустальные осколки преодолели разделяющее нас расстояние, неслышимые из-за царящих вокруг криков паники и звуков музыки. Заряд прошел сквозь броню, что на них была, сквозь одежду и плоть, вытащил все их нейронные разъемы и замкнул каждый, от головы до ног. Они дернулись в спазме и повалились на пол.

Воздух заполнился нестройными криками.

Я вскочил с кресла, одним прыжком перемахнул через стол и приземлился по другую сторону. Сэл Кирога корчился на полу, все еще крепко прикрывая лицо руками, грязно матерясь и приказывая убить меня. В полете я задел патрон от сигнальной ракеты, тот упал, прокатился по все еще охваченному пламенем столу, свалился на пол и ускакал прочь. По стенам и потолку плясал сонм безумных теней, казалось, весь клуб содрогается в тисках землетрясения. Буря белого пламени бушевала вокруг, окружила нас, похоронила в самом своем сердце.

Я выбросил дергач, чтобы не мешался. Сильно ударил Кирогу по ребрам. От боли тот забился в конвульсиях, свернулся в клубок и прижал руки к груди. Я оседлал его и перевернул на живот. Опустился на корточки, обхватил его шею локтем и уперся коленом в поясницу.

– Тебе это понравится, Сэл, – прошипел я. – Все дело в давлении.

Глава третья

Полиция Брэдбери нашла меня пару часов спустя в закусочной под названием «Учу» на Феррит-драйв. Довольно оперативная работа, но, с другой стороны, я же не прятался от них. Занял отдельную кабинку у окна и сидел там у всех на виду. Тарелка с едой стояла передо мной на столе почти нетронутая – когда ты разгорячен, то знаешь, что должен поесть, но тебе почти никогда не хочется. В руке – пустая стопка. Рядом со стопкой бутылка, содержимое которой уже уменьшилось на добрых несколько пальцев. Меня знают в «Учу». Несколько лет назад я оказал владельцу парочку услуг, и с тех пор специально ради меня он держит на Марсе бутылку «Марки» – она спрятана под барной стойкой с моим именем на этикетке. Наверное, ему обходится в круглую сумму постоянно держать ее полной, но, с другой стороны, оказанные мною услуги тоже были не из дешевых.

По другую сторону залитого дождем окна остановился узкий черный краулер БМВ. Машина без опознавательных знаков, ни на ком из выбравшихся наружу людей не было формы, но вы бы и так поняли, кто они такие. Они поспешили вперед и прошли мимо моего окна, направляясь к двери. Я услышал, как та открылась за моей спиной. Вместе с вновь прибывшими внутрь ворвался порыв холодного уличного воздуха и коснулся ледяными пальцами моего затылка.

Я почувствовал, как они подошли ко мне, и мгновение спустя она скользнула на сиденье напротив.

– Привет, Вейл.

– Никки.

Она отлично выглядела, впрочем, как и всегда. Андские скулы, кожа цвета кофе с молоком, за прозрачными линзами гарнитуры прячутся глаза невероятного кобальтово-синего цвета. Густое облако волос опускается до плеч, черную как смоль гриву тут и там оттеняют вплетенные в нее седые пряди.

– Могу я что-то для тебя сделать? – поинтересовался я.

Она повернула голову и ребром ладони смахнула осевшую на волосах морось от дождя, вызванного «Партикл Слэм». Капли осыпались на столешницу и на едва тронутую тарелку с едой.

– Можешь ли ты что-то для меня сделать? Полагаю, ты можешь перестать убивать мелкую шваль на моей территории.

– Это было три года назад, лейтенант. Древняя история. С каких пор вы так долго держите обиды?

Никки одарила меня дежурной улыбкой и со всей силы пнула по голени. Стандартные форменные ботинки со стальными носками. Я хмыкнул, стараясь не корчиться от боли.

– Не еби мне мозги, Вейл.

– Даже не мечтал, – выдавил из себя я.

– Два часа сорок семь минут назад ты вошел в клуб Саль-

вадора Кирогги на Бульваре. Ты вырубил вышибал на входе и направился напрямиком к его столику на балконе, словно заранее знал, что он будет там. Ты сел за стол и начал говорить. Это все есть на записи с камер наблюдения, мы ее изъяли. Две минуты спустя Кирогга умирает от перелома позвоночника. Так что... – Кончиками пальцев она смахнула со стола несколько упавших на него капель воды. – Не хочешь рассказать, что случилось?

– А что говорит запись с камеры наблюдения?

Она разок мрачно кивнула, и коп, стоящий у меня за спиной, подобно каменному обвалу обрушился на мою шею и плечи. Тарелка и столовые приборы звякнули от такого удара, стопка подпрыгнула и упала на столешницу. Никки Чакана подхватила закачавшуюся бутылку прежде, чем та последовала за стопкой. Коп прижал меня лицом к столу и повернул голову так, чтобы я мог видеть его босса.

Чакана взвесила бутылку в руке, изучила этикетку.

– Не думала, что ты можешь позволить себе такие напитки. Нет никакой гребаной записи, Вейл. Твой осветительный патрон ослепил все камеры наблюдения на балконе на все время происшествия. Удивлен?

– Мхмф, – не самый удобный способ вести беседу, когда половина твоего лица впечатана в столешницу. – Не... думал об этом.

– Не сомневаюсь, что ты об этом не подумал. Зачем ты пришел к Кирогге?

– Он задолжал мне денег.

Обрушившийся на мои плечи полицейский издал какой-то горловой звук.

– Так ты поэтому, блядь, его убил?

Я ухмыльнулся в стол.

– Ты, похоже, новенький. Из мертвеца долгов не выбьешь, приятель. Это же основы вымогательства, разве лейтенант тебе этого еще не объяснила?

Облеченная в куртку рука придавила голову еще сильнее. Виски обхватили тонкие осколки боли. Я напрягся и изо всех сил махнул назад левой рукой, метя ему в яйца. Плохо прицелился – я едва погладил его по ноге, но коп отшатнулся назад, и давление на шею ослабло. Я рванулся, метя пальцами другой руки ему в глаза. Он вскрикнул, и оставшиеся стражи закона навалились на меня, как минимум двое. Кто-то заломил мне руку и вывернул с такой силой, что до перелома оставалось миллиметра два. Я зарычал и лягнул ногой. Кто-то еще выхватил пистолет и ткнул его дуло мне под подбородок. В моем ухе раздался напряженный женский голос.

– Еще раз лягнешь, чувак, и я тебя грохну.

Я дернулся и сумел оттолкнуть пистолет. Он больно ударил меня по голове сбоку.

– Ну так давай, не бросай слов на ветер. Сделай это.

Чакана цыкнула, и столь же внезапно они от меня отстали.

Но поверьте, отошли не далеко, меня буквально окружало кольцо оскалившихся зубов. Коп с оружием все еще реши-

тельно целилась в меня из пистолета – зловещего вида «Глока Сэндмена» стандартной полицейской модели. Спусти она крючок, мне бы мозги вышибло.

Мы все перевели дыхание. Немного поправили одежду.

Сидящая напротив Никки Чакана яростно сверлила меня взглядом прищуренных глаз.

– Как давно ты выбрался из капсулы, Вейл?

– Три дня назад.

– Вот же сука, – она покосилась на тарелку с почти нетронутой едой и бутылку «Марки» в своей руке. – И как я это пропустила? Так, пакуйте его в краулер. Возвращаемся на Полис-плаза.

* * *

Повинуясь какому-то заранее условленному сигналу, который я не заметил, они прошли мимо клетки для задержанных в задней части краулера и вместо этого усадили меня на сиденье второго ряда, зажав между копом, который обрушил свой вес мне на плечи, и полицейской, которая тыкала своим пистолетом мне в глотку. Доносящийся сзади запах дезинфектанта пополам с антиадреналами все равно просачивался в салон через решетку переборки.

Чакана уселась спереди, рядом с водителем.

– Езжай по Восемнадцатой, а затем по Союзной, – велела она. – Мы потеряем час, если не больше, если попытаемся

проехать через центр. Ебанные дождевые толпы.

Зажглись приборные панели, мягкий свет в уютной темноте. Магдвижок БМВ откашлялся, краулер приподнялся, и мы скользнули в уличный поток. Чакана подавила глубокий зев.

– Мог бы и предупредить, что ты вылез всего три дня назад, – сказала она, не глядя на меня.

– Могла бы и спросить.

Чакана откинулась на сиденье и закинула ногу на приборную панель.

– Я и спросила. Если мне память не изменяет.

– Раньше. Ты могла бы спросить раньше, – я покосился на своих соседей, те с каменным выражением лиц меня проигнорировали. – Могла бы избавить нас от некоторых проблем.

Водитель оскалился:

– Все еще считаешь себя особенным, засранец?

– Он и есть особенный, – устало протянула Чакана. – В этом-то и проблема. Это все равно что выйти на ринг и попытаться арестовать Корки Свободу после второго гонга. Моя ошибка, народ. Я недоглядела. Блюз падающего челнока. Я уже почти тридцать гребанных часов на ногах, бегаю по поручениям Малхолланда.

– А я-то думал, что это работа Сакаряна, – вслух заметил я, – следить за тем, чтобы все блестело и выглядело по-колонiallyному для гостей с Земли. Поддерживать видимость,

когда новая партия квалпро выйдет на прогулку.

– Заткни пасть. Ты не имеешь права говорить о подобных вещах.

– У меня сложилось впечатление, что ты сама хотела со мной об этом поговорить.

– Нет, – Чакана выгнула спину, упираясь в спинку сиденья. Я готов был поклясться, что услышал, как хрустнул ее позвоночник, когда напряжение спало. – Я бы хотела, чтобы ты признался. Но не волнуйся. Мы до этого дойдем.

– Не могу дождаться.

– Придется подождать. Тебе придется посидеть в кутузке недельку-другую, Вейл. Понимаешь, у меня прямо сейчас куча дел, важных дел. Так что до тех пор, пока химия твоего тела не опустится до уровня, чуть более готового к сотрудничеству, я не собираюсь тратить на тебя время. Ну что за хрень, а это еще что за дерьмо?

Галогеновые фары краулера высветили скопление людей на другой стороне улицы. Колышущийся клубок переплетенных фигур сновал туда-сюда по всему фронту, брангелевые плакаты пьяно вздымались в дождливом воздухе, когда их владельцы присоединялись к схватке. В толпе маячило приличное количество людей в форме, как полиция, так и некоторые другие, которых я не сразу узнал. На нанобетоне лежала парочка тел, которым задавали отличную взбучку.

Водитель хмыкнул.

– Смахивает на демонстрантов Паблито.

Он медленно остановил краулер метрах в двадцати от преградившего нам путь хаоса. Приземлившийся мне на плечи коп приподнялся и подался вперед, глядя через плечо Никки.

– Опять Паблито? Я думал, эта херня затихла несколько месяцев назад.

– Они знают, что челнок только что прилетел, – Чакана указала вперед. – Посмотри на гели. «Красная планета, красные руки». «Нет справедливости на Марсе». Шанс произвести впечатление на землян. Черт побери, кого они поставили за этим следить?

– Это не твои люди, Никки. Там на заднем плане парни в форме «Эм-Джи-4», частная вечеринка. Твои люди просто занимают место.

– Я вроде велела тебе заткнуться.

Я пожал плечами.

– Лады. Кто такой Паблито?

Нет ответа. Они все глазели на хаос впереди. Чакана начала нервничать – боролась с желанием выйти и взять все под контроль. Когда ее должность занимал Сакарян, то куда меньше пачкал руки, но, с другой стороны, от него и пользы-то особой не было. Для Сакаряна должность главы убойного отдела была лишь промежуточной ступенькой, его лифт ехал на самый верх, и он принял это назначение с карьеристским апломбом. Управлял департаментом в командно-приказном порядке, не высовывая носа из офиса, и к тому же

строго по уставу. Он показывался на улице только тогда, когда случался какой-то пиздец и нужно было отделаться немногословным устранением последствий для новостных сводок. На контрасте Никки Чакана принципиально держалась как можно дальше от журналистов, оставляя их на совесть пиар-ботов департамента. Едва ли во всем марсианском архиве найдется более чем стосекундная запись с ее участием. Публика практически не знала о ее существовании. Но всякий раз, когда офицеры сталкивались с проблемами на улице, в открытую или нет, чаще всего Никки оказывалась в самой гуще событий.

– Я мог бы сдать назад и свернуть на Одиннадцатую, – с сомнением в голосе предложил водитель, – посмотреть, если...

– На хер. Оставайся тут, – Чакана достала из кармана силовой кастет и прикрепила к руке. Тот зарядился с быстрым, усиливающимся воем. Она ударила по кнопке открытия двери, повернулась на сиденье и, пока дверь поднималась, пригвоздила меня взглядом. – А ты сиди на жопе ровно, Вейл. Вы двое – следите за ним. Он разгорячен. Весь его метаболизм ищет повод вляпаться в неприятности. Если он начнет доставлять проблемы, не сдерживайтесь. Сломайте ему что-нибудь.

С этими словами она нырнула под все еще поднимающейся дверью и зашагала сквозь дождь по направлению к драке. Схватила одного из ошивающихся на задворках «Эм-

Джи-4» за воротник, причем, судя по виду, не слишком дружелюбно, и начала орать на него. Слова за гневным гулом толпы были неразличимы. Водитель ткнул в приборную панель, и дверь опустилась на место, отрезав нас от шума и дождя.

– Так кто такой Паблито? – снова поинтересовался я.

Сидящая по левую руку от меня полицейская, та самая, что тыкала стволом в глотку, фыркнула.

– Что с твоей гарнитурой, красавчик?

– Осталась дома, давится обновлениями. – Я в принципе не соврал. Хотя прежде всего я не взял ее с собой из-за того, что записи системы можно было представить в качестве доказательств. – Я был в гиберноидной коме с конца Тельца, потому как-то не особо в ней нуждался.

– Так ты действительно гиб? – с любопытством поинтересовался коп справа. – Должно быть, непросто жить с таким дерьмом. Не думал, что таких, как ты, еще выращивают.

– Я – взрыв из прошлого. Так кто такой Паблито?

– Какой-то долбоеб-строевик, который выиграл в лотерею «Полет домой» во вришке, – мистер Силач, походу, простил мне нашу потасовку в «Учу». – И сразу после этого пропал. Никто не смог его отыскать, так что свой рейс на Землю он пропустил. Потом профсоюзы неделями вопили об убийстве, коррупции и классовой войне. Потом к делу подключились сакраниты. В Нагорье случились беспорядки, маршалам пришлось отправиться туда и разбить пару голов. Здесь

тоже были всякие помехи, в конце концов Сакарян был вынужден вмешаться. Он запустил большое расследование о пропаже людей.

Вришика – последний полный месяц марсианской зимы и лучшая часть последних семнадцати месяцев. Я это время провалялся в постельке – моя предпоследняя гиберноидная кома в этом марсианском году – и, очевидно, пропустил все веселье. К этому привыкаешь. Ты спишь четыре месяца из каждых двенадцати, а остальной мир продолжает вращаться, и наряду с бесчисленными шутками и модными трендами ты пропускаешь огромное количество сплетен о текущих событиях.

Я изогнул изящную бровь.

– Семнадцать месяцев, значит? И они до сих пор его не нашли? Даже тела?

Коп с мрачным видом кивнул в сторону нарастающего хаоса демонстрации по ту сторону лобового стекла.

– А сам как думаешь?

– Может, они его нашли? – предположил водитель. – Тогда бы все закрутилось по новой.

Девчонка с пистолетом покачала головой.

– Мы бы услышали. К тому же Сакарян оцепил бы это место, как только поползли слухи.

«Это место». До меня начало медленно доходить, что фасад, перед которым столпились демонстранты, принадлежал новому зданию «Хоркан Кумба Ультра». Они уже начинали

его возводить, когда я залез в резервуар, но тогда тут еще не на что было смотреть выше уровня фундамента. С наностроительством вообще редко когда удается на что-то посмотреть – они неделями закладывают фундамент, не слышно ничего, кроме тихого шипения «протокольных кроватей», а затем однажды утром ты просыпаешься и видишь вздымающийся памятник корпоративным прибылям и колониальной синергии. «Перевозки Вектор Рэд», занимающаяся космическими полетами дочерняя компания ХКУ, выиграла обновленную франшизу на челночные перевозки еще в начале года, так что их лицензия на печать денег будет действительна в течение следующих тридцати лет. Ну и все эти деньги надо же на что-то тратить.

– Так какая рабочая версия? – рискнул я. – Несчастный случай или какой-то завистливый ублюдок?

– Наверное, завистливый ублюдок, – мрачно заметила девушка с пушкой. – Если бы это был несчастный случай, то его бы нашли.

– Смотря как искали. Кому поручили дело, старому придурку Томайро?

В краулере внезапно воцарилась ледяная тишина. Все резко нашли, на что поглазеть за окном.

– Справедливо. Кстати, как там Гравий Родригес, преуспела на 101-й стене в этом году?

Копы поерзали, тишина затянулась, но, на мой взгляд, температура в салоне поднялась на несколько градусов.

– Пришла второй, – неохотно ответил силач. – Проблемы с сухожилиями по-прежнему мешают ей на дальних подачах.

– Правда? Я думал, их починили еще весной.

Девушка с пушкой фыркнула.

– Это никак не связано с построением сухожилий, Фрэнк. Это все эти гребаные турбины «Осмotech», с которыми она застряла. Ей никогда не следовало подписываться с этими мудаками.

– Эй, они предложили ей кучу денег, – возразил водитель.

– Да? А теперь смотри, как они превращают ее в испытательный полигон всякий раз, как высирают очередной недоделанный код. «Осмotechу» насрать на спорт, они просто...

– Она возвращается.

– Едва ли, чувак. С такими сухожилиями и...

– Нет, она возвращается, – водитель указал на приближающуюся фигуру Никки Чаканы и нажал на кнопку открытия дверей. – Похоже, мы сейчас поедem.

– Ага, или пойдем разбивать головы, – заметил силач. – Мне кажется, она вне себя от бешенства.

Я мысленно с ним согласился. С таким оскалом, как у Чаканы, можно было и медаль выиграть. Никки заглянула в салон.

– Так, народ, что я могу вам сказать... это ебаный бардак. Мне придется остаться здесь, или придурки из «Эм-Джи-4» доведут дело до полномасштабного бунта. Этот тупой суперинтендант не смог бы найти гору Олимп, даже ес-

ли бы она была чирьем на его заднице. Фрэнк, мне бы не помешала твоя помощь. Вы двое сможете доставить нашего приятеля в участок?

– Пospорим? – сказала девица с пушкой, и водитель коротко кивнул.

– Хорошо. – Чакана обратила оскал на меня. – Вейл, ты знаешь правила. Будешь вести себя хорошо – окажешься в мягкой камере. Будешь страдать херней – и следующую неделю проведешь в гробу.

– Качество. Выбор. Свобода, – произнес я. – Приятно видеть, что статьи Хартии соблюдаются.

Она слабо усмехнулась. Затем, не сводя с меня взгляда, донесла основную мысль:

– Предупреждаю тебя, Вейл. Даже не думай о том, чтобы я опять нашла тебя в таком состоянии.

Лица водителя я не видел, но достаточно легко заметил реакцию девицы с пушкой. Теперь она сама хмурилась. Не могу ее винить – подтекст в словах Чаканы был столь же очевиден, как рекламный ролик «Партикл Слэм».

«Вейл, – неслышно сказала она, – я знаю, в каком ты сейчас состоянии, и знаю, что разобраться с этими двумя и улизнуть будет не сложнее, чем Гравий Родригес подняться по лестнице. Но если ты так поступишь, то сама Пачамама и все ее страдающие святые не помогут, когда мы возьмем тебя в следующий раз, потому что я превращу твою задницу в заводскую проходную».

– Лейтенант, мы справимся, – угрюмо заявила девица с пушкой.

Чакана не сводила с меня взгляда. Я кивнул.

– Так и есть, Никки. Они со мной справятся.

– Ну хорошо. Найма, оформи его и запри в камере, затем свяжись со мной из участка. Я скажу тебе, если мне понадобятся еще люди. Фрэнк, пошли.

Силач открыл дверь и выбрался наружу. Мы наблюдали за тем, как они устремились в сторону демонстрации. Девица с пушкой, как мне показалось, с чуть большей завистью. Затем водитель завел двигатель и краулер ожил. Сдавая назад, водила обернулся и посмотрел на меня, буркнув:

– Не доставляй нам хлопот, сам знаешь, так будет для тебя лучше.

Я бью Найму локтем в лицо и ломаю ей нос. Размазываю девку по сиденью и забираю ее «Глок». Тычу ствол под ребра, нажимаю крючок – два выстрела подряд, чтобы наверняка. Затем перевожу дуло на водителя быстрее, чем тот успевает среагировать – вижу, как его рот искажается в крике, которому так и не суждено вырваться из его глотки, – а затем вышибаю ему мозги, которые разлетаются по всему покрытому дождевыми каплями лобовому стеклу и светящейся приборной панели...

Разгорячен.

Я смотрю на свои руки, неподвижно лежащие на коленях, и тихо отвечаю:

– Никаких проблем, и в мыслях не было.

Глава четвертая

«Не думал, что таких, как ты, еще выращивают».

Да? Тогда ты еще тупее, чем кажешься.

Ты что, думал, после Якобсена все просто успокоились и согласились играть по правилам? Один кроткий лысеющий шведский спец по гентеху пишет доклад в ООН, сурово грозит пальчиком, и внезапно все заканчивается? Правительственные агентства и сверхфинансируемые корпоративные партнеры осознают свои заблуждения, откладывают инструменты в сторону и начинают рыдать? Нищие женщины перестают продавать будущих детей, загруженных им прямо в яичники, чтобы прямо здесь и сейчас прокормить уже имеющихся? Блестящие молодые люди в лучших генетических лабораториях перестают скупать сырой материал килограммами? Стесненные в средствах региональные законники, чьим основным источником дохода остается продажа отдаленной и заброшенной недвижки, перестают заключать сделки на размещение уклончиво называемых «исследовательских центров», не задавая никаких вопросов? Представители правительств и корпоративных отделов по связям с общественностью перестают лгать об этом, а секретные правоохранительные организации никак не могут спрятать концы в воду?

Ты, блядь, с какой планеты?

Пока меня оформляли, по всему Полис-плаза продолжали крутить кадры с челноком. С полсотни повторяющихся ракурсов стыковки – верхняя часть нанорельефа Уэллса, центральный экран, похожий на огромный бронзовый одуванчик, прорастает в низкоорбитальное пространство, ищущий нос челнока, опускающийся в безликой черноте, первое соприкосновение, объятие манипуляторами, поцелуй с языком. Кадры из кабины: пилоты-люди, занятые неполный рабочий день, ухмыляются в камеру. Карантинные бригады поднимаются в нанораме лифта для персонала, в защитных костюмах они кажутся приземистыми и наполовину расплавленными. К трансляции подмешана целая выставка неподвижных снимков, сделанных с пассажирского манифеста, – новое мясо для журналистского пира. Наемники квалпро, начинающие свои заоблачные трех- или пятилетние контракты, ультрапутешественники – герои спорта и лица с экрана, плюс сопровождающие их съемочные группы и свита, и, быть может, пара-другая залетных туристов.

Приговоренные к принудительному труду каторжники также указаны в манифесте, но их лиц на экране вы в ближайшее время не увидите.

Добро пожаловать на Марс, неудачники.

По нижнему краю трансляции безостановочно бежал

текст: английский, испанский и кечуа сменяли друг друга. В тексте шла речь о других сенсационных историях, но большинство из них в передачу так и не попали. Даже успех «Партикл Слэм» с вызовом дождя лишь секунд на десять смог вытеснить прибытие челнока: тут и там попадались залитые дождем ночные улицы, морось на ветру. Ликующие толпы. А теперь вернемся к основному сюжету. «Челнок прилетел!»

– Вы все еще смотрите это дерьмо? – спросил я Наиму, пока меня прогоняли через сканирование сетчатки и оформление. – Да эта чертова железка пришвартовалась день назад. Она пожала плечами.

– Ну давай, найди хоть один канал, где показывают что-то другое.

Позже, уже в камере, я попытался. На стене напротив койки висел потертый и потрескавшийся гибкий экран. Я включил и пролистал около десятка каналов, после чего сдался и оставил непрерывный поток изображений и комментариев делать свое дело. Единственная альтернатива – выключить экран и сверлить взглядом стены, на что в тот момент у меня не было настроения. Когда ты разгорячен, то болезненно внимателен к деталям окружающей среды, разум их жаждет, цепляется за них, как голодающий за стейк. Я так и не понял, то ли это побочный эффект циклов, присущих физиологии гиберноидов, то ли небольшой бонус, добавленный дизайнерами для соответствия спецификациям миссии. В любом

случае мне приходилось с этим жить.

Я сидел и смотрел телик, просматривая отснятый материал в поисках любой мало-мальской подсказки.

На экране красовались стандартные кадры устройства челнока – длинные ряды криокапсул в трюме, которые теперь были опущены на палубу для декантации и просвечивались синим светом сканеров, загадочные сложенные конструкции из плит и мигающие огоньки комнаты управления, каюты экипажа, после нулевой гравитации и хаоса двух дней полета забитые личным хламом, трубопроводы, трапы, коридоры и – вот оно! – в течение всего пары секунд камера скользит мимо невинного, плотно задраенного люка в недрах корабля. Он не черный – вопреки мифам и фильмам, они никогда не бывают черными, – но отличительные знаки и мигающие на девственно-белой поверхности огоньки не оставляют пространства для ошибки.

УСТРАНЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ. БОРТОВАЯ СИСТЕМА РЕАГИРОВАНИЯ НА АВАРИЙНЫЕ СИТУАЦИИ. ЛЮК ВЗВЕДЕН И ПОД СИГНАЛИЗАЦИЕЙ – НЕ ОТКРЫВАТЬ. ДОСТУП ЭКИПАЖА ЗАПРЕЩЕН.

Разумеется, прочитать все это за время, пока камера проносилась мимо, было невозможно, но мне это и не требовалось. Я и так знал, что там написано.

Посреди люка, подобно биению сердца, медленно пульсировал зеленый огонек. Он был там.

Или она. Хотя это и не так распространено, как любят ду-

мать одержимые сексом и резней в космосе имбецилы. Женщины занимаются такой работой, спору нет, просто не слишком часто и, как правило, недолго.

Для меня это была дюжина лет, плюс-минус, и я завязал вовсе не из желания завести семью или пересмотреть карьерные перспективы. В случае с оверрайдерами это так не работает. Когда тебя начинают готовить к профессии еще до твоего рождения, в генах должно оказаться нечто крайне необычное, чтобы появилось желание уйти, и со мной никогда не происходило ничего, подходящего под это описание. Межпланетная компания по силовой и охранной логистике «Блонд Вайсютис» снарядила меня для определенной цели и отправила в небеса в качестве никем не превзойденного сторожа.

И в конце именно «Блонд Вайсютис» выставила меня на мороз.

Я откинулся на койку и закрыл глаза. Еще раз увидел пульсирующий зеленым огонек.

«Как давно ты в отключке, мой видящий холодные сны брат?»

Всего один рейс, или же они постоянно возят его туда-обратно так, как, по мнению Рубена Гроэлла, сейчас все и обстоит?

– Они обращаются с нами словно с грузом, – ворчит он как-то вечером, сидя в «Учу» за стаканами «Марки». – Туда и обратно, туда и обратно, туда и, блядь, обратно. И

пойми, если в наши дни откажешься подписывать пункт о нулевом декантировании, то можешь помахать ручкой примерно половине контрактов с приличной оплатой. Говорю, брат, тебе повезло, что ты вовремя выбрался.

– Можно и так взглянуть на ситуацию.

Он замечает выражение моего лица прежде, чем я успеваю опустить взгляд.

– Брось, Хак, я не это имел в виду. Ну да, «Блонд Вайсютис» слили тебя, я это знаю, но они слили кучу людей. Они – гребаная межпланетная охранный фирма, они этим на жизнь зарабатывают. Но серьезно. Неужели ты бы хотел вернуться, даже если бы мог? Снова и снова уходить в Большой Холод и гадать, не заработаешь ли в следующий раз, когда тебя декантируют, летальный случай Ганимедского обморожения?

– Брось, Руби. Когда ты в последний раз слышал, чтобы Ганимедская морозилка кого-то убивала?

– Это не значит, что такого не случается. Думаешь, они бы нам рассказали?

– Я думаю, что технология улучшились, брат. И, по правде говоря, могу вспомнить гораздо больше хероты, которая нервировала меня куда сильнее в этой работе.

– Да? – От выпивки становишься немного сонным и воинственным. – Например?

– Забудь.

Зеленый огонек пульсирует у меня перед глазами, словно

похмелье, словно старое сожаление.

– Как ты вообще уживаешься сам с собой, оверрайдер?

Карла Вачовски в коридоре, ведущем к станции связи. Капли крови Арко на ее коротко остриженных волосах, в затененных глазах пылает ненависть.

– Это не проблема, – говорю я с улыбкой. – В основном я сплю.

Разумеется, это все рабочая болтовня. Я разгорячен – проснулся не больше пяти часов назад, а с момента боя в кабине прошло едва ли десять минут. У меня такое чувство, будто по венам проходит медный кабель, а безумная адреналиновая улыбка того и гляди расколет лицо пополам. Мы дрейфуем в невесомости, Карла и я, лицом к лицу, нас разделяет не меньше семи метров. У меня стандартный «Хеклер энд Кох» с обрезанным стволом, она вооружена ручным резакom и ненавистью. Это может закончиться только одним способом.

– Ебанный ты корпоративный мудак! – кричит она.

И бросается ко мне, занеся над головой визжащий резак.

Я открываю глаза и сажусь на койке. «Довольно этого дерьма, Хак. Дела давно съебавших дней».

Но я продолжаю размышлять над словами Рубена о нулевом деканте. Как далеко могут зайти различные агентства и корпорации под эгидой КОЛИН, если у них появится хотя бы шанс. И это без учета обычных злоупотреблений пекинского блока.

Да, да, знаю, старая паранойя в сверкающих новых ботинках. Но дело в том, что это большая и старая Солнечная система, в которой хватает потайных мест. Достаточно места, чтобы заныкать поставленную в режим ожидания криокапсулу, запрятать на каком-нибудь позабытом астероиде, небольшом спутнике или просто пустить по безмолвной орбите где-нибудь за поясом астероидов, посреди бескрайней тишины. Холодная, отдаленная и одинокая, но слушай, ты спишь, тебе за это платят, на что тут жаловаться?

«Не думал, что таких, как ты, еще выращивают».

Слушай, скорее всего, не выращивают. Скорее всего, нас так много запрятали в каких-нибудь укромных местечках, что им это и не нужно.

* * *

У вас может сложиться неверное впечатление от термина «мягкое заточение».

Камера, которую мне выделили, была размером четыре на пять метров и включала в себя нишу с душем и уборной. Никаких окон или украшений, только прикрепленный к стене кусок ударопрочного пластика и сияющий кафельный потолок. Койка – кусок приваренного к полу и стене формованного полимера, покрытого неснимаемым слоем напоминающей пены толщиной с три пальца. В одном углу вентиляционное отверстие, которое каждый вечер за десять минут до

отбоя выдавало инсуленовую сетку: генератор пару секунд предупреждающе выл, после чего из всех щелей выползала серо-зеленая сахарная вата. Предполагалось, что вы должны завернуться в нее ради идеального сна и смыть с утра после использования. Но это в теории. Высококачественные инсулены действительно ползали бы по всему вашему телу в поисках перепада температур, волокна бы набухали или истончались в зависимости от обстоятельств, поддерживая температуру на одном уровне. Но здешняя штука вовсе не была высококачественной и по большому счету только и делала, что липла к коже. К утру она уже начинала распадаться.

Я не собирался спать, но знал, что, как только огни погаснут, температура в камере упадет на несколько градусов, так что, когда вентиляционное отверстие проблеяло свое унылое предупреждение, я обернул вату вокруг плеч и, скрестив ноги, уселся на койке. Было интересно, наблюдает ли кто-то за мной и, если да, чего они ожидали. Широко распространенное заблуждение гласило, что такие парни, как я, не выносят бездействия в конце цикла пробуждения, поэтому подобное заключение своего рода психологическая пытка для оверрайдера.

Ну да, конечно.

Ожидание в замкнутом пространстве?

Попробуйте провести девятнадцать часов, втиснувшись в автономный модуль, замаскированный под узел связи, ожидая, когда один из мигающих огонечков в развернувшейся

перед вами звездной палитре наконец превратится в то, чем является на самом деле – мародером с Пояса, который прилетел поживиться сбитой ракетой и обездвиженной жертвой.

Попробуйте провести целую неделю, забаррикадировавшись внутри кабины челнока, пока тот летит к месту назначения, а его мятежный экипаж выясняет, что никак не может обойти мины-ловушки, встроенные тобой в навигационные системы и двигатели.

Попробуйте одиннадцать часов в одиночку незаметно сражаться в узких коридорах и тамбурах перерабатывающей баржи, прячась, атакуя и снова прячась до тех пор, пока противостоящая вам сторона не сократится до горстки людей, достаточно измотанных и напуганных, чтобы сдаться и делать то, что им говорят.

Замкнутые пространства – часть нашей работы, по крайней мере, они были частью моей работы, и любой оверрайдер, который не мог проявить терпение, находясь в замкнутом пространстве, долго не протягивал.

Сияющие плитки на потолке начали тускнеть – отбой в тюремном блоке. Я поморщился и поплотнее закутался в липкую вату из инсулена. Сосредоточил внимание на экране – теперь еще более ярком по сравнению с потемневшей камерой, – и поток изображений захлестнул меня, словно какой-то бесконечно разворачивающийся визуальный коан. *«Подумай, искатель, если захочешь, о гладком и успокаивающем хаосе индивидуальных зазубренных значений, которые*

сталкиваются до тех пор, пока их края не станут гладкими...»

Стандартные трюки оверрайдеров – я устроился в камере почти с комфортом.

И затем, щелк-щелк, вот прямо так, смена картинки на экране привлекла мое внимание. Какая-то перестановка в бесконечном цикле изображений пассажиров из новостей о прибытии челнока. Новое изображение показывало примерно полудюжину одетых в строгие костюмы мужчин и женщин, корпоративные рекламные улыбки приклеились к их лицам, словно «глюк», который носишь в наплечной кобуре. В левом верхнем углу экрана пульсировала мигающая красная плашка, сулящая...

ЭКСТРЕННЫЕ НОВОСТИ, ЭКСТРЕННЫЕ НОВОСТИ...

В полумраке я спрыгнул с койки и прибавил громкости.

И как раз вовремя – новостной коллаж сменился искусно затемненным студийным пространством и компетентной на первый взгляд ведущей, сидящей на переднем плане. Сшитый на заказ пиджак, сексуальная блузка с открытой шеей, шикарная прическа и глаза. Позади нее быстро выскочила из кадра пара членов съемочной группы. Торопливая, играющая в начале каждого часа фирменная музыка выпуска новостей заиграла и затихла. Ведущая посмотрела в камеру.

Но под броней ее экранного самообладания вокруг глаз заметно проступало напряжение. Улыбка была гораздо туск-

лее стандартной, а руки нервно теребили воротник. Должно было случиться что-то очень серьезное, раз она так перепугалась. Прежде чем заговорить, она еще и откашливаться начала, да Пачамамы ради.

– Добрый вечер, вы смотрите Первый канал Долины. Сегодняшняя новость дня пришла к нам с пристыковавшегося утром челнока с Земли, где только что декантированный высокопоставленный чиновник Колониальной Инициативы сделал следующее политическое заявление.

В глубине студии за ее спиной вспыхнул брангель. Камера сменила обзор, пронеслась мимо ведущей на высоте плеча, и изображение на брангеле растянулось на весь экран. Где-то в лобби отеля установили трибуну. За ней стояла женщина, полностью отличающаяся от ведущей по одежде и поведению. Ее волосы были острижены до короткой щетины, на ней был простой корабельный костюм, который не смотрелся бы неуместно даже на аппаратчике сакранитов, и, если не считать запавших глаз – последствий недавнего декантирования, – южноазиатское лицо выражало меньше эмоций, чем свежесозданный интерфейс передатчика перед вводом интерактивных протоколов. Ведущие новостей обычно ведут себя в стильной и слегка кокетливой манере, словно приглашая тебя остаться и посмотреть новости. Эта женщина никуда не приглашала, и выражение ее лица не передавало ничего, кроме одного простого сообщения: «Слушайте внимательно, мудахье, ибо повторять я не собираюсь».

И она не была высокопоставленной чиновницей, как автоматически предположил Первый канал. На ее лице не было обозначающих ранг татуировок, столь популярных на Земле, равно как и любого желания угодить. Кто бы ни стоял за этим объявлением на самом деле – и мы, вероятно, увидим их уже довольно скоро, – сейчас нам демонстрировали всего лишь солдата и рупор, передающий условия.

– От имени Колониальной Инициативы, Земного комитета по надзору и генерального секретаря Нгоэби Карлсен я уведомляю вас, что город Брэдбери и все отдаленные районы колонии долины Маринера с настоящего момента оказываются под чрезвычайной проверкой. Мы активируем восемнадцатую статью, и с этого момента действуют все юридические и другие временные меры по обеспечению порядка. Всем жителям колонии я говорю следующее: сохраняйте спокойствие и занимайтесь своими делами. Эти процедуры никоим образом не нарушат вашу жизнь. Аудиторская группа рассчитывает провести расследование с минимальными помехами для населения и с полным сотрудничеством со стороны действующих властей Долины.

К этому моменту я уже отодрал челюсть от пола и начал смеяться. Ну никак не мог удержаться.

– Ожидайте дальнейших заявлений и подробного публичного брифинга.

Глава пятая

Долину свели судороги.

Остаток ночи я просидел в камере, наблюдая, как закипает обстановка. Видел, как по всему городу и другим крупным поселениям Разлома собираются зловещие толпы. Разозленный глас народа звучал с полусотни уличных перекрестков, фабрик и рабочих лагерей. До настоящего насилия пока не дошло, но, с другой стороны, многие еще спали. Кто знает, как все обернется, когда они проснутся. Тем временем челнок с Земли мирно стоял в доке на вершине нанорака Уэллса, все еще оцепленный в соответствии с последним из карантинных протоколов. И несмотря на то что посадочную площадку всю ночь показывали с десятков разнообразных ракурсов на десятках разнообразных каналов, ни челнок, ни посадочный модуль не подавали каких-либо признаков жизни. Какие бы сюрпризы там ни назревали, они не сразу выплеснутся наружу. Вопреки всей риторике «Первым делом Марс», КОЛИН не похожа ни на стаю гиен, ни на свору обезумевших акул, или с каким там хищником их красочно сравнивают в этом месяце. Они скорее напоминают «терновый венец», морскую звезду, которая медленно наползает на жертву, затем выплевывает свой желудок, окутывает ее и поглощает целиком. Они не становятся от этого менее хищными, просто двигаются медленно и неуклонно.

Наверное, именно поэтому люди Малхолланда прождали почти до рассвета, прежде чем выпустили официальное заявление. «А может, — мрачно подумал я, — им понадобилось столько времени, чтобы привести этого ублюдка в состояние, пригодное для общественного потребления. Выставить за дверь высококлассных девочек, с которыми он развлекался в губернаторском особняке этой ночью, стереть их телесные жидкости с его лица, вымыть СНДИЗ из его глаз и вбить хоть какой-то связный смысл в его разболтанные мозги». А вот и он...

— Жители Долины, мои соратники-пионеры. — Торжественная пауза. — Знаю, некоторых из вас могло встревожить объявление, сделанное представителями КОЛИН прошлым вечером. Но нет никаких причин для беспокойства...

Его нарядили для выступления — рабочие брюки без брендового логотипа, свободная темная рабочая рубашка с закатанными рукавами. Он даже гарнитуру снял, чтобы с самым честным видом смотреть в камеру. Губернатор Бойд Малхолланд — простой человек из народа, добродушный заместитель отца для жителей Рубежа. Серебристые волосы коротко острижены, самую малость не дотягивая до военного ежика. Черты лица напоминают правильную смесь обветренного на открытом воздухе работяги и слащавого красавчика. Вот человек без манер правительственного чиновника или крупного бизнесмена, человек, который сядет и выпьет с тобой бокал пива в конце смены, где бы ты ни находился, человек,

который вытрет пот со лба и добродушно проклянет марсианское солнце, от которого зудят все незащищенные участки твоей кожи и его тоже, потому что все это тяготы жизни на Рубеже, с которыми вы оба обязаны мириться, независимо от зарплаты и положения.

Он такой же человек, как и ты. Человек, которому можно доверять.

– На самом деле мы даже приветствуем эту проверку, потому что она дает нам возможность показать людям там, на Земле, чего мы достигли. – Он непринужденно наклоняется к камере. – Мои собратья-первопроходцы, нам нечего скрывать, и свежая оценка сильных и слабых сторон колонии может принести нам много пользы. Для этого-то проверка и нужна, поэтому мы ее и проведем. Поэтому я хочу заверить всех и каждого, что в этом аудите нет совершенно ничего плохого, и всем вам совершенно не о чем беспокоиться. На Марсе все идет как обычно, Марс полностью открыт для бизнеса. На самом деле я хочу поприветствовать аудиторов из Надзора, и я хочу, чтобы и вы были рады их видеть. Пусть они увидят, как мы добиваемся успеха здесь, на Рубеже, пусть они получают опыт жизни на самом краю человеческой экспансии, потому что в конце...

Я ухмыльнулся.

Слушайте, вы не станете отправлять аудиторскую команду через 200 миллионов километров межпланетного пространства только потому, что вам кажется, будто кому-то надо

преподать парочку наглядных советов по управлению колонией. Земной надзор – это принадлежащая лично КОЛИН длинная рука закона, надежные симбиотические мосты связывали его с правительством на Земле и давали полномочия, выходящие за рамки строго коммерческих. Вы не вызывали их, если только на Высоком Рубеже не случилось что-то совсем уж из ряда вон выходящее. Назревал большой скандал, и Малхолланд, судя по его лицу, это прекрасно понимал. Он выглядел как человек, которого заставляют давиться испорченными устрицами в нулевой гравитации.

Если Никки Чакане приходилось работать сверхурочно, вылизывая суровые улицы Брэдбери даже для новой партии ультрапутешественников и рекрутов квалпро, это было ничто по сравнению с той работой, что свалилась на ее плечи сейчас. Земной надзор стучит в двери, словно головорезы из Отдела по соблюдению договорных обязательств, прибывшие на рассвете в какой-нибудь бордель в рабочем лагере. Малхолланда вытаскивают из постели, он в панике, и каждый корпоративный ублюдок от Эоса до плато Тарсис пытается прикрыть свою грязную жопу. Кому-то придется разгрести дерьмецо, и быстро. Кому-то придется прибраться в доме. И что-то мне подсказывало, если наш уважаемый губернатор обратится за помощью к высшим эшелонам департамента полиции Брэдбери, он получит от них вежливый, но решительный отказ. Ты не станешь комиссаром в этом городе, если не будешь закрывать глаза на некоторые наруше-

ния, но по сути своей Питер Сакарян был очень правильным человеком. Это была его беда, причина, по которой его в первую очередь и кинули на эту должность. Он был надежен, и Малхолланду не приходилось оглядываться через плечо круглые сутки.

Подобная тактика сейчас эффектно аукнулась прямо в лицо губернатору. После повышения новоявленный комиссар не скрывал своего презрения к методам Малхолланда, и, если мои источники внутри департамента не заливали, эти двое не раз сшибались лбами за закрытыми дверями. Столкнувшись с херней таких масштабов, Сакарян сделает большой шаг назад, сложит руки на груди и станет наблюдать за тем, как Земной надзор сожрет Малхолланда с потрохами.

А значит, оставалась Никки.

Ей придется суетиться, словно ферритовому жуку в горе ржавчины, частица за частицей пережевывая изъеденную коррозией насмешку губернатора над колониальными правоохранительными органами, превращая ее в чистую руду правильных процедур и безупречного свежего воздуха. Затыкать утечки, прятать неудобные улики и свидетелей, прояснять показания. Другими словами, терраформировать местные условия в некий блестящий симулякр того, что, по всей видимости, добрые люди с Земли рассчитывали увидеть на Марсе.

«Ну, удачи, лейтенант».

Если бы голень все еще не пульсировала от упрямой боли,

я бы, может, даже пожалел эту сучку.

* * *

Ночь выдалась долгая, но в конце, с той же неотвратимостью, с которой лоббисту приходится делать минет, наступило утро и потолочные плитки замерцали оживая. Люк камеры нехотя приподнялся на сорок сантиметров, и в образовавшийся проем вкатился аккуратный маленький дрон на колесиках, везущий нечто, похожее на завтрак. Полагаю, он нашел меня, сидящего, скрестив ноги, на койке, по температуре тела и остановился напротив, словно нетерпеливый щенок. В воздухе повеяло дешевым напечатанным беконом и перченым рисом.

Я заставил себя поесть – наклонился, взял двумя пальцами ломтик бекона и прожевал. Затем еще один. «Давай, оверрайдер, тебе нужно набирать калории». Потянулся за прилагавшейся к еде восковой пластиковой канистрой, открыл крышку и отхлебнул водянистого кофеинового напитка. Едва ли это мог быть кофе.

На экране появился Сакарян – камеры поймали его в коридоре Полис-плаза, загнали в ловушку между встречами, и теперь комиссар явно сдерживал желание вмазать своим дознавателям по лицу. Сакарян был крупным парнем, крупным по марсианским стандартам, с грубыми чертами лица, на котором не было никаких следов гарнитуры или линз – он

сохранил встроенное снаряжение еще с тех времен, когда работал маршалом в Нагорье, – и если ты знал, куда смотреть, то понимал, что он все еще предельно опасен. Но теперь из-за должности ходил на поводке.

– Ну, хорошо. Я слушаю. Кто первый?

– Комиссар Сакарян, вы в курсе размаха этой проверки КОЛИН? Вы слышали, что они применили восемнадцатую статью?

Сакарян пронзил говорившего взглядом, презрительно поджав губы. Он ждал вопроса, который заслуживал бы ответа.

Второй журналист услужливо прыгнул в образовавшуюся брешь.

– Эм, комиссар, будет ли полицейский департамент Брэд-бери в полной мере сотрудничать с аудиторами? И если да, как вы планируете это обеспечить?

– В обычной манере. Любой, кто не будет сотрудничать в полной мере, оставит свой значок на моем столе.

– Что по этому поводу думает губернатор Малхолланд?

– Почему бы вам его не спросить?

– Но вы же встречались с...

– Вы смотрели утром заявление губернатора?

– Эм, да, но...

– В таком случае вы знаете о душевном состоянии губернатора столько же, сколько и я. Я не политик, моя задача – обеспечивать соблюдение закона. И закон будет соблюден.

– А что насчет Нагорья, комиссар?

Всего на мгновение тот замешкался.

Я это увидел. Зачарованно подался вперед. Задавший вопрос журналист тоже заметил и решил добить собеседника.

– Как вы будете решать вопрос с юрисдикцией? Собирается ли метрополия повысить полномочия региональных шерифов? Поручите ли вы маршалам выступать посредниками?

Сакарян взял себя в руки.

– Почему бы вам не почитать Хартию?

– В Хартии сказано...

– К сожалению, время комиссара истекло, – чопорного вида помощник плавно вклинился между боссом и журналистами. – Сэр, вас ждут на пятнадцатом этаже.

Позже, потянув за эту крошечную ниточку, та же самая новостная команда очутилась в Нагорье – они нашли себе какого-то упрямого помощника шерифа в округе Зубрин, крутого силовика, то ли слишком тупого, то ли слишком равнодушного, чтобы не бояться высказать свое мнение. Настоящий клад для прессы.

– Насколько я вижу, у этих ребят из КОЛИН вообще нет никаких причин соваться сюда.

– Под «сюда» вы подразумеваете Нагорье? – в голосе интервьюера прорезался восторг, он тоже понял, во что ввязался. – Или вы имеете в виду юрисдикцию любого департамента шерифа?

Нагорный законник переместил комок какой-то бодрящей травки, что он жевал, с одной стороны рта на другую. Втянул воздух сквозь зубы и наклонился к экрану.

– Я имею в виду Марс, – тщательно выговорил он. – Я говорю обо всей этой ебаной планете. Я достаточно ясно выражаюсь?

Интервьюер выдержал паузу для эффекта. Я закатил глаза.

– Так вы говорите... – давайте сделаем здесь еще одну театральную паузу, – что КОЛИН нет места на Марсе?

– Нет. Этого я не говорил. КОЛИН может явиться сюда и инвестировать, как и все остальные. Марс открыт для бизнеса. Они могут создавать холдинговые компании, управлять заводами, проводить исследовательские проекты, запускать отсюда корабли к внешним планетам системы, если захотят. Но сейчас уже не эра Поселения. Мы все сейчас живем в Долине. Нам не нужно, чтобы земляне являлись к нам сюда и указывали, что делать.

– Но в Марсианской Хартии прямым текстом сказано...

– Хартия была написана столетия назад. Написана на Земле, для блага Земли. Почему что-то подобное должно по-прежнему иметь значение сейчас?

– Хартия гарантирует нашу безопасность, – в голосе интервьюера появилась напускная важность: он повеселился, а теперь возвращался на более безопасную территорию. – Нашу безопасность на межпланетном уровне, а также в случае

любых враждебных действий со стороны Эллады.

Помощник улыбнулся.

– Думаю, мы способны справиться со всем, что бросят на нас Кратерные твари. Для того чтобы справиться с такого рода помехами, флот с Земли не нужен. Марс с ними разберется, Долина уже больше века не нуждается в Земле.

На этом трансляция резко оборвалась, переключившись на другой сегмент. Скорее всего, из диспетчерской пришел резкий оклик: «Вы что там, совсем заигрались? Тебе что, работа разонравилась? Это что еще за хрень со свободой слова для всяких мудаков?»

Угадать, услышит ли подобные слова в свой адрес сам помощник шерифа, было гораздо сложнее. Зависит от непосредственного начальника, послужного списка, репутации и отношений, которые он завел по пути.

А также того, насколько сильно власти сейчас нуждались в рабочей силе.

Правила Нагорья. Там, за пределами Брэдбери, царил совершенно другой мир.

Глава шестая

– Мы прибыли сюда не в качестве карателей, – директор по аудиту Эдвард Текеле лгал на камеру с отработанной самоуверенностью КОЛИН. – Согласно нашему уставу, в компетенцию Земного надзора как в этом случае, так и в общем, входит обеспечение качества систем и стандартов, установленных на благо всех граждан как на Марсе, так и во всех остальных местах, входящих в сферу Колониальной Инициативы. Это наша единственная миссия.

Он даже выглядел соответствующе – добрые патрицианские черты лица, выветрившийся антрацитовый цвет кожи, коротко подстриженные кудрявые волосы достаточно сдобрены сединой, чтобы придать ему статус солидного пожилого государственного деятеля. Они продержались до самого полудня, прежде чем задействовать этого парня, и, судя по реакции прессы, он стоил ожидания. В ответ на его слова вопросы хлынули сплошным потоком, словно пена из растрясенной бутылки шампанского.

– Сколько аудиторов вы с собой привезли?

– Земной надзор выдал ордер на арест любого высокопоставленного чиновника КОЛИН?

– ...планируете сотрудничать с местными властями?

– Губернатор под подозрением?

– ...достаточно долго, чтобы получить результаты?

– Что именно вы собираетесь расследовать...

Вопрос прервался внезапным звуковым сигналом, когда тот, кто запускал трансляцию, решил, что свободная пресса становится слишком настырной для своего собственного блага. Эдвард Текеле добродушно нахмурился и подождал.

Сигнал оборвался. Директор откашлялся.

– Если не сложно, давайте задавать вопросы по одному зараз. А поскольку моя гарнитура еще не синхронизировалась с местным потоком данных, боюсь, мне придется спрашивать, как вас зовут. Возможно, мы могли бы начать, да, – он указал на один из передних рядов, – с вас, мадам.

– Сколько... простите, Алекс Ривера, *«Вайбы Долинной кошечки»*... сколько человек насчитывает ваша аудиторская команда?

– Нас 117 человек, включая меня.

Среди журналистов, физически присутствующих на пресс-конференции, прокатилась тихая волна испуганных вздохов. По парящим сзади бранегелям пробежала рябь, когда те, кто висел на прямой линии, наклонились вперед, пытаясь уловить ответ собравшихся.

Сидящая впереди и по центру Ривера собралась с силами, почти оправившись от свалившегося на нее шока.

– Это... эм... это очень много людей, директор Текеле. Вы действительно хотите сказать, что не планируете никаких карательных мер, но привезли на Марс сотню с лишним готовых к действию аудиторов?

– Совершенно не планирую, юная леди. Как вы уже слышали, я обещал, что...

– Господин директор! – Резкий, чересчур драматичный тон человека, перебившего Текеле, был безошибочно узнаваем по повестке, если не по голосу. Мужчина, подросток по марсианскому счету, и вы могли практически дословно пересказать то, что он собирался спросить дальше. – Будете ли вы предпринимать попытки отменить Хартию Долины? Будут ли ваши люди применять оружие на марсианском реголите?

Долгая пауза. Текеле уставился на своего собеседника так, будто свет в пресс-центре внезапно померк.

– А вы, сэр?

– Я – ДеАрес Контадо, и имя нам – легион. Я выступаю свидетелем «Первого Марсианского перехвата» и спрашиваю от лица Временного совета граждан, будет ли это вторжение в дела Долины разворачиваться с применением военной силы? Сколько ваших сотрудников имеют военную подготовку? Сколько из них вооружены? Жители Марса имеют право знать.

Воцарилась неловкая тишина. Кто-то закашлялся. Чувствовалось, как другие журналисты закатывают глаза.

Возможно, Текеле это уловил. Он еле заметно улыбнулся.

– Вы перепутали меня с адмиралом, мистер... Контадо. – По комнате прокатился короткий взрыв смеха. Текеле подождал, пока тот утихнет. – И мне кажется, даже адмирал ед-

ва ли может рассчитывать взять долину Маринера под контроль с сотней человек, вооруженных или нет. Так что, отвечая на ваш вопрос: нет, разумеется, нет. Мы здесь не для того, чтобы вводить военное положение. Мы аудиторы, а не морпехи, политика не наша забота. Мы действуем совместно с правоохранительными органами колонии и будем работать в тесном сотрудничестве с ними. – Выверенная пауза. – Так, кого еще я могу заверить в полном отсутствии у нас планов вторжения?

Еще один взрыв смеха, но, как и первый, он был нервным и недолговечным – вымученный смех аудитории, которой не нравится выступающий перед ней артист и которая не уверена, какой может оказаться следующая шутка и на кого она будет направлена.

– Может, еще вопросы?

В зале взмыла рука.

– Майк Таманг, «Патруль Брэдбери-Сити». Есть ли у вас в настоящее время ордера на арест кого-то из жителей Долины?

– Нет.

– Когда, на ваш взгляд, это изменится?

Текеле, походу, слегка расстроился.

– На мой взгляд, это изменится тогда, мистер Таманг, когда мы найдем доказательства отдельных должностных преступлений, достаточных для выдачи ордера. По крайней мере на первом этапе мы прибыли сюда для установления фак-

тов. А вот уже собранные нами факты определяют дальнейшие действия.

Я фыркнул. «Ага, и, если вы на это купитесь, у меня есть ископаемая монтажная плита доисторической марсианской цивилизации, которую я хочу продать вам задешево».

На экране Текеле отвечал на вопросы бранегелей.

– Елена Монтальбан, «Новости Нагорья», – представилось изображение женщины с бритой головой и андскими чертами лица. – Нам обещали провести обширную проверку еще три года назад, но она так и не состоялась. И вот теперь вы здесь без какого-либо предупреждения. Это что, та самая обещанная проверка, на три года отставшая от графика?

И снова эта выверенная улыбка КОЛИН.

– Боюсь, на этот вопрос я не могу ответить. Меня назначили на пост директора по аудиту шесть месяцев назад, и все это время я упорядочивал детали, которые могут нам понадобиться в этот раз. Проверка 95-го года и ее отмена выходят за рамки моей компетенции. Но могу вас заверить, что все наши заботы вполне актуальны.

– Не сомневаюсь. Но даже в этом случае должны были остаться какие-то долгоиграющие проблемы, которые вы унаследовали от несостоявшегося аудита. Что насчет них?

– Я не припоминаю ничего подобного. Разумеется, весь аудит основывается на непрерывном потоке данных, но есть ли у нас какие-то конкретные вопросы, касающиеся Марса трехлетней давности, – тут вам стоило бы обратиться к мое-

му начальству на Земле.

Неудобные журналистские вопросы, заданные через пару сотен миллионов километров космического пространства руководству самой могущественной корпорации Солнечной системы? Удачи вам, Елена Монтальбан.

Но та или не понимала намеков, или ей было все равно.

– Директор Текеле, вы же не хотите всерьез убедить нас, что не знакомы с историей предыдущих...

– Думаю, самое время ответить на следующий вопрос. Да, вы, впереди.

Камера поспешно поворачивалась в сторону, чтобы найти новый ракурс.

Но недостаточно быстро, чтобы опередить внезапную яркую вспышку света, поджарившую брангель Монтальбан до хрустящей корочки.

* * *

Как правило, я стараюсь не удивляться тому, что творит КОЛИН, чем упрямо горжусь. Обычно для этого не требуется особых усилий. Пусть они катятся к черту со всеми своими бреднями об акушерах для космических родов человечества. Время, проведенное за кулисами вместе с «Блонд Вайсьютис», довольно быстро смыло позолоту с этой песни, а после того как меня бросили на Марсе, я окончательно потерял все остатки уважения к КОЛИН. Долина – наглядный

пример того, что происходит с корпоративными благими намерениями, когда чистая прибыль оказывается под угрозой.

Но как бы то ни было, аудиторская группа численностью в 117 человек вызвала пиетет даже у меня. Они послали всего шестьдесят с чем-то рыл улаживать кризис с Олигархами Титана, и по тем временам это считалось довольно важным событием. А теперь здесь, в бющемся сердце Разлома, мы получили в два раза больше народа. Текеле мог говорить все, что ему вздумается, но это была армия вторжения, и никто с опытом закулисной игры не поверил бы в иное.

Разумеется, никто в Брэдбери и не поверил. Остаток дня я провел наблюдая за тем, как вереница высокопоставленных городских чиновников разыгрывает одну из двух импровизированных сценок – либо повторяют пантомиму Малхоланда «я-подавился-гнилыми-устрицами-на-рассвете», либо копируют резкий выход Сакарьяна «работаем-как-обычно».

И это еще были ягодки.

Вместо цветочков раздавался медийный бесконечный гул, на все лады демонстрирующий красивую инфографику того, как может развернуться аудит. Различные говорящие головы давали бессмысленные комментарии о том, что все это могло означать. Их монологи перемежались еще более бессмысленными – когда не подвергались общей цензуре – уличными интервью с теми представителями общественности, которых сочли достаточно глупыми и безобидными для показа на экране. Время от времени в кадр попадали странные сцены

настоящих уличных протестов, но они исчезали настолько быстро, чтобы ничего, кроме парочки бранегелевых лозунгов, заметить было нельзя. Попадались и кадры восторженных толп, собравшихся приветствовать очередных знаменитостей-ультрапутешественников, которых на этот раз привез челнок. Некоторые из ведущих новостных каналов даже включили пару-другую кадров со вчерашнего дождевого парада – просто для того, чтобы окончательно все запутать. Такой у новостного коктейля Долины фирменный рецепт: ленивая журналистика, сведенная до стерильных звуковых фрагментов и очищенного мусора, ее достаточно, чтобы слегка завлечь публику. Получается необработанное зрелище, засунутое в блендер, лишенное полезного контекста или глубины и затем размазанное по коллективному лицу аудитории, словно бесконечная струя спермы.

«Дайте нам минутку, и мы дадим вам... ну, в принципе то, что вы и заслуживаете, долбоебы».

И вся эта картина не могла скрыть колоссальную нехватку фактов у любого представителя медиамашин. Больше всего на свете она напомнила мне высокий, тонкий свист воздуха, вырывающегося в вакуум через пробойину в корпусе.

В конце концов я выключил звук. Прогнал в голове несколько диссоциативных трюков, позаимствованных из методичек «Блонд Вайсыютис». Большая часть далась мне со скрипом – прошло уже немало времени с тех пор, как я пользовался этими техниками в последний раз. На Марсе я отда-

вал предпочтение измененным опиатам и «Марке». Но стоило приложить небольшое усилие, и старые, укоренившиеся привычки вернулись. Я погрузился в сладкое медитативное состояние – и чуть не пропустил ржавый хрип инсуленового диспенсера, готовившегося выхаркать одеяла на наступающую ночь.

Похоже, мне удалось сжечь целый день.

Я протянул руку и забрал накидку, когда та сладкой ватой посыпалась из отверстия. Психоастенический транс развеялся, стоило закутаться в инсулен и переключить внимание обратно на экран. Какой-то одинокий репортер преследовал на улице женщину, которая решительной походкой маршировала прочь. Журналист заваливал дамочку вопросами, но та не показывала ни малейшего желания остановиться и ответить на них. Было что-то знакомое в ее позе, в осанке, а может, я узнал эту шапку коротко стриженных седых волос. Поскольку я заглушил звук, то пришлось встать с койки и поднять его на пару делений, лишь бы услышать, о чем они говорят.

– ... то есть можно предположить, что вы приветствуете эту проверку?

– Неужели? – В голосе женщины сквозило бесцеремонное нетерпение, но еще оставалось место для толстого слоя едкой иронии сверху. – Так вы предполагаете?

– Ну, э-э, на самом деле вы неоднократно говорили, что, э-э, «Долина страдает под все более жестоким гнетом корпо-

ративной эксплуатации».

И тут, разумеется, я все вспомнил. Кусочки мозаики сошлись, и я почувствовал приступ грусти. Как и все, она постарела с тех пор, как я видел ее в последний раз.

– Наверняка, – продолжал настаивать репортер, – вы должны быть рады, что наконец пришел кто-то, способный обуздать эту эксплуатацию?

– А кто сказал, что они явились сюда что-то обуздать?

– Директор Текеле только что заявил, что эта проверка...

– Текеле – проплаченный рупор, защищающий интересы тех же людей, которые управляют Долиной. Он не будет менять ничего из того, что имеет значение.

Мартина Сакран – единственная, не терпящая подражаний дочь Самого, многолетняя наследница Борьбы, а теперь Коронованная королева в Изгнании здесь, на Марсе, пусть даже королева сжавшегося и распыленного королевства, чьи одичавшие и побитые подданные стали бы жестоким разочарованием для ее отца. За эти годы я не раз и не два стоял в ее коридорах и, если отбросить собственную горечь, был не слишком-то впечатлен. В Солнечной системе еще остались места, где мютюэлистическая политическая теория и технический социализм по-прежнему способны собрать толпу, но не в Разломе. Пожалуй, именно по этой причине Земля и сбросила дочь Сакрана сюда после смерти ее отца. Она делала что могла, организовывала и активизировала всех последователей и спонсоров, каких только удавалось собрать,

но в основном собирала лишь политическую пыль. На самом деле со стороны репортера было довольно умным решением выследить ее. У нее была точка зрения, которую вряд ли принял во внимание кто-то еще. А значит, этот репортаж точно пустят в эфир, и таким образом наш бесстрашный внештатник получит свой гонорар хотя бы за то, что развлек зрителей этой безобидной женщиной. Насколько я знал, в наши дни за Сакран даже слезки не вели.

– То есть вы не верите, что земной офис КОЛИН волнуют нарушения Хартии Долины? – надавил журналист.

Мартина Сакран молча шла дальше. Слегка ускорила шаг, повернула за угол и оказалась, как я понял, на Маск-Плаза. Впереди виднелось небольшое скопление фигур. До меня дошло, что она, похоже, направляется на собственную демонстрацию.

Ни разу не смутившись, мистер Бесстрашный Внештатник поспешил следом за ней.

– То есть вы хотите сказать, – немного запыхавшись, выпалил он, – что все эти миллионы, потраченные на то, чтобы привезти сюда аудиторов... вся эта подготовка... все эти расходы... это все обман? Показуха?

Что-то изменилось в осанке Сакран. Не знаю, можно ли назвать это решимостью, уж слишком она горбилась. Но Мартина остановилась и уставилась на своего мучителя. Красивые, узкие черты лица под шапкой коротко стриженных серых волос, ее отец продолжал жить в этих скулах, гла-

зах и изгибах челюсти. Но жизнь, потраченная на политический активизм, оставила свой след, забрала с костей излишнюю плоть и оставила взамен резкие черты лица, морщины под глазами и суровый, пристальный взгляд.

– Слушай, придурок... у меня нет времени учить тебя принципам экономики, а они понадобятся тебе, чтобы понять, что на самом деле здесь происходит. Но давай начнем с основ. Ты имеешь хотя бы малейшее представление о том, сколько прямых инвестиций корпоративные партнеры КОЛИН влили в Долину хотя бы за два последних года?

– Я, э-э... – разумеется, он не имел.

– Официально раскрытая информация – 128 триллионов марингов. Судя по прошлому опыту, реальная цифра примерно на 40 процентов больше. Усек?

По записи этого понять было нельзя, но, похоже, репортер кивнул. Сакран кивнула в ответ и изобразила кислую улыбку. Она знала, что выступала в шоу уродцев, знала, что была лишь приманкой для пресыщенного зрительского аппетита, просто маленькой кислой закуской в медиабуфете. Она знала, что, вероятнее всего, кричит в пустоту. Но все равно полезла в бутылку. Десять лет в изгнании, а она явно не собиралась завязывать.

Может, просто не умела.

– Отлично. А теперь возьмем эту знаменитую горстку миллионов, о которой ты тут вякнул, предполагаемую стоимость оснащения и развертывания аудита. Как думаешь, она

что-то значит в сравнении с парой сотен триллионов? Правильный ответ: нет, ни капли. Эта горсть реголита, брошенная в лицо пылевой буре над плато Тарсис. Не важно, как сильно бросишь, как высоко прицелишься – это ни хера не изменит.

Над моей головой, словно желая подчеркнуть ее слова, начали тускнеть потолочные плитки. В сгустившемся полумраке прямоугольник экрана стал светиться еще ярче, и глядящее с него мрачное и красивое лицо внезапно показалось мне еще более одиноким и пронзительным. Словно призраки прошлого Сакран окружали ее, сгущая темноту вокруг.

Я невольно почувствовал приступ сочувствия. Плохая политика – не единственный способ оказаться в изгнании.

– А теперь, если вы меня извините, – произнесла она с все той же мрачной иронией, что и раньше, – мне тут еще перед демонстрацией выступать. Видите ли, даже здесь, на Марсе, некоторые понимают, насколько глубоко уходят корни этих проблем. Даже здесь некоторые пытаются изменить ситуацию на уровне, который действительно имеет значение. Подходите, послушайте, может, что-нибудь и поймете.

Мы так и не узнали, принял ли бесстрашный репортер приглашение, – репортаж оборвался на кадре, в котором Мартина Сакран уходит прочь, сменился рекламной паузой. Я хмыкнул, воспоминания порхали в голове испуганными мотыльками. В свое время, еще до Карлы Вачовски, я столкнулся с немалым количеством сакранитов – в те дни пират-

ство по политическим мотивам входило в число профессиональных рисков любого оверрайдера на внутрисистемных рейсах. С ним было сложнее справиться, чем с обычными, ориентированными на получение прибыли бандами, но это не...

Дверь тихо щелкнула.

Я слегка напрягся. Конечно, не думал, что со мной что-нибудь случится, пока я нахожусь в камере под наблюдением, особенно сейчас. С той бурей, что сейчас разразилась вокруг проверки, я, наверное, волновал ДПБ в последнюю очередь. Но у департамента была длинная история передачи прав частным правоохранительным фирмам, типа «Эм-Джи-4», так как Хартия удачно трактовала права компаний как граждан. В открывшуюся серую зону можно было глубоко провалиться и сильно ушибиться, ударившись о землю.

Из полицейского отделения, сквозь узкие щелки, просачивался бледный свет. Потолочные плитки внезапно ожили и вернулись к полному освещению, дверь с ворчанием ушла в сторону. В камеру заглянул незнакомый мне коп в форме.

– Ты. Вейл. Тащи сюда свою задницу. У тебя посетитель.

Глава седьмая

Зажав меня между двумя коренастыми типами из отряда зомби, они повели меня в комнату для допросов. Третий парень, держа наготове дергач, замыкал шествие, идя в шести метрах позади. Видимо, либо кто-то за время моего пребывания в камере догадался заглянуть в досье, либо же Никки предупредила: *остерегайтесь этого ублюдка*.

– Как проходит проверка? – дружелюбно поинтересовался я, когда мы загрузились в лифт.

Приклад дергача с силой ударил меня в затылок, я повалился на закрывающиеся двери. Чтобы не упасть, пришлось упереться в них обеими руками. Перед глазами заплясали темные точки, в ушах застучала кровь.

– Ты видел, Пако? Он потянулся за твоей дубинкой!

Коренастый коп слева хмыкнул.

– Похоже на то. Чертовски тупой шаг с его стороны.

– Именно, – дуло дергача резко уперлось мне в поясницу. Его обладатель наклонился к моему уху. – От такого некоторые парни неделю кровью мочатся.

– Нам придется проверить записи с камер наблюдения, – невозмутимо произнес Пако. – Ну, чтобы убедиться наверняка.

– Да, потом мы так и сделаем. Но ты же знаешь, система постоянно глючит. Лично в этом убеждался. Можно по-

потерять несколько часов записей. – Он щелкнул пальцами рядом с моим ухом. – Просто по щелчку пальцев.

– В таком случае останется только наше слово.

– Думаешь, у Никки будут с этим проблемы?

– Не могу представить.

Оба мрачно рассмеялись. Я поднял голову и посмотрел на их искаженные в потрепанном алюминии лифтовых дверей отражения, они выглядели как существа, протиснувшиеся из какого-то другого измерения. Или как люди, до неузнаваемости искаженные жестокими инопланетными силами.

– Есть еще какие-то неотложные вопросы, Вейл?

Я промолчал. Лифт пискнул и остановился. Я осторожно сменил позу и убрал руки с дверей как раз перед тем, как те открылись. Близнецы-зомби вытолкнули меня в коридор.

Как и большинство современных зданий в Разломе, Полис-плаза была высокой и парящей, и комнаты для допросов находились довольно высоко. Мы стояли перед огромным, от пола до потолка, окном, из которого открывался отличный вид на мерцающие и мигающие огни Брэдбери. Быстро окинув взглядом достопримечательности – башню КО-ЛИН во всем ее сверкающем ночном великолепии, бульвар Хайек, пролегающий через центр города прямо как палаш, огромную плиту здания по правам на добычу минеральных ископаемых на Шестьдесят Второй улице – я прикинул, что окна выходят более-менее на юг. Глаза инстинктивно пытались отыскать край освещенного пространства, увидеть ле-

жащую за городской чертой темную долину и огромный силуэт вздымающегося за ней склона. Сложно сказать, можно ли различить такие детали на расстоянии, или же разум просто дорисовывал картинку.

– Шагай, придурок. Ничего нового ты не увидишь.

Словно чтобы доказать его неправоту, по небу расплылось прерывистое фиолетовое сияние – свободные фотоны из ультрафиолетового конца спектра проливались из какого-то богатого энергией приспособления между слоями Мембраны. На пару ударов сердца мы все замерли.

– Это, наверное, из-за дождя? – пробормотал Пако.

Очарование ушло. Второй зомби-тип хмыкнул:

– Да это может быть что угодно, черт бы их побрал. Мембранные технологии, кто знает, чем они там заняты каждый долбаный час дня и ночи. Пошли, нам еще этого хрена доставить надо.

И мы, ускорив шаг, свернули за угол, оставляя обзорное окно за собой, после чего оказались в коридоре, куда выходило множество дверей. Рядом с каждой в стене светилась красным или синим встроенная панель. Судя по количеству красных огоньков и оживленному движению в коридоре, ночь выдалась напряженная. Возле одной двери, жуя промышленное количество бодрящей травки и отрывисто посмеиваясь над плохими шутками друг друга, стояла пара тяжеловесов из отдела по соблюдению контрактов. Меня вдруг обуяли воспоминания, даже ностальгия. Чуть дальше мимо

нас, таща за собой шлейф дорогих духов, пронеслась безупречно одетая адвокатша, быстро говорившая в гарнитуру. Блеск ее костюма и идеально бледная кожа свидетельствовали о молекулярных марстеховских системах, без всяких сомнений о каком-то нереально дорогом люксе из последней линейки. Другой адвокат, не так хорошо одетый и надушенный, сидел на скамейке рядом с очередной красной дверью. Он снял гарнитуру, пощипывал переносицу и моргал глазами, под которыми лежали такие синяки, что ему явно бы не помешало немного травы, что жевали два бугая из СК.

Сразу видно государственного защитника.

Через девять дверей по правую руку мы остановились, и Пако коснулся красной панели своим кольцом с печаткой. Дверь отъехала в сторону, меня втолкнули внутрь. Из узкого окна открывался вид на кусочек того же пейзажа, что я только что видел. Центр комнаты занимал потрепанный стол из металлических сплавов, по обе стороны от него стояла пара дешевых стульев из углеводородного волокна. За столом, спиной к окну, скрестив ноги и положив руки на колени, сидела китаянка в дорогом костюме. По элегантности она могла поспорить с дорогой адвокатшей, которая пронеслась мимо нас в коридоре. Было и еще кое-что – на столе перед ней лежало маленькое неглубокое блюдо с радиальными ребрами и тупым бугорком в центре, похожим на перевернутый черный гриб из оружейного металла. Шифратор частот, судя по виду, одна из последних моделей «Сеннхайзера». Доро-

гая игрушка.

Зомби с дергачом наклонился к моему уху.

– У тебя пятнадцать минут, – прорычал он и испарился.

Дверь захлопнулась.

– Это неожиданно, – признал я, – насколько помню, вы должны были появиться только послезавтра.

Она жестом пригласила меня сесть. Линзы головной гарнитуры были такими же непроницаемыми, как и тогда, когда я видел ее в последний раз, в голубом полумраке балкона в «Девочках Долины». Ее лицо было таким же бесстрастным, как и тогда, когда она ушла и оставила мне свой стул за столом Сэла. И все-таки сейчас она сидела так, что казалось, будто изображение гостьи слегка дрожит по краям.

И она пришла на два дня раньше.

– Что происходит? – спросил я, так и не сев. – Вы нормально прибрали Сэла?

– Все в порядке. – Шифратор глушил эхо голосов, придавая всему странно приглушенную резкость, словно мы разговаривали с кем-то, обернутым в хлопковую вату. – Полиция взяла показания у моих людей, все они рассказали одну и ту же историю. Словно из ниоткуда появилась фигура в маске, никто точно не уверен, как именно она выглядела. Вы выстрелили в нее из дергача, но попали в других, попытались повалить ее на землю, но вам это не удалось, неизвестный убил Кирогу и исчез. – Она сделала деликатную паузу. – Непонятно даже, был ли это мужчина. В этом тоже никто не

уверен. В конце концов все пришли в замешательство, головные гарнитуры не дали им ослепнуть, но свидетели крайне потрясены и шокированы насилием.

– Потрясены насилием. Точно. Приятный штрих. – Я ото-
двинул стул. – А что говорит охрана Сэла?

– Ничего особенного. Их убедили в том, что стоит поступить мудро и согласовать свои заявления с новым менеджментом. – Она небрежно пожала плечами. – В любом случае их ослепила вспышка.

Я сел.

– Ну хорошо, это должно сработать. Никто не купится, но они не смогут ничего доказать. Что с моими деньгами?

– Они будут переведены на ваш счет в течение нескольких следующих месяцев по мере того, как мы возьмем под свой контроль деятельность Кирогги и его денежные потоки.

– Мы так не договаривались.

– Мистер Вейл, я не сомневаюсь, вы прекрасно помните, что соглашение предусматривало неизбежную растяжимость сроков. Боюсь, в настоящий момент наши денежные потоки подвергаются непредвиденной проверке.

Аудит. Сраный аудит.

И внезапно губернаторский дискомфорт Малхолланда разом стал доставлять мне куда меньше удовольствия. Хорошо, что главный мудака и его соратники запаниковали, но мне как-то и в голову не приходило, что его проблемы могут стать моими. Радости стимулирования – похоже, все те

парни, в честь кого здесь называют бульвары, что-то там да знали, в конце концов.

– Непредвиденная проверка, да? – Внезапно желудок свернулся в тугой узел – я понял, к чему все идет. – Дайте угадаю, она отсрочит мой выход отсюда?

Она заколебалась.

– По мнению нанятого нами адвоката, любая нежелательная спешка в этом вопросе только привлечет к нам внимание, которого мы бы предпочли избежать. Он предлагает оставить все как есть, по крайней мере до тех пор, пока не начнется рассмотрение дела.

– Рассмотрение дела... – Я наклонился и понизил голос до едкого шипения. – Мы договорились на три недели, край – месяц. Вы хоть представляете себе, как здесь рассматриваются дела? По убийству в стрипклубе? Еще и сейчас, когда все пытаются прикрыть свое дерьмо прежде, чем Земной надзор его унюхает? Да я могу просидеть в камере до следующего года, прежде чем они оторвут коллективную жопу от стула и решат наверстать упущенное.

– Такой риск существует, это правда.

– Найдите мне другого адвоката. Такого, кто знаком с понятием трудовой этики.

– У нас есть только один адвокат. И поиск кого-то нового может поставить нас в уязвимое положение.

– Это полная ерунда по сравнению с тем, насколько уязвимыми вы себя почувствуете, если мне надоест пялиться в

стену и я решаю рассказать о нашем соглашении насчет Сэла.

Короткая ледяная пауза. Словно бы я рассказал очень безвкусную шутку или плюнул на стол между нами.

– Я не верю, что вы так поступите, – произнесла она с самообладанием, которое лишь на микрон отличалось от идеального. – Вы... вы потеряете столько же, сколько и мы.

– Не совсем. – Я наклонился ближе. – Вы же помните, как я сказал вам, когда мы еще все планировали, что с таким куском дерьма, как Сэл, ДПБ будет просто действовать по правилам? Что ж, из этого вытекает одно полезное следствие. Видите ли, им будет насрать, кто конкретно выставил его из шлюза, если, отпустив меня, они смогут накрыть операцию Кратерных тварей.

– У нас было соглашение, мистер Вейл.

– Да, и нарушаю его не я. Пока что.

– Мы понимаем, что ситуация... неудобная.

Я усмехнулся и кивнул.

– Неудобная. Послушайте... Сюй, верно? Это же значит «Постепенная»?

– Да, – настороженно.

– Ну, прямо сейчас я бы сказал, что это имя вам чертовски идет. – Я указал на виднеющиеся в окне очертания Брэдбери. – Где-то там у меня есть арендованная капсула Дайсона, за которую я внес меньше половины стоимости. И я снимаю место, в котором ее держу. Полная срань, но это дом, и я по уши влез в долги, чтобы его содержать. Примерно че-

рез восемь месяцев мне придется снова забраться в капсулу, уснуть и проснуться только через четыре месяца.

– Ваша физиология... мы осведомлены о том, какие ограничения она на вас накладывает.

– Неужели? Что ж, одно из этих ограничений заключается в том, что я должен получать деньги. Чтобы платить за капсулу, за аренду, они должны перечисляться, пока я в отключке. Не знаю, как вы ведете дела в Элладе, но здесь? Здесь, если я пропущу платеж, обо мне, блядь, все тут же забудут. Так что скажите мне, Постепенная, каким образом я смогу заработать жирок, необходимый мне на целых четыре месяца, если застрял здесь из-за ваших проблем с денежными потоками и вашего трусливого придурка-адвоката?

– Мы, разумеется, сожалеем...

Я резко вскочил на ноги. Дешевый углеводородный стул отлетел в сторону. Она подалась назад, вскинула руки, готовая к драке. Большинство кратерных ребят из триад знает кое-какие приемы, 489-й не отобрал бы их для работы в Разломе, если бы они не могли за себя постоять. Так что я замер на месте, лишь бы она поняла, что драки не будет. Я заговорил размеренно, пытаясь обрести спокойствие, которого не чувствовал.

– Не лгите мне, Постепенная. Прямо сейчас вы ни о чем не жалеете. – Я оперся о стол. – Но еще пожалеете, если я не вернусь на улицы через сорок дней, как мы и договаривались. Я не собираюсь сидеть сложа руки взаперти восемь

месяцев просто потому, что вы, ребята, лишились яиц перед лицом небольшой операционной трудности. А теперь идите и передай это своему 489-му, потому что здесь мы закончили.

Я развернулся. Направился к двери.

– Мистер Вейл?

Я повернулся, занеся руку для стука.

– Что?

– В данном контексте я и есть 489-я.

Я опустил руку, развернулся и посмотрел на нее. Она не отвела взгляда, линзы гарнитуры внезапно стали прозрачными – миндалевидные глаза, жесткие и внимательные, не несли в себе никакой угрозы. 489-я – традиционная позиция триад – старший силовик. Она занимала центральное место в моих переговорах с командой Кратера, когда четыре месяца назад мы договаривались о смерти Сэла, но я понятия не имел, что она на самом деле может возглавлять их бойцов. А теперь они отправили ее, чтобы извиниться. Сама ли она так решила, или кто-то еще выше по иерархической лестнице там, в Элладе, – не имело особого значения. В любом случае это был мост, который не стоило сжигать.

– Ну, хорошо, – тихо сказал я.

– Мы не... проявляем неуважения к вашему вкладу. Мы вас вытащим. Но вы должны позволить нам проявить гибкость, чтобы мы смогли все сделать элегантно.

«Можно подумать, у меня есть какой-то выбор».

– Хорошо. Идите и сделайте все элегантно. Или через задницу. Мне наплевать. Просто уложите в сорок дней.

Я протянул руку и постучал по двери. Та скользнула в сторону практически мгновенно, я потерял равновесие, споткнулся, провалился в образовавшийся проем...

И практически упал в объятия Никки Чаканы.

Глава восьмая

– У тебя внезапно появилось множество экзотических новых друзей, Вейл. В чем дело, внезапно образовалась страсть к кискам из Кратера?

Я последовал в ее кабинет. Огляделся в поисках стула.

– Ревнуешь?

Она скользнула за свой стол, села. Вытащила из кучихлама бутылку «Джей Ди Рэд» и открыла ее.

– Стаканы в раковине. Там, за... а, забей, воспользуемся этими. Садись.

Я подтащил к столу свой стул и сел. На фоне еще одного вида в окне за ее спиной Чакана разлила выпивку в два грязных на вид стакана, которые я не сразу заметил в окружающем их мусоре. Никки смахнула на стол спутанный клубок ремней и заплаток из вебларовой брони и толкнула один из стаканов через освободившееся пространство в мою сторону.

– Итак.

– Итак, – согласился я. – За что пьем?

* * *

Где-то, в одном из этих идиотских журналов о стиле жизни, которые вечно разложены в местах, где приходит-

ся чего-то ждать, вы несомненно встречали упоминание об «Акантиладо Арес». Возможно, слоган звучал как «Семь чудес Дивного нового мира». «Восемь инженерных чудес, в которые вы с трудом поверите». «Девять наиболее роскошных отелей в человеческом космосе». Что-то подобное. А еще «Десять мест, в которых нас кондрашка хватит, если мы встретим там вашу жалкую задницу». Это подразумевалось, но, разумеется, никогда явно не говорилось. Ключевую роль тут играла эксклюзивность, как и в базовой идее самого бренда марсианских технологий, и «Акантиладо Арес» был эксклюзивен по максимуму. Он располагался в пятидесяти километрах к западу от Уэллса и обслуживающего космопорт поселения. Полностью герметизированный, он свисал с южной стены Долины подобно большой зеркальной грозди кубистского винограда. Благодаря прозрачному полу смотровой площадки, не говоря уже о прозрачном дне трех бассейнов, отель предлагал захватывающий вид на располагавшуюся в девяти километрах внизу Долину. Если захотите, можете получить пару перевернутых люксов в пентхаусе с тем же эффектом, но большая часть номеров нацелена на менее угрожающие виды – например, на панораму Разлома, открывающуюся с высоты Мембраны.

Говорят, триггерные волны на восходе и закате – это просто нечто.

Подавляющее большинство гостей приезжало в отель напрямую из терминала Уэллса, после разморозки. Они добира-

лись в герметизированном краулере с роскошными сиденьями и экранными панелями вместо иллюминаторов, оттуда попадали прямым в брюхо роскоши и комфорта, которые, вероятно, не сильно отличались от повседневного существования сверхбогачей на Земле. Со вкусом обставленные интерьеры, настоящие живые люди в роли заботливых слуг, свежее ощущение того, что вокруг все делается исключительно ради тебя. Чувство тепла, безопасности и полной изоляции от реального мира снаружи не покидает вас ни на секунду.

Мы, однако, гостями не были. Потому поднялись на служебном лифте.

– Прекрасный вид, – я облокотился на ограждение, вглядываясь в неопрятную бездну внизу. От виски Чаканы у меня все еще слегка кружилась голова. – Никки, ты когда-нибудь задумывалась о том, каково было бы жить здесь?

– Нет. Почему бы тебе не присесть?

В лифте кроме нас никого не было. Чакана махнула ладонью перед стоящей за нами затянутой в комбинезоны очередью, резко произнесла «дела полиции» и нажала на кнопку закрытия дверей. Теперь скамейка была полностью в ее распоряжении. Она вытянулась в самом центре грязного, потрепанного сиденья из нанопленки в двух метрах от меня, стиснув зубы от усталости и сердито глядя вдаль.

– Ну хорошо. – Я повернулся спиной к обрыву и открывающемуся виду, взглянув на нее. Подтянулся и с опаской уселся на перилах. – Не хочешь рассказать мне об этом ауди-

торе, с которым мне предполагается нянчиться?

Чакана закатила глаза.

– Как я тебе и сказала, она – крохотный винтик в машине Земного надзора. Строго второй состав. Она здесь, чтобы изучить лотерейные протоколы и связи с «Вектор Рэд». И она хочет возобновить расследование по делу Пабло «Павла» Торреса.

– Независимо от основной проверки?

– Понятия не имею, Вейл. Это же чертов аудит. Думаешь, эти земные придурки скажут мне хоть слово из того, что мне не полагается знать?

Справедливо. Я немного поерзал на перилах, наблюдая за тем, как на Долину наползает утро. На стене, вдоль которой мы ползли, образовались гигантские пятна и завихрения, по мере того как солнце просовывало пальцы в Разлом, каждое пятно постепенно превращалось из силуэта в накрашенную, текстурированную геомассу. Туман с тусклым красным оттенком и неоперившееся облако из какой-то инверсионной шапки, которые мы миновали ранее, внезапно озарились ярким светом, а внизу темнота медленно отступала по каменистому дну Долины на запад, туда, где мерцали огни безымянных городов, все еще ожидающих наступления рассвета.

Больше всего меня беспокоила Постепенная.

Она видела, как на выходе из комнаты для допросов я наткнулся на Чакану. Она в любом случае будет следить за мной и через пару часов узнает, что я вернулся на улицы.

Учитывая, как прошел наш разговор, данный набор фактов приведет ее к ряду крайне неприятных выводов.

У подобных ситуаций нет срока годности. Мне нужно будет сделать несколько звонков, и очень скоро. Но гарнитура по-прежнему оставалась дома, а одноразовый комплект не подходил. Чакана же явно не собиралась выпускать меня из поля зрения до тех пор, пока это дело, чем бы оно ни оказалось, не будет улажено и запущено к ее удовлетворению.

– Тебя что-то беспокоит, оверрайдер?

– Не особо. – Я прислонил голову к стеклу и притворно зевнул. Взглянул вверх, туда, где приближающаяся кубистическая громада отеля подмигивала мне и сияла в лучах яркого солнца. Ткнул большим пальцем вверх.

– Смотри, вот о чем я говорю. Сколько нужно персонала, чтобы управлять этим местом, человек тридцать? Сорок, вряд ли больше.

Чакана уставилась на меня. Покрасневшие глаза за линзами ее гарнитуры прищурились, и я мог лишь надеяться, что от раздражения, а не от подозрения. В свое время мое обучение в «Блонд Вайсьютис» включало в себя несколько довольно действенных методов маскировки своих истинных намерений, но, как примерно все остальное из того периода моей жизни, они уже изрядно заржавели. Я не знал, что выдают язык тела и электрофизиология, возможно, они уже подавали сигналы совершенному полицейскому снаряжению Чаканы.

– Предположим, тридцать, – я продолжил отвлекать внимание как мог. – И все это время они живут взаперти – заканчивается смена, ты садишься в автобус до Уэллса, едешь до поселения для обслуживающего персонала, это еще одна консервная банка, там садишься в маленькую консервную банку на колесах, чтобы добраться сюда. Должно быть, это похоже на жизнь в эпоху Поселения.

– Вейл, да мне наплевать.

– Возможно, однажды тебе станет не наплевать. Говорю тебе, если будешь слишком долго сидеть взаперти, это скажется на нервах. Легко кончить жизнь психопатом.

Она сама с трудом подавила зевок.

– Полагаю, ты об этом не понаслышке знаешь.

– В те времена это не имело значения, потому что команды поселенцев постоянно менялись. Но этих несчастных ублюдков никто не меняет – они просто получают Качество, Выбор и Свободу остаться без работы, если им не нравятся условия.

– Это разбивает мне сердце. Ты что, в сакраниты подался? Я поморщился.

– Я просто говорю, что с правоохранительной точки зрения это бомба, готовая взорваться. Однажды у кого-нибудь здесь сорвет крышу, и вам придется иметь дело или с кучкой убитых ультрапутешественников, или с заложниками.

– Сомневаюсь.

Кабина замедлила ход, вздрогнула и лязгнула, достигнув

верхней точки подъема. С тихим шипением выровнялось давление. Чакана встала и потянулась:

– Обычно они просто нажираются и режут друг друга в Уэллсе вечером по пятницам. И вообще, при чем тут я?

Двери лифта скользнули в стороны. За ними обнаружили неулыбчивые лица и формы «Эм-Джи-4», сидящих на посту охраны. Мрачное лицо Чаканы и мелькнувшая на ладони голограмма быстро помогли нам пройти. Спустя еще одну поездку в лифте мы оказались в главном фойе отеля рядом с обзорной площадкой. Большие тихие помещения, декор из полированной бронзы и овсяного плюша. Чакана нетерпеливым шагом пересекла вестибюль, спустилась на две ступеньки в гостиную и стала оглядываться по сторонам. По углам было слабое освещение, тщательно продуманное так, чтобы не мешать гостям пялиться вниз через панели пола, вокруг каждой из которых кучковались большие мягкие диваны и кресла. В красноватом свете пробивающихся сквозь стекло ранних утренних лучей казалось, будто вся эта мебель расставлена вокруг только-только начинающих разгораться очагов для барбекю.

– Мы спешим? – спросил я.

– Ага. После того как я тебя сгружу, я отправлюсь домой, в постель.

– Будешь по мне скучать?

Она скривила губы и продолжила осматривать гостиную.

– Вейл, ты мне уже надоел. Я дам тебе только в том случае,

если ты останешься последним мужчиной на Марсе и я не смогу найти себе подходящую бабу со straponом. Ага.

У стены лицом к комнате сидела темноволосая женщина в светло-сером повседневном костюме. Она поднялась на ноги и приветливо подняла руку. Чакана подвела меня к ней и представила нас друг другу.

– Мисс Мадекве. Лейтенант Доминика Чакана, отдел убийств Брэдбери. Это Хакан Вейл, специалист, о котором я вам говорила. Вейл, это Мэдисон Мадекве из отдела соблюдения внутренних систем КОЛИН, департамент пограничного надзора.

Мы пожали друг другу руки. Сухая, слегка мозолистая хватка, какая-то твердая сила в пожатии тонкой руки. Смотревшее на меня лицо было внимательным и умным, в его чертах улавливалось что-то смутно знакомое. Заметное африканское наследие – квадратная челюсть, рот с полными губами, выпуклые и приподнятые скулы, нос. Чернильная кожа, несколько посеревшая после декантирования, широко расставленные черные глаза, кажущиеся настороженными за линзами гарнитуры. Казалось, в тот момент, когда я встретился с ее пристальным взглядом, между нами мелькнуло что-то беззвучное и яркое, отчего резко заныло внизу живота и в промежности. Я осознал, что Мэдисон Мадекве была высокой, почти моего роста, с подходящей фигурой и соответствующими длинными конечностями, и с этим почти незаметным ощущением массы, которую производит

каждый только что прибывший с Земли. На то, чтобы скинуть ее, на Марсе потребуется несколько месяцев, даже с помощью кодовых мух. Широкие плечи и длинные тонкие руки, приятная округлая тяжесть в груди и бедрах. Мадекве нахлынула на меня, словно прилив, и все, что я хотел прямо сейчас, – это попробовать ее на вкус.

– Мистер Вейл, – в голосе слышалась гортанная грубость, но, как правило, она появляется у всех, кто выходит из криокапсулы. Мадекве несколько резко отпустила мою руку – тоже почувствовала этот внезапный всплеск в глубине живота. – Это, эмм, очень любезно с вашей стороны, что вы приняли мое приглашение. Сожалею, что пришлось звать вас сюда в столь неподходящий для общения час.

– Нет проблем, – я покосился на Чакану. – Я все равно уже встал.

– Что ж, тем лучше. Боюсь, мне еще предстоит привыкнуть к местному времени. И, похоже, у меня еще осталось много энергии, так что... – она развела руками. – Работа кажется очевидным выходом, не так ли?

Ее длинные волосы были сплетены в тонкие, припудренные пурпуром Кандинского косички, туго стянутые в клубок на затылке. Гарнитура на лбу чем-то напоминала направленное вниз крыло чайки. Покрытая матовой полосой из ультратонкого прозрачного стекла, она выглядела перевернутой вверх ногами, низко посаженной диадемой. На правой щеке маленькими темными слезами красовалась пара татуировок,

обозначающих ранг Мадекве в КОЛИН. Возраст определить трудно, от нее исходило сильное очарование взрослой молодой женщины, которое отдавалось зудом у меня в животе, мерцало крошечным пламенем, но оно полностью соответствовало тому привлекательному виду, который сильные мира сего могли сохранять до бесконечности в том случае, если у них имелись деньги.

Шестеренки сошлись, и я понял, где ее видел, выцепил воспоминание из записей прибытия челнока, которые смотрел в камере прошлой ночью. Ее волосы тогда блестящим потоком спадали до плеч, на лице красовалась улыбка – типичный корпоративный промоснимок. Пристальный взгляд пистолетом удерживал тебя, словно вопрос, на который нельзя найти простого ответа. Под дорогим костюмом Мэдисон Мадекве прятала роскошную фигуру, а глаза подбивали рискнуть и опустить взгляд, чтобы ее оценить.

Я выдержал этот пристальный взгляд.

– Давайте тогда приступим к работе.

– Да, разумеется. Перейдем к насущным вопросам. Как я понимаю, лейтенант Чакана проинформировала вас о необходимости не светиться.

Лейтенант Чакана меня не проинформировала.

На самом деле пока что полный набор инструкций от Чаканы сводился к следующему: «слушай, просто держи эту суку из Надзора подальше от меня в течение пары недель. Води ее везде, где она только захочет, показывай ей все, что

она захочет увидеть, отвечай на любые вопросы и проследи, чтобы она не пострадала».

– Мы это обсуждали, – осторожно ответил я.

– Отрадно слышать. Присядем?

* * *

Мы заказали завтрак из проплывавшего мимо нас бранегелевого меню. Мне в глаза бросился настоящий односолодовый «Айлей», родом с настоящего острова Айла на Земле, но без гарнитуры я не мог его заказать. Пожалуй, и к лучшему, потому что заплатить за него я бы тоже не смог – ценник был такой, что некоторые астероиды дешевле стоили. Поэтому я мрачно согласился с Мэдисон Мадекве, когда она предложила заказать на двоих поднос с закусками и кофе, и мы все устроились в больших мягких шезлонгах, чтобы поговорить о Надзоре и КОЛИН.

Мэдисон хотела внести ясность. Деятельность «Вектор Рэд» подвергалась общей проверке наряду со всеми остальными компаниями, и, разумеется, это включало в себя лотерейные протоколы. Совершенно стандартная процедура, ничего такого. Однако...

У нее хватило такта выглядеть смущенной.

– Я полагаю, вы в курсе, что с «Хоркан Кумба Ультра» в настоящий момент сложилась несколько деликатная ситуация.

– Да... обидно будет, если они потеряют франшизу на челночные перевозки всего через год после получения.

Чакана одарила меня ядовитым взглядом из серии «захлопни варежку». Мадекве либо не расслышала меня, либо решила проявить вежливость. Она склонила голову набок.

– Я рада, что вы понимаете последствия. Разумеется, абсолютно необходимо, чтобы портфолио ХКУ на Марсе было совершенно безупречным. Как и с любой другой потомственной корпорацией, последствия даже от незначительных нарушений в работе могут быть крайне серьезными. Это приводит нас к делу Торреса. Мне поручили, по крайней мере на начальном этапе, изучить общую структуру «Вектор Рэд» через призму конкретного случая. Это очевидная аномалия, и чтобы ее проанализировать, мне сперва нужно составить четкое представление о Пабло «Павле» Торресе. Если вкратце, я должна ответить на вопрос: что за человек не приходит за обратным билетом домой?

– Человек, который счастлив на Марсе, – невозмутимо ответил я.

– Да, но должен же он был... – она сообразила, причем довольно быстро для того, кто всего пару часов назад выбрался из криокапсулы. – О, я поняла. Да, я видела рекламу. Очень забавно, мистер Вейл.

Я пожал плечами.

– Это дар.

– Двигаемся дальше, – сурово произнесла Чакана. – Мисс

Мадекве хотела бы отследить коллег, хороших знакомых Торреса и поговорить с ними.

– Ну, с этим не должно возникнуть проблем.

– Отнюдь. Я объяснила, что ты – наиболее подходящий человек для этой работы. С учетом того, какая часть из этих людей, скорее всего, окажется в Нагорье.

Я моргнул.

– Ты слишком добра.

– Как я понимаю, вы раньше много работали в условиях Нагорья, мистер Вейл?

Я медленно кивнул.

– Среди прочих мест, да.

Принесли еду. Жареный бекон и маринованные полоски курицы, миски с супом мисо, черные оливки, нарезанный кубиками белый сыр, свежее испеченные булочки, от которых все еще шел пар, французские и испанские омлеты и еще пара блюд, которые я не опознал. Ароматный кофе, охлажденные фруктовые соки в графинах, огромный кувшин с водой и плотные тканевые салфетки. Мы ждали в скромном молчании, пока ухоженный молодой официант расставлял все это изобилие, после чего, поинтересовавшись, не нужно ли нам что-то еще, раскланялся и ушел. Мэдисон Мадекве жестом указала нам на угощение, после чего двумя руками набросилась на мясные блюда с таким самозабвением, что понравилась мне еще больше.

– Это очень вкусно, – произнесла она, когда ей пришлось

сделать паузу и вдохнуть воздуха.

Отхлебнув мисо, я обменялся суровыми взглядами с Чаканой. Какая жалость, что горячий конец цикла еще несколько дней не позволит мне почувствовать хотя бы подобие настоящего голода. Лейтенант одарила меня мрачной улыбочкой, словно поделилась секретом, и отвела взгляд. Она поковырялась в тарелке с испанским омлетом, выпила немного сока. Затем посмотрела куда-то в сторону, словно получила звонок на гарнитуру. Промокнула губы салфеткой и встала.

– Боюсь, мне пора идти. Спасибо за завтрак, мисс Мадекве. Дальше Вейл должен справиться сам. Но если вам понадобится что-то еще, не стесняйтесь связаться со мной.

– Разумеется. – Мадекве встала и пожала руку Чаканы. – Очень рада с вами познакомиться.

– Взаимно.

Я продолжал изображать интерес к еде до тех пор, пока Мадекве не уселась обратно, а Чакана не добралась до края гостинной. Затем я щелкнул пальцами, словно только что вспомнил, и вскочил на ноги.

– Прошу прощения, я отлучусь на минутку? Мне надо кое-что прояснить с лейтенантом.

Мэдисон Мадекве, не переставая жевать, кивнула и махнула рукой с видом небрежного безразличия. Но было что-то странное во взгляде ее пристальных темных глаз, которым она меня проводила. Я решил отложить это на потом. Ускорив шаг, я последовал за Чаканой и нагнал лейтенанта уже у

лифтов, вне поля зрения нового клиента.

– Остановись, блядь, на минуту.

Она повернулась с изысканным самообладанием и, выгнув бровь, уставилась на меня.

– Уже проблемы?

– Ты сказала мне, что я буду нянчиться с аудитором и таскаться за ним по городу. Это что за херня насчет Нагорья?

Чакана пожала плечами:

– Торрес в основном работал в Нагорье. Там-то он и пропал. Логично, что наш прославленный аудитор хочет туда отправиться, не так ли? В чем дело, твои легочные турбины больше не пашут?

Я огляделся по сторонам. Понизил голос.

– Ты действительно хочешь, чтобы я отвез ее туда? В сторону от официального экскурсионного маршрута, туда, где нет защитных ограждений и блестящих буклетов? Думаешь, Малхолланду это понравится?

– Малхолланд сейчас по уши в дерьме. С чем-то ему просто придется смириться. Он попросил, чтобы кто-нибудь взялся за роль телохранителя, а само дело прошло тихо, мирно и неофициально, и этим человеком будешь ты. А теперь представь, что ты вернешься туда и заработаешь свой билет из тюрьмы на волю, как мы и договаривались.

Тихий писк возвестил о прибытии лифта. Я коротко кивнул.

– Ну хорошо. Но не хочешь рассказать мне, почему мы

возвращаемся к расследованию трехмесячной давности, если к данному моменту доблестные стражи порядка Брэдбери уже должны были подшить это дело и сдать в архив? Я хочу сказать, когда оно только всплыло, разве метрополия не подключилась к веселью?

– Как и всегда, – в голосе Чаканы звучала смертельная усталость.

– Разумеется. Пропавший победитель лотереи – никто не оставит нечто настолько взрывоопасное местным. А то этому конца и края не будет. Дело должны были взять или вы, или маршалы, но те и пальцем не пошевелият ради такого дешевого отброса, как Торрес. Так что за дело берется отдел по розыску пропавших и проводит собственное расследование. Допросы, просмотр записей с камер наблюдения, проверка биографии – все записано и подшито к делу. Ну не мог же отдел по розыску пропавших запороть такую легкотню? Или вы, ребята, не стали запариваться насчет пропавшего кули из рабочей бригады в Нагорьях?

Двери лифта начали закрываться. Чакана не глядя просунула руку между створок, остановив их движение еще до того, как оно началось по-настоящему. На мгновение она попыталась изобразить ярость, но быстро сдалась. Слишком устала.

Никки вздохнула.

– Я из отдела убийств, Вейл. Ты же в курсе. Я никогда не занималась этим делом. Тела нет, улики нет, и ты прекрасно

знаешь, как часто придурки вроде Торреса слетают с катушек. Так что ты чертовски прав, это дело досталось ОРП. Им занялся Томайро, и он изображал бурную деятельность, издавал нужные звуки до тех пор, пока истерия не улеглась, после чего сбросил его как ненужный балласт. Хочешь взглянуть на его файлы, милости прошу.

– Что-то у меня не возникло впечатления, что мисс Кандинская Коса хочет приехать в участок и взглянуть на файлы.

Еще одно фирменное чаканское пожатие плечами.

– Ну тогда найди ей какое-нибудь другое занятие. Боже правый, Вейл, мне тебе инструкцию написать? Она – озабоченный земной бюрократ, оказавшийся в марсианских трущобах. Покатай ее по Нагорью, покажи, как живет местное отребье. Выеби хорошенько, если она не против, мне настрять. Главное, держи ее подальше от меня.

Она шагнула в лифт. Створки попытались закрыться снова. Я просунул между ними кулак и встал в проеме.

– Это все дерьмо собачье, Никки. Никто не прилетает сюда с Земли ради таких людей, как Павел Торрес. И *Малхолланд* одобрил это расследование? Губернаторский сок, прямо из Наветренного офиса, и все ради какого-то второсортного дела о пропавшем человеке?

– Нет, все ради защиты лотерейного холдинга «Долгое падение», перевозок «Вектор Рэд» и доброго имени «Хоркан Кумба Ультра». Ты же слышал Мадекве. Потомственные

корпорации. Они не любят неприятностей.

Я покачал головой.

— Дело не в этом. Тут творится что-то еще, и ты это знаешь.

— Ну так и выясни, в чем дело, оверрайдер. — Чакана наклонилась, взялась пальцами за лацканы моей куртки и слегка потянула на себя, выпрямляя. — Выясни, что происходит, сообщи мне и, если найдешь что-то хотя бы отдаленно важное, получишь печеньку. А до тех пор ты будешь выполнять обязанности экскурсовода. И прояви благодарность. У меня сейчас катастрофически не хватает людей, и это единственная причина, по которой ты все еще не гниешь в камере. А теперь прекрати задерживать лифт и иди выполняй свою часть сделки.

Она многозначительно сверлила мой кулак взглядом, пока я его не убрал. Двери с тихим писком возобновили свое движение и с плавной точностью сомкнули уста. Лифт ушел, оставив меня пялиться на полированную бронзовую облицовку дверей и на свое отражение в них.

Походило оно на что-то глупое и доисторическое, застывшее в янтаре.

Глава девятая

Мисс Кандинская Коса не хотела смотреть на файлы.

– Мы всегда можем к ним вернуться, – заявила она. У нее было напряженное выражение лица, словно у человека, который из вежливости не хочет показывать, что испытывает острую боль. – Основная информация оттуда, чего бы она ни стоила, у меня уже есть. Боюсь, толку от нее мало. Я бы не стала так сразу переводить стрелки, но совершенно очевидно, что и первоначальное расследование, и все последующие провели спустя рукава. Последний следователь, как там его... – ее взгляд под диадемой гарнитуры скользнул в сторону, она выдержала короткую паузу, – Борджиа Томайро. Вы его знаете?

– В основном по репутации. – Я взял со столика графин с соком, нашел стакан. По-прежнему не испытывал голода. – Но пересекался с ним пару раз.

– Ваши впечатления?

– Соответствует своей репутации. – Налил себе сок. – Бездельник. Ленивый. Слегка коррумпирован.

– Коррумпирован, – казалось, она впервые пробует это слово на вкус.

– Да, но ничего сверх ожидаемого. – Я откинулся на спинку кресла и отхлебнул сока. Взмахнул стаканом. – Отдел пропавших людей – это парковочная орбита для таких пар-

ней, как он. Томайро недостаточно предан работе, чтобы получить какую-нибудь полезную должность, и недостаточно некомпетентен, чтобы его уволили.

– А что, одной коррумпированности недостаточно?

– Прошу прощения?

– На Марсе коррумпированных полицейских не увольняют?

Какое-то время я сверлил ее взглядом, хотел убедиться, что она не шутит. Затем не смог сдержать непрощенный приступ смеха, расколовший рот ухмылкой. Свободный и легкий смех, никакой насмешки. На удивление приятное чувство.

Она поджала губы.

– Не вижу здесь ничего смешного, мистер Вейл.

– Добро пожаловать на Высокий Рубеж, – я добавил в свой голос сдержанный тон карантинного ИИ. – Пожалуйста, имейте в виду, что ваше тело может некоторое время приспособливаться к местным условиям. Боюсь, это касается и ваших ожиданий, мисс Мадекве.

– Я здесь в рамках чрезвычайной проверки, устроенной Земным надзором для КОЛИН, – сухо произнесла она. – Мои ожидания полностью соответствуют установке, полученной на Земле. И должна сказать, картина рисуется не самая лестная. Так что я не шокирована и даже не очень удивлена. Я просто не ожидала, что вы так открыто это признаете.

– Я ничего не признаю. Я не коп.

– Лейтенант Чакана сказала, что вы прикреплены к департаменту полиции Брэдбери.

– А у лейтенанта Чаканы есть чувство юмора. Любая связь, которая есть у меня с ДПБ, в лучшем случае весьма свободная. И раз уж мы затронули эту тему, я здесь не по своей воле.

Последовала короткая пауза, пока Мэдисон Мадекве переваривала услышанное. Глядя на ее лицо, сложно было сказать, понравилось ей это откровение или нет.

– Понимаю, – наконец произнесла она. – Что ж, мистер Вейл, спасибо за вашу откровенность. Мне жаль, что ваше задание вам не по душе.

– Бывали и хуже.

– Однако не могу сказать, что я впечатлена. Что департамент не может или, возможно, не хочет подобрать для этого задания настоящего полицейского.

– Взгляните на светлую сторону. Если бы вы в качестве эскорта получили настоящего полицейского, он бы, скорее всего, вас ненавидел.

– А вы меня не ненавидите?

Ее взгляд бросал мне вызов. Я снова почувствовал мерцающие лепестки пламени в животе и улыбнулся, чтобы скрыть возбуждение.

– Ненависть – это роскошь, которую я нечасто могу себе позволить, мисс Мадекве. Она мешает работе.

Очередная пауза, пока она наливала себе еще одну чашку

кофе, добавляла сахар и молоко, давая себе время собраться с мыслями. Я терпеливо ждал. Поймал себя на том, что гадаю, нет ли какого-либо способа заказать себе этот виски с Айлей за ее счет до того, как мы уйдем.

– Ну хорошо, тогда еще один вопрос, – продолжила она, все еще лениво помешивая кофе. – Если полицейский департамент Брэдбери отправляет в отдел по розыску пропавших людей свои худшие кадры, как им вообще удастся найти хоть кого-то?

Я пожал плечами.

– Любой, у кого есть хоть какой-то вес, не полагается на полицию. У правительства и серьезных корпораций есть собственные службы безопасности. Большинство заезжих квалипро получают сокращенную версию того же самого, это указано в их контрактах. Иначе сюда таланты не заманишь. Кроме того, есть проблема производительности. Если какой-то квалифицированный парень с трехлетним контрактом исчезает, КОЛИН теряет значительную часть своих инвестиций каждую неделю, что он не работает.

– Торрес отсутствовал почти три месяца. Разве это не серьезная проблема производительности?

– Сомневаюсь. Разумеется, это зависит от того, какую работу он выполнял перед исчезновением. Но судя по тому, что я слышал от лейтенанта, он в лучшем случае был полуквалифицированным рабочим. Иногда СК отслеживает таких парней, чтобы сделать из них наглядный пример, особенно

если за них назначена какая-то награда, но если ее нет... — Я развел руками. — И это в том случае, если он вообще работал.

— Я думала, на Марсе все работают. — И ее губы изогнулись, но я бы не назвал это улыбкой. Пара миллиметров иронии блеснула в глазах, словно наполовину вытащенное лезвие. — Мы столько об этом слышим на Земле. Пограничная необходимость, полностью вовлеченное общество. Человеческий дух, поднимающийся навстречу вызовам нового мира на заре новой эры. Разве не так все происходит? Я думала, здесь все должны работать.

— Здесь все должны зарабатывать на жизнь, это не одно и то же.

Она отпила кофе, держа чашку обеими руками, и поверх нее посмотрела на меня.

— И как же вы зарабатываете на жизнь, мистер Вейл?

— В настоящий момент оберегаю вас от неприятностей.

Пауза явно затянулась. Мы молча смотрели друг на друга, пока тишина не перестала быть забавной. Мэдисон Мадекве аккуратно отставила чашку. Ее голос был ледяным.

— Полагаю, мистер Вейл, вы неправильно истолковали и свое задание, и мое. Я запросила себе местного полицейского гида и советника, ничего более. Я не предвижу никаких неприятностей, и уж тем более мне не нужен кто-то, кто будет меня оберегать.

— Нужен, если вы собираетесь отправиться в Нагорье и задавать вопросы о людях, которые растворились в разрежен-

ном воздухе. Это опасное хобби. Местные и в лучшие-то времена не слишком дружелюбны, а сейчас времена далеко не лучшие. Вы будете торчать прямо как сиськи танцовщицы в клубе.

– Неужели?

– Боюсь, что да. Ваше лицо на всех каналах, мисс Мадекве, вместе со всеми остальными членами маленькой бухгалтерской команды, которую собрала КОЛИН. И теперь каждая пара глаз в Разломе будет следить за тем, что вы предпримете дальше. Я опознал вас по записям пассажирского манифеста менее чем через минуту после встречи. Нет никаких оснований думать, что кому-то другому это доставит больше сложностей. – Я наклонился и, к своему удивлению, услышал в собственном голосе настойчивость. – Тем временем я могу гарантировать, что люди губернатора уже там и уже разжигают старое доброе презрение пионеров к таким людям, как вы, и тому, откуда вы родом. Скорее всего, не пройдет и месяца с вашего появления здесь, как по ратуше уже будут маршировать фрокеры.

– Фрокеры? – Неподдельный интерес в голосе. – А это еще кто?

Я снова откинулся на спинку стула.

– Фрокеры... эм... Жесткие сторонники независимости. 4Rock4. Безумная сторона движения «Первым делом Марс». Люди Малхолланда будут выкручивать тематику «Первым делом Марс» на полную: «Бюрократическое вмешательство

со Старой Земли; мертвая рука пришедшего в упадок мира; тирания бесполезных миллиардов». Не сомневаюсь, эта риторика для вас не в новинку.

– Что ж, – она смахнула с коленей что-то невидимое. – До сих пор губернатор не придерживался подобной линии.

– Он говорит нужные слова. Но при этом подмигивает своим последователям. Они у него на ладони, мисс Мадекве. Вы думаете, что прибыли спасти этих людей от влияния коррумпированной администрации, но для большинства вы так же желанны, как пердеж в скафандре.

– Так вы советуете мне не ехать в Нагорье? – холодно поинтересовалась она. – Вот и все? Мне следует отказаться от идеи расследования на месте, сесть на жопе ровно и вместо это почитать файлы? Вести себя в точности как один из бюрократов, из-за которых нас уже презирают?

– Не повредит.

– Понимаю. – В ее голосе появились нотки настоящего гнева. – Знаете, там, на Земле, мы все знакомы с этой риторикой, «жители Рубежа способны на все», о которой вы так громко кричите. Что-то я не вижу в вас этих черт.

– Ну, я не отсюда.

– А откуда вы, мистер Вейл? Кто вы такой, что вы такое, что департамент полиции приводит вас, едва с ними связанного, и скрепляет нас подобным образом?

Пара голов за соседними столиками с любопытством повернулась в нашу сторону. Мадекве заметила их и в гнев

плотно сжала губы. Затем уставилась сердитым взглядом на стол, будто пытаюсь найти изъян в его поверхности.

– Простите меня, – уже тише сказала она. Затем снова подняла взгляд и посмотрела мне в глаза. – Мне не следовало говорить с вами подобным тоном. Я... процесс декантирования, адаптация, все это сказывается. Я устала, мне больно, не могу сконцентрироваться, не могу спать. Я не привыкла так чувствовать себя.

Мадекве резко замолчала, возможно, чувствуя неловкость за то, сколько разом на меня вывалила. Она снова плотно сжала губы.

– Все, чего я хочу, мистер Вейл – это продолжить делать свою работу. Вы можете понять хотя бы это?

Я не просто понимал это. Значительную часть своей жизни я использовал эту фразу в качестве жизненного кредо. Потому вздохнул:

– Послушайте, мисс Мадекве, давайте не будем начинать не с той ноги. Если вы хотите гоняться за призраком Пабло Торреса по всему Нагорью, мы можем этим заняться. Но это Нагорье, и вы должны понять, что это означает. Не ждите, что все пройдет гладко, так не будет. А когда дерьмо полетит на вентилятор, не ждите, что вам понравится его вкус.

Она стиснула зубы.

– У меня крепкий желудок, мистер Вейл.

– Отлично. Он вам понадобится.

Затем мы поднялись в ее номер на тридцать втором этаже. Просторные бежевые комнаты, безобидные пиксельные рисунки в углах, обрамленные пейзажи Долины на стенах. Через полуоткрытую дверь гостиной я заметил большую неубранную постель, которая выглядела как сцена какой-то серьезной борьбы. Покрывала взъерошены, подушки смяты и разбросаны по сторонам, одну, похоже, в раздражении швырнули на пол.

Я ухмыльнулся. Последствия криокапсулы – рано или поздно расплачиваться приходится каждому. Разумеется, пятизвездочные протоколы декантирования избавят вас от тошноты и большей части настоящей боли, но в конечном итоге есть предел, до которого вы можете обманывать клетки своего тела и сдерживать их возмущение.

Затем вам приходится терпеть, как и всем остальным.

Я прогнал из воображения мысль о том, как эбонитовые формы длинноногой Мэдисон Мадекве беспокойно изгибаются на простынях. Вместо этого оглядел основную комнату и любовался видом из окна, наблюдая за тем, как яркие, цвета синяков, вспышки расплываются на невидимом пространстве сверху и снизу Мембраны. Окна наверняка сделаны из стандартного для вакуума стекла высокого давления, непроницаемого для вибрации. Впрочем, на такой вы-

соте приличный звук не передавался, так как то, что считалось тут за атмосферу, было слишком разреженным. Но какой-то глубоко укоренившийся, оставшийся от предков атавизм настаивал на своем. Слабо, на самом пределе слышимости, доносилась сопровождаемая шипением и треском громадная ярость этого обмена частиц.

– Я думала, вы к этому уже привыкли, – произнесла Мадекве, проходя мимо меня к рабочему месту у дальней стены. – Разве такая погода тут не всегда?

– Всегда, – я подавил внезапно подкатившую к горлу острую тоску по видам с орбиты и расстоянию. – Однако с высоты все выглядит несколько иначе.

Она ткнула пальцем в разбросанные по столу вещи.

– Тем больше мне хочется взглянуть на вещи снизу. Ладно, поехали.

Пластина бранегеля оторвалась от распределителя на потолке и повисла между нами. Мадекве коснулась своей гарнитуры, вызвала сводку файлов по делу Торреса и перекинула их на бранегель. Я обошел вокруг пластины, чтобы оставить окно с отвлекающими видами позади, и пристально уставился в дисплей. Простыни текста, не очень много изображений – так всегда бывает, когда у вас нет трупа или настоящего места преступления.

– Я рассчитывала, что вы захватите собственную гарнитуру, – заметила Мадекве, – поскольку на вас ничего не было, когда вы пришли, я предположила, что ваши линзы вшиты

в сетчатку глаз.

«Нет, уже давно нет. Эти суки все вырывают при увольнении».

– Слишком дорого, – честно признался я, – техника на слизистых должна учитывать каждое обновление биокода, а в этих краях эту хрень постоянно переписывают. Биологические системы человека постоянно подстегают вперед, словно скаковых лошадей. Это все и так-то довольно сложно заставить работать, а тут еще постоянно надо думать о биоапгрейдах. Это совершенно другой уровень взаимодействия с иммунной системой, нужны аддоны к коду клиента, предпочтительное секвенирование. Такого почти никто не может себе позволить, а большинство тех, кто может, не хотят париться.

– Большинство. – Снова этот неприкрытый вопрос в голосе. – Но не все?

– Нет, не все, – я не собирался рассказывать ей обо всем, что ушло, а что осталось. Она не заслужила подобного доверия и, скорее всего, никогда не заслужит. – Некоторые из самых высокопоставленных квалпро решаются на такое усовершенствование ради статуса. И высокопоставленные сотрудники правоохранительных органов иногда идут на него – прямо как в «Воине красных песков».

– «Воин красных песков»?

– Это иммишоу. У вас его не показывают? «В Нагорьях один человек прочертил линию на песке. Пересеки ее – и

тебе придется иметь с ним дело». Я думал, на Земле зрители все трусики себе обкончают от такого контента. Тематика Высокого Рубежа, все это марстех-порно.

Ее губы дрогнули.

– У нас дома созданный на Марсе контент, эм... все еще имеет довольно нишевую аудиторию. Никто на самом деле, эмм... – Она откашлялась. – Я поняла общую мысль.

– Да, ну, в общем, «Воин красных песков» – это не я. Я всего лишь парень, которому периодически звонит Чакана. Внешний подрядчик. И прямо сейчас моя гарнитура устанавливает довольно серьезные обновления, так что у меня не было времени дожидаться и забрать ее прежде, чем мы отправились сюда.

– А вы не могли скачать из базы итерацию гештальта и залить ее в одноразовую гарнитуру?

– Вы забываете. Я не работаю на департамент полиции Брэдбери. В их базе на меня ничего нет.

– Ну что ж, – она швырнула мне пульт, с которым возилась, с большей силой, чем это было необходимо – постдекантационное раздражение снова сорвалось с поводка. – Тогда почему бы вам не разобраться с этим дедовским способом? Я собираюсь пойти переодеться. И хочу быть в Центральном Брэдбери через два часа. Прежде чем отправиться куда-то еще, мы заглянем в «Вектор Рэд». Может, сможем забрать по пути вашу серьезно обновленную гарнитуру.

Она промаршировала в спальню. Я проводил ее взглядом,

затем плюхнулся в кресло у окна, протянул гель за собой и слегка его осветлил, чтобы справиться со светом. В тексте появились пятна желтого маркера – кто-то делал пометки. Я погрузился в чтение.

«...следственная сводка (справочная информация)

Пабло «Павел» Карл Торрес, родился в округе Адама Смита 22/17/281 года. Возраст на момент смерти 19 лет по марсианскому стандарту (37 по земному). Семейные и образовательные записи прилагаются в отдельном файле. Генетический отец отсутствовал с четырнадцати месяцев, периодические контакты в возрасте от 3 до 7 лет, с тех пор отец на связь не выходил. Не смог получить базовый диплом, зачислен кадетом частной службы безопасности „Критикал Инфра Инк“ 9/14/288. Отслужил трехлетний срок (детали прилагаются в отдельном файле), повышений не заработал, контракт не продлен».

Что в любом случае ничего не значило. Компании вроде «Критикал Инфра» постоянно околачивались вокруг окружающих школ и оптом подбирали отстающих, потому что их дешево обучать и использовать. Некоторые привыкали и оставались, но большинство – нет.

«Последующая трудовая история эпизодическая, бродячая. Оценки эффективности обычно не соответствуют требованиям, многочисленные дисциплинарные взыскания, подробности прилагаются в отдельных...»

Вот тебе и презумпция невиновности.

«Кое-какое повышение квалификации, в основном в виртуальном формате, и обязательное смягчение наказания (детали прилагаются) – отслеживание активности в Зубринвилле, Колыбель-Сити, Берроузе, Брэдбери, округ 7, округ 18.

Программное обеспечение для определения местоположения граждан отключено или не подключено.

Не появляется в дополнительной налоговой базе».

Здесь тоже никаких сюрпризов. Хартия отдельно гарантирует гражданам право на неприкосновенность частной жизни, возможность исчезнуть из общества, находящегося под постоянным наблюдением, но дополнительные типы налогоплательщиков не часто пользуются подобной привилегией – вам повезло, что вы попали в эту категорию доходов, система работает на вас, так зачем вам от нее уклоняться?

У тех миллионов, на которых система не работает, свои причины.

«Предыдущие приводы (объединенные юрисдикции) – нападение, одиннадцать случаев; вымогательство сексуальных услуг, три случая; распространение нелицензионных СНДИЗ-веществ, пятнадцать случаев; незаконное проникновение, взлом и проникновение (корпоративные помещения), пять случаев; незаконное проникновение, взлом и проникновение (частные помещения), девятнадцать случаев; угон транспортных средств, восемь случаев. Вся информация об арестах и судебных преследованиях прилагается ниже...»

– Просто, блядь, образцовый гражданин, – пробормотал

я, – и это еще то, за что тебя прижучили.

«...последнее место работы (по слухам) – член „Наземной команды“, юрисдикция Колыбель-Сити (предполагаемые даты – середина Ришабхи – начало Гемини). Возможные контакты – Зип Санчес, Тензин Таманг, Милтон Декейтер, Джефф Гэвел, Нина Учарима...»

Милтон Декейтер. Если не совпадение, то я знал этого парня. И если уж на то пошло, Тензин Таманг тоже казался смутно знакомым. Но с другой стороны, Таманг – довольно крупный клан среди непальских марсиан, да и Тензин – не такое уж редкое имя.

«...последнее подтвержденное/контролируемое место работы – логистика рабочей силы для корпорации „Седж Системс“ в Мортон-Спред. Контракт действовал от 18 Дхану до 11 Ришабхи, аннулирован досрочно, расторжение подписано. Обзоры производительности труда приво...»

– Хочешь чего-нибудь выпить? – из спальни донесся голос Мэдисон Мадекве. В ее тоне мне послышалось скрытое извинение.

– Конечно, – откликнулся я. – Я возьму один из односолодовых с верхней строчки меню. И добавь самую малость воды.

Длинная пауза. Затем она просунула голову и одно обнаженное эбонитовое плечо в комнату.

– Это был серьезный вопрос, мистер Вейл.

– Это был серьезный ответ.

Она заколебалась. Я ждал.

– Я не стану включать это в расходы, – коротко сказала она и снова исчезла.

«Ну что ж». Я вернулся к файлу.

«...последнее известное местоположение и отслеженные действия – ночь 3 Гемини/раннее утро 4 Гемини: замечен уличной камерой/отслежен по связи в восточной части Колыбель-Сити, восемнадцать подтвержденных контактов (данные GPS прилагаются), в обществе Милтона Декейтера, Нины Учаримы и еще двоих, не являющихся членами команды. Последний подтвержденный контакт 01:43, угол Полезной Нагрузки и Десятой, направлялся на запад в сторону законсервированного ангара на Гингрич-Филд в обществе Учаримы. Никакой орбитальной корреляции, никаких дальнейших следов».

Колыбель-Сити. Я поморщился. Плохое место, чтобы шляться по нему с отключенным датчиком местонахождения. Без него вы полагаетесь на волю случая и спутникового наблюдения, с которым немилосердно спариваются частицы Мембраны. Что касается Гингрич-Филд...

Я еще немного покопался в файле. Нашел голограмму Торреса – стандартный снимок с головы до пят. Судя по виду, фото делалось после ареста – его раздели до трусов, парень не выглядел особо чистым или ухоженным. Я приблизил лицо и плечи, поставил фото на медленное вращение. Хмурый мачо глядел из-под длинных, не по последней мо-

де, волос, впечатляющие мускулы плечевого пояса выглядели достаточно поджарыми, чтобы давать и силу, и скорость, также бросалось в глаза множество шрамов и следов повреждений там, где обычно получают травмы бойцы.

Ничего такого, чего бы Нагорье не видело уже миллионы раз.

Там был приложен допрос Нины Учаримы и его краткая стенограмма, судя по которой она утверждала, что поехала с Торресом в Гингрич-Филд, рассчитывая, что ее прижмут к стенке ангара и страстно оттрахают. В тот момент они закинулись ТНС по уши. Торрес бормотал какое-то дерьмо, которое ее вообще не интересовало, поэтому она по большей части игнорировала его треп. Игроки и схемы, ожидание большого куша, обычная напыщенность Колыбель-Сити. Когда они уже довольно далеко углубились в поле, Торрес решил, что вместо жаркого секса хочет забраться по стене одного из ангаров и пробраться внутрь через крышу. Учарима какое-то время поболталась там, вырубилась от наркотиков, а когда пришла в себя, ей стало скучно, она пошла домой. И больше Торреса не видела.

Хмм.

В ее словах чувствовалась какая-то грязная правда Нагорья. Но не видя фактические кадры допроса, не просмотрев соматические снимки и не глядя Нине Учариме в лицо, пока она говорила...

Сквозь тонкую завесу бранегеля и проекции я увидел, как

в комнату зашла Мэдисон Мадекве. Она была закутана в серое пальто с высоким воротником, которое плотно облегалo ее до середины бедра. Руки в карманах, через плечо перекинута легкая дорожная сумка. На ногах – элегантные сапожки до середины икры и облегающие черные легинсы. Она выглядела как модель модного дома, демонстрирующая обязательный в этом сезоне походный марстеховский ансамбль.

– Мы готовы, – заявила она. – Я организовала неприметную поездку в город.

– Неприметную? Отсюда? – Я нажал на кнопку выключения. Парящий между нами гель хрустнул, вспыхнул облаком блестящего пепла и испарился. – Знаете, если вы думаете воспользоваться служебными лифтами...

– За ними также будут следить. Если и не живые акулы пера, то как минимум дрон-камера. Да, мистер Вейл, это тоже приходило мне в голову. У меня на уме есть кое-что более тонкое.

Я поднялся на ноги.

– Что ж, мисс Мадекве, теперь мне стало любопытно.

– Хорошо. – Она слегка наклонила голову, словно хотела получше разглядеть меня в падающем через окно косом свете. – Может, мы к чему-то еще и придем.

Глава десятая

К тому моменту, как мы вернулись в город, я начал всерьез скучать по своей гарнитуре.

Спуск с «Акантиладо» прошел достаточно безболезненно. Каждые пару часов отель отправлял постояльцев в город на вертолете, высаживая их в центре Брэдбери или любом другом месте по запросу. Большинство клиентов пользовались этой услугой просто потому, что она была бесплатной. У озабоченных общественным вниманием ультрапутешественников была еще более веская причина – так папарацци получали хорошую, заметную добычу, а прессу заранее предупреждали.

Чем и воспользовалась Мэдисон Мадекве. Мы проскользнули на борт следом за каким-то кукольно-юным ультрапутешественником и его свитой, незаметно заняли места позади. Та немногочисленная пресса, которой позволялось шлаться по отелю, была настолько ослеплена блеском славы, исходящим от главного пассажира, что никто из папарацци даже не удостоил взглядом меня или Мэдисон.

К тому же, как только люк закрылся и мы взмыли в воздух, мне пришлось наблюдать всего за девятью людьми. Наш главный аттракцион и окружавшая его вялая кучка подхалимов не представляли никакой мыслимой угрозы, а троица сопровождавших его шпииков больше нервничала из-за мое-

го присутствия, чем я – из-за них. Я обменялся с ними парой кивков – профессиональная вежливость – и это, похоже, сработало. Мы все расслабились и выглянули в окна. Летательный аппарат устремился вниз, в туманные, окрашенные красным глубины Разлома, словно крошечный стальной паук, опускающийся на своей нити.

Но в Брэдбери-Централ все стало совсем иначе. Здесь в каждом закоулке таилась потенциальная опасность: персонал станции, в форме и без нее; посыльные, облаченные в ливреи десятка различных фирм и франшиз со всего города; рассеянная горстка сразу узнаваемых, разодетых по последней моде в марстеховские наряды, изысканных посетителей «Акантиладо», как правило, в сопровождении настоящей свиты из слуг и людей на побегушках; клиенты «ВэллВэк», направляющиеся вдоль Разлома на восток или запад. Это был человеческий суп со всевозможными рисками, ни один из которых не поддавался аккуратной оценке. Без гарнитуры у меня не было никаких систем, в том числе беспристрастной визуализации целей, отмечающей повышенный пульс или блестящую от пота кожу, никаких датчиков, выявляющих неуместное скрытое снаряжение, никаких прогностических моделей для анализа движений и жестов.

Никакой Осирис не мог собрать все вокруг в единую картинку.

И все еще никакой возможности позвонить Постепенной.
– Вы из-за чего-то сердитесь, мистер Вейл? – пожелала

знать Мэдисон Мадекве, пока мы проходили через сводчатое гулкое пространство зала прилета, держась на разумном расстоянии позади неопрятной толпы, составляющей собой свиту ультрапутешественника.

– Зовите меня просто Вейл, – я проследил за тем, как мимо прошла пара подсобных рабочих, таращившихся на внешность Мэдисон. – Мы здесь не очень-то жалуем уважительные обращения. Когда вы говорите мне «мистер», у меня возникает чувство, будто я пытаюсь получить кредит на покупку краулера. И нет, я не сержусь. Просто пытаюсь делать свою работу.

Впереди, в дальнем конце зала, вдоль ограждений столпилась хилая кучка папарацци. Без всяких сомнений, журналисты ждали нашего мальчишеского ультраприятеля. За их спинами толпились фанаты с привилегированным уровнем доступа – им не терпелось взглянуть, а может даже прикоснуться к Плоти Кумира. Сотрудники службы безопасности Портового управления выстроились свободной цепочкой лицом к толпе и бронированными спинами к нам. В свое время я подряжался на несколько низкооплачиваемых контрактов по охране знаменитостей. Если знаешь, как ими управлять, все довольно легко и просто. Я наметил стратегию выхода, почти не задумываясь. После чего вытянул руку и притормозил длинноногую и решительную поступь мисс Мадекве.

– Давайте-ка немножко отстанем от них.

Мы сбавили темп, дали свите ультрапутешественника

вырваться вперед. По мере приближения к ограде шпики рассредоточились, а ультрамалыш вышел на авансцену. Он вскинул руки в приветствии, словно священник, приглашающий паству подняться. На нем не было видимой гарнитуры, видимо, пользовался встроенными линзами, и его пышные, медвяно-белые волосы спадали на плечи. Свободная черная хлопчатобумажная куртка поверх широкой обнаженной груди, широкие брюки с высоким разрезом по щиколотку облегали длинные мускулистые ноги, голые ступни засунуты в эспадрилы. По поджидающим фанатам и охотникам за сенсациями пробежал ропот — они начали менять позы, возобновили борьбу за наиболее подходящие позиции, руки тут и там потянулись к гарнитурам, чтобы окончательно настроить камеры, которыми все они будут управлять. Портовое управление не позволяет пользоваться чужими дронами в своих владениях. У них есть какие-то довольно хитрые контрмеры, которые могут мгновенно сбить в воздухе любой дрон, а затем выследить источник сигнала и поджарить системы самого оператора. Именно поэтому у разнообразных специалистов по вторжению в чужую жизнь остаются самые базовые ресурсы, и папарацци тут не исключение. Они вытягивали шеи и толкались, пытаясь заполучить кадр получше, выкрикивали вопросы и запрашивали комментарии, распихивали фанатов локтями, получая в ответ тычки и проклятия. Линия портовой охраны стояла неподвижно, словно стальные куклы.

Ультрамалыш с охотой купался в повышенном внимании. Он двигался вдоль перил взад и вперед, принимал позы, ухмылялся.

– У тебя есть хоть какая-то идея, кто этот придурок? – раздраженно поинтересовался я.

Мадекве кивнула.

– Сандри Чармс. Довольно громкое имя в Австралии, да и в большей части Южного полушария. Музыка, танцы, воображаемый пейзаж. Он здесь хочет что-то сделать на Южной стене.

«Ой, ну конечно, – подумал, но не сказал я. – Очередная третьесортная знаменитость добирается до Марса, но яиц выбраться наружу у нее не хватает». Когда-нибудь корпорации дотянут планетарную атмосферу более-менее до земного стандарта, мы все выберемся из-под Мембраны, и тогда, возможно, все эти идиоты смогут найти себе другой марсианский ориентир, чтобы потешить собственное самолюбие.

– СНДИЗ Чармс, – вместо этого произнес я. – Очень хорошо. Никогда о нем не слышал.

Мэдисон на мгновение задумалась.

– Будь у тебя дочь-подросток, ты бы о нем точно услышал, – произнесла она после паузы.

Мы прошли мимо беснующихся журналистов, протиснулись между широкими спинами двух парней из службы безопасности и пролезли через узкую щель в ограждениях. Я воткнулся в толпу прессы, прокладывая себе дорогу локтями

и плечами и пытаюсь двигаться с непринужденной скоростью – «не на что смотреть, парни, просто пара безымянных белых воротничков из Гроквилла оказалась посреди этого хаоса и спешит по своим делам, так что если вы просто подвигнетесь, спасибо, спасибо...»

Мы почти протиснулись через беспорядочную толчею тел, когда все полетело к черту.

Какой-то необычно наблюдательный умник, скорее всего, один из тех, кто был настоящим журналистом, когда это еще окупалось, похоже, заметил Мадекве. Наверное, его привлекла дорогая одежда или длинноногая походка. Пристальный взгляд зацепился за фигуру, на роковое мгновение задержался на ней подольше, а затем парень сложил два и два и понял, кто перед ним.

– Мисс Мадекве, – я отследил источник голоса и увидел, как он петляет в толпе, пытаюсь преградить Мэдисон дорогу. – Мэдисон Мадекве, я здесь! Уделите мне пару минут! КОЛИН уже...

Вот сколько времени мне понадобилось, чтобы добраться до него. Я схватил его за руку, которой репортер размахивал в воздухе, и развернул лицом к себе, словно страдающий излишним энтузиазмом танцор танго. Он оказался достаточно близко, чтобы я почувствовал запах дыхания и увидел покрасневшие глаза с проступившими капиллярами за линзами гарнитуры. Свободной рукой я сдернул с него гарнитуру и ткнул большим пальцем парню в глаз. Он взвизгнул и по-

пытался отпрянуть назад. Я притянул его обратно и сильно ударил головой в лицо. Затем отпустил и прописал жестокий апперкот под ребра. Журналаюга со свистом охнул и повалился на пол, из его носа потекла кровь.

Я быстро опустился на колени рядом с ним. Почувствовал, как за моей спиной собирается скромных размеров толпа.

– Эй, что происходит?

– Я ничего не видел...

– По-моему, он просто повалился на пол...

– Кто-нибудь, вызовите скорую, – рывкнул я, незаметно складывая гарнитуру и убирая ее в карман. – Наверное, сбой обновления. Отвергает новый код.

Толпа становилась все гуще. Это было интересно даже на фоне выходов ультрамалыша по ту сторону ограждения. Переданная с помощью кода биотехнология довольно редко сбоила на уже существующей прошивке, но когда такое все же случалось, все складывалось довольно забавно и драматично. Сыпь, лихорадка, спазмы – кто знает, в какую сторону свернут конфликтующие системы. Я отодвинулся от рыдающего, свернувшегося калачиком папарацци и дал другим взять инициативу в свои руки. А затем незаметно ускользнул от собирающейся кругом прессы.

Мэдисон Мадекве стояла на том же самом месте, где я ее оставил.

– Идем? – спросил я и вывел свою подопечную на улицу.

Снаружи, на ступеньках конечной станции, было ярко и солнечно. Другими словами, небеса пожирало пламя – это Мембрана ловила на завтрак высокоэнергетические частицы и поглощала их. В воздухе ощущалось разумное для этого времени суток тепло, по крайней мере по марсианским стандартам. Впрочем, снимать куртку необходимости не было. Дул резкий, сухой и холодный ветер. Я почувствовал, как его прохлада скользнула по онемевшему разгоряченному участку лба, которым я боднул папарацци.

Я выудил гарнитуру из кармана и решил примерить. Скорее всего, она будет настроена на конкретного пользователя, но проверить не помешает. Код зашипел и на какой-то обнадеживающий момент расплылся в моем поле зрения, а затем вспыхнул. «Что ж». Со временем и при помощи Осирис ее будет несложно взломать, но для простого звонка Постепенной как-то многовато усилий, к тому же сейчас явно не самый подходящий момент. Сначала нужно убраться отсюда подальше. Я уже собрался сделать шаг, когда...

Мадекве схватила меня за руку и резко остановила.

– Минутку, мистер Вейл, – произнесла она низким, напряженным, сердитым голосом.

Я подавил инстинктивную первоначальную реакцию – поддаться на толчок, воспользоваться инерцией и сильно

ударить противника в грудь – и просто небрежно повернулся к ней. Осторожно высвободил руку из хватки, снял украденную гарнитуру и положил обратно в карман.

– Я же сказал вам, просто Вейл.

Мельком осмотрелся по сторонам, тоскуя по своему обору-дованию. Ниже по ступенькам, в паре метров от того места, где мы остановились, еще один довольно неплотный кордон охраны сдерживал большую толпу юношей и девушек, большинство из которых были одеты в футболки с изображением Сандри Чармса. Над головами парила пара брангельных плакатов, смутно узнаваемые азиатско-тихоокеанские черты Чармса расплывались в линиях дневного света. Судя по последовательности стилизованных выражений лица, он что-то яростно кричал, после чего из его рта появлялась крошечная светящаяся голубая мандала, она вырастала, превращалась в геометрическую паутину, та охватывала все лицо Чармса, затем лопалась и уносилась прочь.

Тем не менее толпа выглядела довольно мирно. И, насколько я мог судить, никто не обращал на нас никакого внимания.

Взгляд Мадекве, сверлящий меня из-под золотой гарнитуры в виде крыла чайки, был сердитым и пристальным.

– Я слышала о том, как работает полиция на Марсе, мистер Вейл...

– Просто Вейл.

– ...и не собираюсь одобрять такое поведение в своем при-

существии. Это ясно?

Я пожал плечами.

– Если вы хотели пообщаться с прессой, предупредили бы заранее.

– Я не хотела...

– В таком случае вам оставалось либо дать комментарий журналистам, либо уйти так, как мы это сделали. Вы же не хотели привлекать к себе внимание.

Она глубоко вздохнула. И выдохнула не сразу.

– Он придет за нами?

– Не в том состоянии, в котором я его оставил. И сомневаюсь, что он расскажет о вас кому-то из своих приятелей-падальщиков. Немного времени у нас есть. Но недостаточно, чтобы тратить его попусту.

По моим подсчетам, на обдумывание ситуации у нее ушло три удара сердца. Затем Мэдисон кивнула:

– Очень хорошо. Уводите меня отсюда.

– Слушаюсь, мэ.

Я повел ее мимо поджидающей Чармса фан-базы, завернул за угол и направился вверх по бульвару Гарримана в сторону блока «Вектор Рэд». Возможность выходить на улицу и гулять по-прежнему остается предметом чрезмерной гордости марсианской культуры, и очень часто эта гордость находила отражение в архитектуре. Брэдбери-Централ вполне мог быть единым, всеобъемлющим монолитом. На Земле, скорее всего, так бы и случилось. Здесь, в Долине, он пред-

ставлял собой целый кампус зданий, раскинувшихся вдоль просторных радиальных магистралей, с воздвигнутым по центру зданием главного терминала. Кампус был усеян соляриями, площадями и искусственно выведенными железными деревьями, отбрасывающими пятнистые тени через каждые двадцать или около того метров. Ветерок дул нам в спину, а деревья тихо шептались над головой.

– Не так... не так я себе все представляла, – тихо произнесла Мадекве, – совсем не так.

Не очень ясно, говорила она о небе, здешних архитектурных традициях или моем практическом подходе к местной прессе. Я потер лоб и неопределенно хмыкнул.

– Во-первых, я думала, что буду больше чувствовать гравитацию, – в ее голосе снова сквозило раздражение. – В смысле, меньше. Я думала, что почувствую себя легче. Менее привязанной к поверхности.

– Это все криокапсула. По пути сюда вас накачивают всяким дерьмом, чтобы ослабить мышечную память. Улучшить скорость адаптации организма. Так что чувствовать себя так вполне нормально. – Я сделал паузу. – Впрочем, если вас это утешит, вы немного подпрыгиваете.

– Это не так. И я чувствую себя квелой, мистер Вейл. Довольно квелой.

– Просто Вейл. И это тоже нормально. Это пройдет.

Мы шли в тишине около минуты, прежде чем она перешла к сути дела.

– Знаете, на Земле вам бы не сошло с рук такое публичное нападение на журналиста.

– Знаю. Дивный новый мир, не так ли?

– У вас на Марсе нет подобных законов?

– У нас на Марсе и журналистов-то почти нет, что уж говорить о законах, которые их защищают. – Я ощутил тонкий, как стилет, укол – очередная кодовая мушка присосалась к шее. Еле удержался, чтобы не размазать ее. «Господи, сколько же ебучих обновлений я пропустил?» – Вы на Высоком Рубеже, мисс Мадекве. У нас здесь не так много места для всяких прибамбасов.

– Да, с каждой минутой это становится для меня все более и более очевидным.

Мы прошли мимо прилавка с мате, разбитого под сенью акации. Было довольно рано, потому жалкая россыпь скелетообразных стульев из углеродного волокна, расставленная вокруг столов, пустовала. Над сервировочной тележкой в утреннем воздухе бледно мерцал брангель с надписью: COLINAS DE CAPRI CHASMA: NUEVAS COSECHAS². В рамках акции по продвижению нового урожая они продавали недорогие одноразовые гарнитуры.

– Вы не извините меня на минутку, мисс Мадекве?

Я бы просто купил одну из одноразовых гарнитур у скучающего за прилавком парня-андино, но тот мне не позволил. Гарнитура давалась бесплатно при любой покупке на сумму

² Каньон Холмы Карпи: Новый урожай (*исп.*).

от десяти Маринов... или не давалась. Все учтено и посчитано. Нет никакой выгоды в том, сеньор, чтобы позволить вам получить гарнитуру любым другим способом.

Скорее всего, он не врал.

Мэдисон Мадекве вплотную подошла ко мне с фланга. Я повернулся к ней лицом, и внезапно мы оказались друг к другу намного ближе, чем планировали. Ее глаза распахнулись. Я уловил в ее дыхании слабый привкус аниса.

– Проблемы? – несколько поспешно спросила она.

– Вовсе нет. – Я указал на висящий над нашими головами логотип – связанную цепью тройную букву С. – Не хотите попробовать? Каньон Колинас-де-Капри. Лучшие производители коки в Восточной Долине. Это должно унять вашу тоску по криокапсуле.

– Чай? – Ее брови взмыли вверх. На губах мелькнула неуверенная усмешка. – Ты просишь ... вы предлагаете остановиться, чтобы выпить чаю?

– Конечно. Почему нет?

Она внимательно оглядела площадь, воспользовавшись этим, чтобы сделать шаг назад. Когда же заговорила, любое веселье испарилось из ее тона.

– Вас не беспокоит, что наш друг-журналист нас нагонит?

– Если он так сделает, думаю, будет держаться на расстоянии.

– Хорошо. Но у меня пока что нет здесь кредитной линии. Я не могу...

Я ухмыльнулся в ответ, чересчур горячо и широко.

— Я угощаю. Включу потом в счет для департамента. Займите нам столик.

Какое-то мгновение она колебалась, затем пожала плечами, соглашаясь, и пошла садиться. Глядя ей вслед, я поймал себя на том, что пялюсь. Почувствовал, что ухмылка так полностью и не исчезла с лица.

Я быстро вернулся в норму. И повернулся обратно к прилавку и к малышу-андино.

Глава одиннадцатая

Я заказал большие мате из меню и добавил тарелку сладких пирожных из кукурузной пасты, чтобы сумма заказа превысила вожаденный порог в десять маринув. Затем протянул руку за бесплатной гарнитурой. Малыш выудил ее из-под прилавка и кинул мне. Выкрашенная в зелено-черные корпоративные цвета «Колинас-де-Капри», все еще влажная после контейнера для хранения, она лежала у меня на ладони крошечным мертвым осьминогом.

– Я принесу ваши напитки, – пообещал малыш.

Я на мгновение зажал в кулаке мягкую пластиформную упаковку, наблюдая за тем, как та реагирует на тепло моего тела и начинает обретать форму. Я уже сожалел о душевном порыве, который заставил меня ее купить. Все равно я не мог позвонить триадам Эллады, пока восхитительная Мэдисон Мадекве наблюдала за мной бог знает с каким уровнем подсознательного восприятия, встроенного в ее собственную, максимально современную гарнитуру КОЛИН.

Я сунул наполовину застывшее устройство в карман, подошел к Мэдисон и приземлился рядом с ней. Мы сидели, нежась в пробивающихся сквозь листву над головой лучах бледного солнца. Я выдавил из себя улыбку.

– Принесут через пару минут.

– Хорошо. – Я ее не обдурил. – Мистер Вейл, если вам

нужно...

– Просто Вейл.

– Вейл. Если вам нужно сделать несколько звонков, не откладывайте их из-за меня.

– Нет ничего такого, что не могло бы подождать.

Какое-то время мы сидели тихо. В ветвях акации шелестел ветер, шипела закипающая вода да малыш-андино звенел посудой. Мимо нас во все стороны сновали редкие пешеходы. Никто из них даже не покосился в нашу сторону.

– Вы скучаете по Земле?

Я моргнул.

– Почему вы решили, что я с Земли?

– По манере речи. – Мадекве пожала плечами. – Да и поведению в целом. Вы сказали, что не отсюда, вам явно не нравится Марс, и будь вы родом из внешней колонии или О’Нила, у вас не было бы повода так не любить Марс. Как давно вы здесь?

– Достаточно, чтобы привыкнуть.

Мате подавали в больших чашках, распечатанных таким образом, чтобы они напоминали глиняную посуду ручной работы. Малыш поставил на стол тарелку со сладкими пирожными, сахарницу и оставил нас наедине.

– Вы прилетели сюда по работе?

Я не был в настроении исповедоваться. Но мне нужен был какой-то способ отвлечь Мэдисон Мадекве от моей тактической ошибки с гарнитурой, и, похоже, другого варианта не

оставалось.

– Периодические контракты, да. Раньше я был оверрайдером, работал на «Блонд Вайсьютис». – Я заметил, как она напряглась при этих словах. – В основном рейсы к внешним планетам. В большинстве случаев после окончания контракта меня высаживали здесь.

Она скрыла свою изначальную реакцию, сосредоточенно нахмурившись.

– «Блонд Вайсьютис». Я слышала это название. Но не могу сказать, что знакома с...

– А вы и не могли. Они не очень-то любят привлекать к себе внимание. Боевые биотехнологии и посторганика, управление внеземными заводами и логистика. Примерно так.

Она медленно кивнула.

– Интересные работодатели.

– Вы все правильно поняли.

– И там... возникла проблема?

– Проблемы возникают всегда, мисс Мадекве. Меня не будят, когда дела идут хорошо.

Я слишком поздно уловил промах с настоящим временем и мысленно принялся проклинать себя за то, что превратился в ностальгирующего ублюдка с печальной историей. Однако не был уверен, заметила ли его и Мэдисон.

– Конечно, – деликатно произнесла она. – Я хотела сказать, вас же уволили? Вы потеряли свой контракт?

– Я потерял груз и команду. А впоследствии – и мой кон-

тракт со всеми льготами, да.

Она осторожно помешала ложечкой сахар в чашке. Все еще хмурясь.

– А вы не могли найти себе другого работодателя? Вернуться в космос с кем-то еще?

– «Блонд Вайсьютис» отозвали мою эксплуатационную лицензию. – Я изо всех сил пытался скрыть горечь в голосе. – Это все часть процесса.

– Как давно вы работали на них?

– С момента зачатия. – Я на мгновение задумался. – По крайней мере, со второго триместра. Моя мать записала нас обоих в Местную специальную контрактную программу как только узнала, что беременна.

– Так вы – вариант? – ее глаза слегка округлились.

– Гиберноид. Как и большинство оверрайдеров. Базовый человеческий код не очень хорошо ладит с постоянной заморозкой. Так что да. Мамуля вошла в двери провинциальной штаб-квартиры «Блонд Вайсьютис», им в то время были нужны гиберноиды, так что меня слегка подправили. На самом деле ее трудно винить. Там, откуда она родом, МСКП была единственной перспективой для матери-одиночки. Ну или она могла снять комнату наверху и велеть парням выстраиваться в аккуратную очередь на лестнице.

– Господи, – выдохнула она.

– Он не отвечал на звонки. Как и еще один кусок дерьма, который предоставил вторую половину моего изначального

кода, так что... — Я пожал плечами. — Что ей оставалось?

Некоторое время Мэдисон молчала. Мы медленно пили мате, без особого энтузиазма заедая его сладкими пирожными.

— Расскажите о своей дочери.

— А? — Она подняла взгляд. — О, да. Аданья. Ей сейчас пятнадцать. Пока меня нет, создает проблемы для отца, в этом у меня сомнений нет.

— Вас часто не бывает дома?

— Это мое первое межпланетное путешествие. Но я довольно часто уезжала по земным делам. Аданья уже привыкла.

— Как так вышло, что мы сменили Землю на Марс? Вызвались добровольцем?

— Именно так. Как вы узнали?

«Потому что все ваши слова указывают на то, что вы искренне верите в культуру службы и миссию КОЛИН для всего человечества». Я покачал головой.

— Удачная догадка. Вы были частью той миссии, которую КОЛИН прервал в прошлый раз?

— Нет. Это было шесть лет назад. В смысле, земных лет. Аданья тогда была еще совсем маленькой, и я, эмм, старалась путешествовать как можно меньше. Другое время для нас всех.

Было что-то такое в том, как она это сказала. Осирис не мог мне помочь, потому пришлось сделать случайный шаг

в том направлении, на которое, как мне казалось, намекали ее слова.

– Вы сказали, Аданья привыкла. А что насчет ее отца?

– Его это вполне устраивает, – поджав губы, ответила она.

– Как скажете.

– Мы в разводе. Вот уже девять лет. – Она посмотрела прямо мне в глаза, позаимствовав мой тон. – Ну и что мне оставалось?

Она скопировала меня хорошо, очень аккуратно. Я рассмеялся.

– Ну и славно.

– Ну и славно, – согласилась она.

* * *

Транспортная компания «Вектор Рэд» занимала пять отдельных зданий, сгруппировавшихся вокруг большого, засаженного железными деревьями четырехугольника, в центре которого возвышалась статуя Эрики Хоркан. Голова откинута назад, поза, по всей видимости, должна означать созерцание звезд. С другой стороны, офисы руководства располагались как раз в верхней части высокой полированной черной башни прямо напротив нее. Корпоративная легенда гласила, что именно Хоркан была главной движущей силой, обеспечившей компании монополию на перевозки. Так что, возможно, она просто смотрела на нынешних боссов и подми-

гивала им. Мы поднялись по нескольким скромным ступенькам и прошли через высокие двери, которые открылись почти неслышно – ветер в листве и то громче шумел. Я пропустил Мэдисон Мадекве вперед, разок оглянулся назад, чтобы удостовериться, а затем последовал за ней.

Интерьер в значительной степени был таким, каким и следовало ожидать – осознанная дань уважения эпохе Поселения, но все шероховатости сглажены. Восстановленный каменный пол, но отполированный до глянцевого блеска запрограммированными аналогами половых клещей. Жутко тяжелые своды над головой, но с характерным влажным блеском активного наностроительства. Зернистые изображения ранних колониальных челноков, снятых в глубоком космосе, но выведены они на бранегелях настолько современной модели, что казались парящими в воздухе. На все это через угловые световые люки падал свет от огненной Мембраны, образуя тонкие розовые колонны в священной тишине.

К нам выплыл бранегель-секретарша. Очень красивая, очень высокое разрешение. Строгий комбинезон от кутюр, в тон декору, андские черты лица. Одна ухоженная бровь приподнялась.

– У вас назначена встреча? – поинтересовалась она.

– Нет, не назначена. Я – Мэдисон Мадекве из Земного надзора КОЛИН. Я здесь, чтобы встретиться с директором-распорядителем лотереи.

– Боюсь, – мягко произнесло изображение, – что без пред-

варительной записи мистер Дайсс... примет вас прямо сейчас. Пожалуйста, проследуйте к лифту в дальней части вестибюля.

Подпрограмма включилась после минимальной паузы, спровоцированная либо именем Мадекве, либо просто силой слов «Земной надзор КОЛИН». Бранегель отступил на пару шагов. Нарисованная на мономолекулярной поверхности женщина одарила нас чопорной улыбкой администратора и элегантно указала в сторону. В дальней части вестибюля в полумраке открылись двери лифта. На полированный каменный пол приветственной ковровой дорожкой упал мягкий язычок света из кабины.

Я выудил из кармана гарнитуру папарацци.

– У вас здесь есть испаритель?

– Ваша гарнитура безвозвратно повреждена?

– Да, испорчена. Наверное, словила вирус Кратерных тварей.

– Рядом с лифтом. – Все тот же элегантный жест, и рядом с кабиной лифта на стене примерно на уровне талии открылось узкое горизонтальное отверстие. Вдоль его краев словно по маслу скользили предупредительные янтарные огоньки.

– Пожалуйста, следите за своими пальцами.

Я бросил гарнитуру в щель, проследил за тем, как захлопнулась крышка испарителя, а затем вошел в лифт и принялся ждать, когда Мэдисон Мадекве ко мне присоединится. Бра-

негель администратора еще несколько мгновений бесцельно бродил по пространству, которое мы только что пересекли, словно проверяя, не будет ли новых запросов. Затем вспыхнул и растворился в воздухе.

– Кратерные твари? – поинтересовалась Мадекве, когда двери закрылись.

– Китайцы. Они находятся в бассейне кратера Эллада. Единственное место на Марсе кроме Долины, где можно запустить системы Мембраны, чтобы удерживать внутри воздух. Двадцать три сотни километров в поперечнике, семь в глубину. Из того, что я слышал, работает не так хорошо, как здесь, но они справляются.

– И у них есть привычка использовать враждебные вирусы против КОЛИН? Есть же мирный договор.

Я ухмыльнулся.

– Скажем так, это излюбленная паранойя в здешних краях. Чрезвычайно кстати, если хочешь, чтобы тебя приняли всерьез.

– Поняла.

Лифт мягко звякнул, его двери распахнулись. Мы оказались в крайне минималистичной зоне ожидания, скорее, да ни уважения древним традициям, чем действительно функциональном пространстве. В наши дни ни одна корпорация, стоящая цены своих акций, даже не подумает о том, чтобы пригласить кого-то подняться наверх просто для того, чтобы подождать. Дверь в кабинет за зоной ожидания уже была от-

крыта.

Там стоял мужчина в крайне дорогом костюме. Двадцать с лишним марсианских лет, седеющие волосы аккуратно уложены, слегка худощавые европейские черты лица переделаны в высококласной клинике, чтобы превратить его в вежливого корпоративного красавчика. Мартин Дайсс. Сам Дайсс во плоти. Разумеется, я знал его по рекламе «Смотайся бесплатно» – эти ебучие ролики были повсюду. «Дамы и господа, поприветствуйте Дайсса! И давайте приступать». Но сегодня на его лице не было видно широкой пластиковой корпоративной улыбки. Он дергался в дверном проеме, словно загнанная в угол крыса с явным пристрастием к СН-ДИЗ и тяжелым нервным срывом.

– Мэдисон Мадекве... эм... какая неожиданная честь. – Тут не нужны были системы, распознающие выражения лица, чтобы учуять ложь – от него несло враньем за километр. Взгляд Дайсса метнулся в мою сторону. – Я не... эмм...

– Это – Вейл, – быстро произнесла Мадекве. – Департамент полиции Брэдбери приставил его для моей защиты.

– Точно. Ну... эмм... что ж, – Он шмыгнул носом и явно хотел его потереть, но в последний момент взял себя в руки. Вместо этого в его голосе появилась некоторая высокопоставленная надменность. – Был рад вас видеть, офицер. Эмм, вне всяких сомнений, нас ждут некоторые конфиденциальные обсуждения, и я не уверен, что вам будет уместным, эмм... Не могли бы вы подождать... эм, где-нибудь еще, по-

ка мы, Эмм...

Я изобразил ту же улыбку, что и в лифте.

– Это полностью зависит от мисс Мадекве.

– Я уверена, что буду в полном порядке, – рассеянно ответила она, едва удостоив меня взглядом. – На самом деле было бы неплохо, если бы вы воспользовались этой возможностью, чтобы забрать свою гарнитуру, а затем вернуться за мной. Полагаю, нам с Дайссом понадобится остаток дня. Мы сможем наверстать упущенное позже. У вас есть мой номер.

Я подавил едва заметную, неожиданную вспышку раздражения.

– Помню его наизусть. Я позвоню, как только подключусь к гарнитуре, и вы сможете переслать мне ссылку.

– Превосходно. – Теперь она смотрела на меня выжидающе. – Спасибо вам, Вейл.

– Это моя работа.

По правде говоря, это было довольно логичное предложение. Я бы не тратил время без толку, к тому же теперь у меня появилась возможность позвонить Постепенной. Мэдисон Мадекве не нуждалась в моей охране на верхнем этаже корпоративной башни – чтобы проникнуть туда без приглашения, вам бы понадобился боезапас военного образца. На самом деле...

«На самом деле, Хак, в этом приступе раздражения вообще не было никакой необходимости. Ты теряешь хватку. Что бы ни происходило между тобой и этой землянкой, оно ни-

как не связано ни с твоей работой, ни с ее. Если она может себя сдерживать, то и ты сможешь. Поэтому возьми себя в руки, лады?»

Я вернулся в лифт и нажал кнопку «Вниз». По лицу Мартина Дайсса, словно вода из теплого душа, прокатилась волна облегчения. Он остался наедине с Мэдисон, оба такие чистенькие, обладающие высшим уровнем допуска КОЛИН, а все немытые грязнули без промедления отправились обратно на дно, к которому и принадлежали. Я кисло кивнул ему, мол, «скоро свидимся, мудила», а затем двери лифта закрылись и перекрыли мне обзор. Кабина ушла из-под ног и рванула обратно к вестибюлю. Меня не покидало какое-то едва уловимое ощущение неправильности всего происходящего, но я никак не мог взять в толк, в чем собственно дело. На лице дергались разгоряченные мускулы.

Мой разум перенесся к Чакане, стоящей в другом опускающемся лифте, еще в отеле. Вспомнил наш осторожный, напряженный разговор.

«Это все дерьмо собачье, Никки, и ты это знаешь. Никто не прилетает сюда с Земли ради таких людей, как Пабло Торрес».

Маленький твердый камешек убеждения.

«Тут творится что-то еще, и ты это знаешь».

«Ну так и выясни, в чем дело, оверрайдер. Выясни, что происходит, сообщи мне и, если найдешь что-то хотя бы отдаленно важное, получишь печенку. А до тех пор ты бу-

дешь выполнять обязанности экскурсовода».

Экскурсовод, значит экскурсовод. На хер Чакану и ее халатность. На хер Земной надзор с их элитными аристократическими манерами и надменностью. На хер фоновый шум.

«Пришла пора разобраться в своей собственной жизни, оверрайдер. Часики тикают».

Глава двенадцатая

Как и большинство подобных устройств, одноразовая гарнитура стоила тех денег, что я за нее отдал. Она годилась для пары часов базовой городской дополненной реальности и сотни звонков в любую точку Долины, но поле дополненной реальности было забито нелепыми маркерами, указывающими на торговые точки с фирменными товарами и высокочеловеческие сервисные центры, а ради каждого звонка приходилось выслушивать полторы минуты сахарной корпоративной рекламы.

Качество, Выбор, Свобода – все, как и сказано в Хартии. И что с этим сделаешь?

Я все равно надел эту долбаную штуковину и включил. Нет ни малейшего шанса, что ее системы обладают достаточным классом, чтобы связаться с Осирис. Пришлось набирать номер Постепенной вручную. Ответ не заставил себя долго ждать.

– ТКС-Холдинг, – произнес настороженный мужской голос.

– Это Вейл. Соедини меня с Постепенной.

Голос исчез, оставив наедине с тишиной и почти неслышимым фоновым треском шифрующего алгоритма. Я стоял на площади рядом со зданием администрации «Вектор Рэд», время от времени мрачно поглядывая на уровень пентхау-

сов.

«Пятьдесят невероятных победителей каждый год возвращаются домой!

Но чтобы выиграть, ты должен сыграть!»

То же самое можно сказать и о тех из нас, кто вынужден остаться здесь.

– Мистер Вейл, – до моего слуха донесся ровный голос Постепенной. Изображения нет, только аудио, передача максимально сжата, чтобы ее было сложнее отследить. – Что я могу для вас сделать?

– Я вышел из тюрьмы без вашей помощи. Возможно, вы слышали об этом.

– Да, наши источники сообщили эту новость. Мы наблюдаем за ситуацией.

Я проигнорировал скрытую угрозу в ее словах и сдержал слабую дрожь, пробежавшую по затылку.

– Это не то, о чем вы подумали.

– Тогда в чем дело, мистер Вейл?

– Я бы не хотел обсуждать это по телефону. Давайте остановимся на том, что договоренности, которые я заключил, не имеют ничего общего с вами или нашими общими деловыми интересами.

Прежде чем ответить, она выдержала паузу, и в моих ушах на несколько секунд повисла тишина.

– Поразительно удобно, мистер Вейл. И лейтенант из отдела по расследованию убийств, которая забрала вас из ком-

наты для допросов, также не заинтересована в нашей деятельности? Также не заинтересована в раскрытии убийства, за которое вас арестовала?

– Я же сказал – не по открытой линии.

– Я уверена, вы прекрасно осведомлены, что эта линия надежно защищена.

– С вашей стороны, возможно. Я же использую самый дешевый кусок дерьма, какой смог найти. – В моем голосе прорезалось раздражение. – Эта ебучая штуковина, должно быть, была собрана в потогонных мастерских Эллады.

– Почему?

– Это скорее мерзкая доисторическая шутка, а не гарнитура. Вы, ребята...

– Нет, почему вы используете низкокачественный передатчик?

– Долгая история, и прямо сейчас у меня действительно нет времени. Чем дольше я остаюсь на связи, тем больше шансов, что кто-нибудь начнет нас подслушивать.

– В таком случае лучше вам приехать и повидаться с нами. Блядь.

– У меня действительно нет сейчас на это времени. Я...

– Немедленно. – В одном слове прозвучала вся весомость пули с начинкой из обедненного урана. – Лучше всего вам будет немедленно нас навестить. Мы ждем вас. Хорошего дня, мистер Вейл.

Я снял гарнитуру и уставился на нее, так и хотелось раз-

давить ее. Довольно бессмысленное желание – как бы вы ни злились, невозможно причинить вред пластиформе голыми руками. Гребаная штуковина похожа на политическую позицию Малхолланда – ничто не способно оставить на ней вмятину, ничто не способно даже поцарапать, и какие бы повреждения она ни получила в результате несчастного случая, гарнитура всегда обретет изначальную форму.

Прежде чем вступить в бой, нужно выбрать сражение.

Вот же сука!

Над ухом прожужжала кодовая муха. Ужалила в щеку и исчезла.

* * *

Ты садишься на поезд Наземной ветки, идущий на восток, пересекаешь сверхплотный лабиринт Спарквилля и попадаешь в Коридор Вентура за ним. Иного варианта нет. Когда-то давно там не было ничего, кроме разреженного воздуха и грязи, поэтому сюда так и не довели старую вакуумную систему метро. А когда разросшийся Брэдбери добрался до этих мест, финансируемые государством крупномасштабные инфраструктурные проекты уже вышли из моды. Им на смену пришли муниципальные подрядчики, жаждущие добраться до сладкой мякотки муниципальных финансов. А на Марсе можно проложить наземную линию за сотую часть от стоимости бурения одного километра вакуумного туннеля. По-

этому новые районы не получили ничего, кроме наземки.

По крайней мере, из нее открывался неплохой вид.

Я зашел в последний вагон, занял место у окна и уставился на улицу. Мембрана потеряла свой огненный утренний блеск и стала прозрачной, словно грязное оконное стекло. Здесь можно было посмотреть вверх и увидеть марсианское небо таким, какое оно есть на самом деле – размытый шафрановый купол, тут и там усеянный одинокими эскадрильями высотных облаков и пронизанный на востоке бледным сиянием игрушечных размеров солнца.

Высокий Рубеж. Ну и что в нем такого?

С другой стороны, мне удалось проехать через весь Спарквилль и попасть в Вентуру, избежав очередных укусов кодовых мух. Похоже, их натиск наконец-то начал ослабевать. А может, все дело в том, что кодовые мухи не очень хорошо работают на борту общественного транспорта. Желанию прихлопнуть кусачую тварь трудно противиться, большинство людей и не пытается. А в замкнутом пространстве ваши шансы достать маленьких ублюдков значительно возрастают.

Спустя полдюжины станций прямо и вниз по Коридору поезд проехал мимо яркой панели, продающей услуги какого-то борделя на окраине. Пару секунд я тупо пялился на рекламу, затем выудил из кармана одноразовую гарнитуру и снова нацепил на лицо. Набрал номер, переждал кажущуюся бесконечной вариацию промоакции «Партикл Слэм», кото-

рую видел в небе прошлой ночью. Наконец услышал, как на другом конце пошли гудки.

И попал на конструкт.

«Привет, это Ариана. Прямо сейчас я не отвечаю на вызовы. Девушке нужно иногда и отдыхать, знаете ли. Но все равно оставьте мне что-нибудь – если сообщение прозвучит заманчиво, может быть, я вам перезвоню».

Блеск.

Не могла она работать, только не в этот час. Разве что подцепила какой-нибудь прибыльный приватный танец на расвете в самом конце смены у Максина и затем отправилась домой с клиентом. С другой стороны, учитывая инцидент в «Девочках Долины» – а до них-то ей всего дверей шесть, – возможно, она все еще где-то на Бульваре, делится сплетнями с другими танцовщицами.

Я выдавил из своего приглушенного голоса все разочарование, стараясь звучать оптимистично.

– Привет, Ари, это твой сосед-оверрайдер. Думал о тебе. Перезвони, когда получишь запись.

Поднатужился, пытаясь выдать под конец что-нибудь остроумное, но потерпел неудачу. Стащил гарнитуру и раздраженно запихнул обратно в карман. Вернулся к рассматриванию пейзажа за окном.

А за окном простирался Коридор Вентура во всей своей пыльной красе: бесконечные дешевые коммерческие постройки и легкодоступные уличные сети для их обслужива-

ния, расположенные на юго-западе, словно огромный мозаичный язык электрических контуров, вывалившийся из городского рта. Никаких намеков на огромное количество высококлассных молодых умов, работающих в этих постройках, или на гигантский поток венчурного капитала с Деймоса, который их подкармливал. Но прямо сейчас где-то внутри этого ковра из малоэтажной и недорогой архитектурной застройки медленно, но верно рождалось следующее поколение крупных игроков в марстехе.

Жаль, что они не могут полагаться на статистическую вероятность подобного исхода и продлить наземку по мере расширения Коридора. Я вышел в «Приюте викинга», потому что у меня не было никакого выбора, это был конец линии. До дома Постепенной оставалась еще пара километров, но от нее бы не заржавело отправить за мной встречающую делегацию. Как минимум встретить и поприветствовать, если не нашинковать в фарш. На ее месте я бы так и поступил.

Я осторожно спустился по ступенькам на улицу.

Но никто не ждал меня ни на платформе, ни у подножия ступенек. Никто не вынырнул из-под прикрытия нанобетонных опор, на которых держалась станция. Если за мной кто и следил, они предпочли не показываться на глаза. Единственная видимая человеческая активность разворачивалась прямо передо мной, под возвышающейся машиной станции. Здесь, в бледных косых лучах марсианского солнца, проникающих сквозь щели в конструкции, группа худощавых ве-

лорикш соорудила импровизированный карточный стол из выброшенной катушки кабеля и расставила вокруг него перевернутые упаковочные ящики вместо сидений. Там вовсю шла партия в думбал. Пятеро играли, еще парочка нависала над плечами своих коллег и давала мудрые советы. Их велотакси короткой неопрятной шеренгой были припаркованы на другой стороне улицы.

Я взмахнул рукой, привлекая внимание, и одна из художавых фигур помахала мне в ответ. Рикша вскочил со своего места и побежал мне навстречу. Он был молод, но в каменных чертах гималайского лица прослеживалась твердая уверенность, принадлежавшая мужчине куда старше.

– Куда вам?

– ТКС Холдинг. Дориот Бродвей, 11328.

По его лицу промелькнула тень, но рикша ничего не сказал, просто пожал плечами и указал на припаркованные велотакси. Я проигнорировал его реакцию, пошел следом и нырнул под навес, занимая свое место. Затем, когда он уже налег на педали и мы тронулись, я небрежно спросил:

– Бывал там раньше?

Он хмыкнул.

– Я знаю это место. Штаб-квартира Кратерных тварей. У тебя там друзья?

– Я бы не назвал их друзьями.

Он снова хмыкнул. Мы немного прибавили скорость и свернули на главную магистраль Вентуры. Движение вокруг

немного усилилось, но в основном это были другие велосипедисты. Некоторое время я наблюдал за тем, как опускается и поднимается напряженная спина таксиста. Потом решил, что молчание как-то ненормально затянулось.

– Невыгодная цена? – задал я пробный вопрос.

– Нет, приятель, я отвезу тебя куда угодно. – Он не оглядывался. Голос соответствовал манере, с которой он крутил педали. – Но я ненавижу этих ублюдков. Видишь ли, мой народ, мы – бхотия, прибыли в Непал во время Октябрьского перехода. НОАК³ наступала нам на пятки до самой границы. Приставала, вымогала, вот так. Мы такое не забываем.

– Не сомневаюсь.

Мои знания гималайской истории были в лучшем случае обрывочными, но я пообщался с достаточным количеством непальских и тибетских коллег в Нагорьях, чтобы в общих чертах понять смысл Перехода. Массовые беспорядки по всему Тибету привели к введению военного положения, необходимого для обеспечения бесперебойной работы китайских марсианских подготовительных лагерей: множество арестов без суда и следствия, повсеместное применение чрезмерной силы полицейскими и военными, крайне удобные смерти в результате несчастного случая, как в заключении, так и на свободе, приказы о выселении. Целые деревни опустели. Дороги были забиты людьми, которые несли сво-

³ НОАК – Народно-освободительная армия Китая, официальное название вооруженных сил Китайской Народной Республики.

их детей и все то небольшое имущество, которое, как им казалось, они могли унести. В том году зима в Гималаях наступила рано и выдалась очень суровой. Даже для людей, выросших в подобных жестоких условиях, было нереально холодно. Оказавшись между двух огней – морозов, с одной стороны, и острыми штыками спущенной с поводка Народно-освободительной армии, с другой, – беженцы несли обычные потери: умирали старые и немощные, новорожденные, а также те, кто был достаточно вспыльчив и зол, чтобы огрызаться на своих одетых в форму угнетателей.

А любой вооруженный мегафоном сторонник сакранитов, если дать ему времени побольше, скажет, что корень зла – это корпораты из КОЛИН.

Поди разберись.

Возможно, работая на наследственной ярости, рикша довез меня до здания ТКС в рекордно короткие сроки и в абсолютной тишине. Он остановился на углу тротуара и махнул рукой.

– Здесь тебя устроит?

Я потянулся и огляделся по сторонам. Мы были в самом конце Коридора, где находились самые новые и дешевые арендные помещения, базовые постройки из нановолокна, наращенного на необработанных участках реголита по обе стороны от подъездных путей, на тех кое-где даже не хватало дорожного покрытия и освещения. Некоторые постройки были до сих пор лишены любых индивидуальных черт, окна

и двери вырежут позже, когда появятся конкретные требования к конфигурации помещения. Другие уже обрели свой облик, но дома никого не было, а на стенах уже красовался нарисованный яркой аэрозольной краской символ – двойная буква О, соединенная цепью. «Открытый опцион» – явное свидетельство ранних жертв полного провала, понесенного в гонке за богатствами марстеха. Свободное место в рядах для новичков. «Почти не использованные помещения! Разумные цены! Звони немедленно!»

Дом 11328 по Дориот отлично вписывался в обстановку. Скромный двухэтажник, невзрачный, грязно-кремового цвета с красной отделкой, с несколькими вертикальными полосками окон из дымчатого, отражающего серого стекла. На стене красной краской небрежно, словно его сделал в спешке кто-то, у кого были дела поважнее, огромными, в рост человека, буквами было выведено название «ТКС Холдинг». Стандартный марстеховский стартап, скучный и безобидный до безобразия – идеальный образ того, за кого местные пытались себя выдать.

– Здесь меня вполне устроит, – сказал я.

– Стандартный тариф за проезд. Ничего сверху.

Я посмотрел на счетчик, приклеенный к раме навеса эпоксидной смолой, кивнул и схватился за стойку, готовый выбраться наружу.

– Почему бы тебе не округлить сумму до двадцатки? Мы добрались довольно быстро.

Он благодарно что-то пробормотал в ответ, и цифры изменились. Я держался за стойку, пока платеж не прошел и счетчик не запищал.

– Осторожнее там, – хрипло посоветовал рикша, когда я вышел наружу. – Это плохие люди.

Полагаю, я мог бы просветить его и сказать, что расистское неодобрение сейчас промахнулось на парочку астрономических единиц. Народно-освободительная армия, что на Элладе, что на Земле, отнеслась бы к ребятам Постепенной примерно с такой же любовью, как к выселенным предкам этого парня.

Если уж на то пошло, я мог бы представиться и признать-ся, что оверрайдер БВ не шибко отличается от головореза из НОАК и придется постараться, чтобы в семантических разногласиях касательно экономических систем найти хоть какое-то различие между нами, ведь кулак – это кулак, и какая вообще разница, в какую форму затянута рука, которая наносит удар.

Пустая трата времени. Кроме того, предупреждение было искренним, и он не ошибался.

– Здесь вокруг полно плохих людей, – согласился я. – Буду начеку.

Я посмотрел за тем, как он развернулся и неторопливо поехал обратно на север. На мгновение я поймал себя на том, что завидую ему – мускулистой непосредственности его работы и быстрым денежным вознаграждениям без ка-

ких-либо обязательств, которые она приносила. Простоте существования, в котором не было места разгневанным деловым партнерам из Кратерных триад, нездоровым отношениям с органами правопорядка Брэдбери и делу об убийстве, поставленном на паузу в ожидании рассмотрения.

«Да, мне стоило отказаться от контракта с БВ и стать обезьяной-рикшей.

Или стражем рифов. Как в той рекламе, которую ты видел в шестилетнем возрасте.

Давай уже, оверрайдер. Соберись, блядь».

Вспышка зависти прошла. Я сгрузил всю тревогу на обочину, поднялся по неровным ступенькам из реголита к входной двери дома 11328 и нажал на звонок.

* * *

Они ждали меня с другой стороны, в вестибюле, где все еще стоял слабый запах нановолоконных смол и пластика. Полагаю, засняли меня на камеру дрона, пока я ехал со станции, и подготовили соответствующую приветственную делегацию. Постепенная непринужденно стояла под логотипом какого-то бренда, составленным из китайских иероглифов, которые я не мог прочесть в отсутствие Осирис. По обеим сторонам от нее возвышались бесстрастные качки в непрозрачных гарнитурах по аналогии с ее собственной – большие парни, даже по марсианским стандартам. В их гарниту-

ры наверняка было встроено довольно эффективное сканирование на наличие оружия, да и у Постепенной оно наверняка было, но бугай справа тем не менее все равно шагнул вперед, держа в руках переносной сканер. Я стоял абсолютно неподвижно, пока он водил маленьким устройством вверх-вниз по моему телу и смотрел на показания прибора. Затем он отступил назад и обменялся с Постепенной парой коротких слов на китайском. Никакой Осирис, чтобы переводить сказанное мне в ухо, но суть все равно была понятна.

Постепенная повернулась ко мне, ее линзы медленно потускнели, черный отражающий цвет сменился вежливо прозрачным.

– Вы безоружны, мистер Вейл.

– Я приехал, чтобы поговорить.

Она склонила голову.

– Того же хотим и мы. Прошу, следуйте за мной.

Мы вышли из вестибюля и направились вглубь здания. Мускулистые близнецы следовали за нами на почтительном расстоянии. Постепенная вела меня по пахнущим смолой коридорам и проходам, мимо дверей, висящих на настоящих петлях. Двери были небрежно помечены китайскими иероглифами, нанесенными яркой краской. Некоторые из них были достаточно распространенными, я даже узнавал слова и словосочетания: «Управление персоналом», «Распределение ресурсов», «Юридический отдел» – стандартные отделы для любого стартапа в Коридоре. Мы поднялись по ко-

роткому лестничному пролету. Конструкция была приварена к стене совсем недавно, я чувствовал слабую отдачу на каждой ступеньке, когда материал в местах сварных швов стремился к состоянию покоя. На этом этаже были новые двери с более общей маркировкой: «Лаборатория 1», «Лаборатория 4», «Дополнительное тестирование». Меня не покидало смутное ощущение неправильности происходящего – в структуре этого места недостаток реальности ощущался столь же красноречиво, как резиновая податливость лестницы, по которой мы только что поднялись. Здесь не было приоткрытых дверей, никто не сновал между помещениями, из лабораторий не доносилось голосов. Никаких забытых чашек на кофейных автоматах, никаких реголитных крошек, которые чьи-то неосторожные ноги втоптали в ковровое покрытие. Никакой суеты, никакого шума, никакой жизни. Все вокруг меня казалось поверхностным и фальшивым.

– И что же вы делаете вид, что производите тут? – поинтересовался я.

– Кремы для кожи, – коротко ответила Постепенная.

– Как оригинально.

Технологии защиты кожи – это выгодный вариант стартового пакета для любого, кто хочет заняться генным кодированием на Красной планете. Биотехнологическая ставка в игре, где можно взять джекпот: вашу технологию признают на Земле высококлассным марстеховским брендом, после чего вас захлестнет оглушительный поток денег от доверчи-

вых клиентов, которых неизбежно привлечет такой элитный экзотический статус. Говорят, каждый седьмой заработанный на Марсе марин прямо или косвенно связан с моддингом человеческого эпидермиса. Это один из немногих базовых аспектов человеческой физиологии, которым легко поразить воображение массового потребителя на Земле. «Да, жизнь на Марсе, должно быть, чертовски тяжелое испытание для кожи, разве не так? – Так, по идее, должен выстраиваться внутренний нарратив. – Наверное, стоит пойти и купить это безумно дорогое средство для восстановления клеток эпидермиса, которое они протестировали прямо там, на поверхности Красной планеты! Знаю, это жутко дорого, но эй, оно же „Сделано на Марсе! Передовые технологии! Лучшее, что может получить человек!“»

Ну и так далее.

Наконец мы подошли к двери с надписью «Директор». Постепенная нажала на ручку, открыла дверь, еле заметно кивнула нашему эскорту, и тот остался снаружи. Комната за дверью была примерно такой, какой и следовало ожидать – грубые серые стены, никаких украшений, вокруг пустого пространства в центре, где располагался высококласный диспенсер брангеля, свободным кольцом расставлены стулья.

– Присаживайтесь, – предложила она, закрывая дверь.

– После вас.

Я подождал, пока она разместится на одном из стульев,

затем взял свободный, поставил его задом наперед, оседлал и улыбнулся.

– Ну, вот мы и здесь.

– Да. Спасибо, что пришли.

– Кажется, у меня не было особого выбора.

– Мы были обеспокоены...

– Что я сдал вас Никки Чакане в обмен на досрочное освобождение. Какой же у вас, Кратерных тварей, подозрительный разум.

– Но вы же примерно этим нам угрожали.

– Да, если бы вы не вытащили меня оттуда в оговоренные нами сроки. Срок этот составлял сорок дней, а мы находились на дне первом. Так что ваше беспокойство было немного преждевременным. И если бы я заговорил, поверьте, вы бы уже об этом знали. Отдел по расследованию убийств Брэдбери не валяет дурака. Чакана использовала бы мое заявление в качестве повода, еще утром устроила бы рейд и сожгла бы это места дотла. Вероятно, с вами внутри, ребята.

– На глазах-то Земного надзора? – С манерным голосом Постепенной было сложно сказать, сомневается ли она в моих словах, насмехается надо мной или интересуется местными событиями.

Я с умным видом кивнул.

– Особенно на глазах Земного надзора. Именно такой отвлекающий маневр прямо сейчас нужен людям Малхолланда. «Эй, люди, как вы вообще можете беспокоиться о ка-

ком-то юридическом дерьме, до которого никому нет дела, когда мы находимся под угрозой вторжения сил зла из Эллады? Это Высокий Рубеж, мы здесь имеем дело с настоящими проблемами, у нас нет времени на бюрократическую возню, которую вы, земные придурки, считаете такой важной». — Я развел руками. — Так Малхолланд сразу заговорил бы о жизни в осажденном лагере и подобную возможность выдоил бы по полной. Имея на руках такой козырь, он бы, вероятно, смог затормозить весь аудит, а то и вовсе остановить его намертво. Поверьте мне, если бы я заговорил, вас бы уже всех заперли в кутузке, ну или вы удобным образом погибли бы при сопротивлении аресту.

— Хм, — ее спокойные темные глаза пристально наблюдали за мной из-за прозрачных линз. А встроенная в гарнитуру система сканирования человеческого поведения наверняка проверяла меня на наличие явных признаков лжи. — Так скажите же мне, мистер Вейл, — тихо продолжила она, — если все обстоит именно так, как вы говорите, то почему лейтенант Чакана так быстро вас отпустила? Что вы согласились сделать для нее?

— Я не собираюсь рассказывать об этом вам, Постепенная. Это не ваше дело.

— Нет, наше, — ее поза слегка изменилась, взгляд стал жестче. — И я предлагаю вам сотрудничество. Вы же хотите выйти отсюда?

Я фыркнул.

– И тогда это место станет последним, где меня видели живым. Вы не настолько глупы. Вы вообще слышали, что я сказал о Никки Чакане и отделе по расследованию убийств Брэдбери?

Тишина – краткий миг тишины, пока она проводила перекалибровку.

– Теперь вы работаете на нее.

– Я бы сказал, что это очевидно, разве нет?

– Работаете над чем-то, связанным с визитом Земного надзора.

– Отлично. Вы снова поумнели. Так вам идет гораздо больше.

Она сделала вдох и на мгновение замерла.

– Вы очень грубый человек, мистер Вейл. Вам не стоит преувеличивать свою ценность.

– У нас было очень ограниченное деловое соглашение, и за исключением небольшого вопроса о моем гонораре, который вы по-прежнему не уладили, это соглашение полностью выполнено. Сэл Кирога мертв, контрольный пакет акций «Девочек Долины» и еще немного у вас в руках, а я вышел из тюрьмы. Но вы хотите поговорить о грубости – тогда давайте обсудим, сколько еще мне ждать денег.

– Вам заплатят. Я уже...

– Да, я знаю. Мы договорились о выплате гонорара по завершении дела, но пока что вы не можете мне заплатить. Мы согласовали график моего освобождения из тюрьмы, но

вы не смогли его соблюсти. Мы договорились доверять друг другу, но при первых признаках оперативных сложностей вы выпадаете в панику, вытаскиваете меня сюда и сыплете мелодраматическими угрозами. Скажите мне, Постепенная, там, в Элладе, триады до сих пор классифицируют как организованную преступность? – Я сделал паузу, чтобы до нее дошел смысл оскорбления. – Потому что если бы здесь, внутри Разлома, кто-нибудь из *фамилиас андинас*⁴ вел себя настолько неорганизованно, он бы не продержался и десяти минут. Дать вам небольшой бесплатный совет в соответствии с вашим увеличенным графиком платежей? Если вы планируете остаться в этих краях, вам придется основательно попотеть и приложить больше усилий.

На этот раз молчание затянулось.

– Есть проблема, – произнесла она наконец.

– Я, блядь, знаю, что есть проблема. Я смотрю ей прямо в лицо.

– Дело не в ваших деньгах. Есть еще кое-что. – Она еле заметно сменила положение на стуле, в этом чувствовался тончайший намек на дискомфорт. – Есть проблема, и нам нужна ваша помощь.

⁴ Андские семьи (*исп.*)

Глава тринадцатая

Я поехал домой.

У Постепенной хватило любезности вызвать мне велотакси и оплатить обратный проезд до «Приюта викинга». Если помнить о ее прежних намерениях, это было самое меньшее, что она могла предложить в качестве оливковой ветви. Я попросил рикшу прибавить ходу, мне повезло с расписанием, и я успел на обратный поезд. Проехал по всему Коридору Вентура и добрался до вокзала Спарквилля, где благодаря изящной пересадке, ради которой мне пришлось пробежаться, я уже через минуту ехал в направляющемся на юг поезде «ВэллиВак». Спустя несколько темных остановок мы пулей влетели на станцию «Арка Цереры», которая когда-то была распределительным хабом и сердцем Вихря – так называли фрактальную путаницу улиц с южной стороны города.

Я вышел в пустынный нанобетонный мрак и по пустому эскалатору поднялся на поверхность. Здесь и в лучшие времена не бывало много народу. По большей части Вихрь – это автоматизированные заводские блоки и огромные склады. Здешние улицы были как-то странно и нелогично спланированы, очевидно, какой-то ню-джинн спроектировал их еще тогда, когда все считали это хорошей идеей. Есть что-то жутковатое в том, как они уходят по бесконечной дуге в сторону того, чего вы никак не можете разглядеть, ходить по

ним пешком – сущий кошмар. Любой, кто мог позволить себе жилье в другом месте, никогда бы не стал ютиться здесь. А в такой час даже те, кто называют Вихрь домом, на улицах не показываются. Они либо давно отправились через весь город на свою дерьмовую работу в бесконфликтной экономике⁵, либо отсыпаются в капсулах после ночной смены.

Я направился по «Арке Цереры» в ту сторону, где от станции отходила первая из дочерних аллей. Вконец износившийся энергоман на перекрестке с Церера-драйв 4 был единственным признаком жизни на всю округу, хотя применительно к нему слово «жизнь» было довольно щедрым комплиментом. Он, как обычно, сидел, съезжившись в нише, прилип к мостовой из-за подсохшей небольшой лужи мочи и дерьма, прислонившись к стене фабрики, и уже подключился к ее энергоисточнику, удаленно хакнув его. На голове у бомжа красовалась старая и поношенная индукционная шапка из пластикожи, приклеенная к вискам обрывками изоленты, а на ослабевших руках и коленях покоилась нещадно кастомизированная контрольная панель.

⁵ *Бесконфликтная экономика, или бесконфликтный капитализм*, – концепция, впервые сформированная Биллом Гейтсом в книге 1999 года «Дорога в будущее». Она состоит в том, что электронные процессы значительно изменят рыночные процессы, так как будут основаны на цифровом обмене, а труд, информация и деньги будут двигаться легко, дешево и почти мгновенно. Вдобавок подобная концепция подразумевала, что цифровая экономика устранил помехи в транзакциях, включая посредников, обеспечивая покупателей полной информацией о товарах и услугах, а продавцов – о вкусах потребителей и их покупательной способности.

В суровые зимние месяцы с губ людей вроде него срываются клубы морозного дыхания. В такую теплую погоду, как сейчас, нужна гарнитура, чтобы просто понять, жив нарик или нет.

Говорят, когда-то он был довольно большой шишкой.

Но в Разломе подобные истории слышишь постоянно. Вся эта ебаная Долина усеяна остатками прежних начинаний и лучших дней. Конечно, если верить уличным поэтам и уволенным историкам, которые стоят за стойкой бара или прилавком тележек с едой на Бульваре. «Сейчас, – сказал мне один из них одним морозным воскресным вечером, – все мы просто питаемся накопленным жиром испортившейся мечты.

Соевый соус дать?»

* * *

У оверрайдеров не бывает много багажа.

Сложно сказать, в чем тут дело – то ли в редакции генов, то ли просто работа такая. Когда проводишь большую часть своей жизни без сознания внутри корпуса космического корабля в миллионах километров от любого человеческого общества, трудно привязаться к любимой кофейной кружке. Вещи приобретают чисто функциональный аспект – ты просыпаешься, видишь, что тебе доступно, и пользуешься этим. Выполняешь работу с помощью подручных инструментов.

Никакой другой подход толком не работает. Возможно, генетики все предвидели и внесли соответствующие изменения еще на стадии эмбриона, а возможно, особенности просто идут в комплекте с местом работы и к этому привыкаешь.

В любом случае привычка остается с тобой и после дембеля. Таким парням, как я, не требуется много места, поскольку нам попросту нечем его заполнить. Капсула Дайсона/Сантоны, в которой я сплю, имеет размеры 6 на 2,8 метра, включая влажную зону, она достаточно высока, чтобы стоять вдоль центральной линии, а снаружи больше всего напоминает спасательную капсулу без всяких излишеств, на базе которой и построена. Она несколько больше жилых капсул стандартных моделей, стоящих в других люльках на стойке, но в основном это из-за систем обшивки. Если специально не приглядываться, разницу заметить трудно, а с расстояния в двадцать метров все эти незначительные детали и вовсе исчезают, все модели сливаются в однородную ромбовидную форму. Вся система возвышается по адресу Церера-драйв 4.7, дом 1009, как массивный разукрашенный штабель для хранения вышедших из строя ядерных боеголовок. Доступ к люлькам обеспечивают пыльные лестницы и подвесные переходные мостики, украшенные черно-желтыми силовыми кабелями толщиной с огромного питона и обвитые небрежными петлями тонких пластиковых трубопроводов: синий для воды, красный для сточных вод. Задние концы капсул первого массива выступали над улицей примерно на полмет-

ра, походя на многоквартирный дом, жильцы которого в унисон высунулись поприветствовать прохожих.

Введя код на входной двери, я вошел внутрь и быстро пробежал восемь пролетов до четвертого этажа. К тому времени как я добрался до верха, пульс едва ускорился, приложенные усилия казались закуской перед основным, куда более жестоким блюдом. Я тряхнул головой, пытаясь прогнать это ощущение, но не шибко преуспел.

На случай, если она все-таки дома, но просто не отвечает на звонки, я прошел в дальний конец подвесного мостика и позвонил в дверь капсулы Арианы. Впрочем, особых надежд не питал. Как и большинство танцовщиц с Бульвара, Ари обычно принимала большую дозу любого дарящего сладкие мечты образца биотехнологий, который по уценке попадался ей на работе. В мягких глубинах сна, проспонсированного коктейлем из мелатонина, она бы и ядерного взрыва снаружи не заметила, что уж говорить о барабнящем в ее дверь унылом чуваке со стояком.

Я попробовал еще пару раз и сдался. Прихватив свой печальный стояк с собой, я направился по мосткам к «Дайсону» и, пройдя голосовое распознавание, оказался внутри. Минутку посидел, ссутулившись, за рабочим столом. Моя гарнитура тускло поблескивала на столешнице рядом с полулитровой бутылкой «Марки». В правом верхнем углу левой линзы крошечный зеленый огонек подмигнул мне: «Все готово». Мгновение я сверлил его взглядом. В «Вектор Рэд»

я пообещал Мэдисон Мадекве, что свяжусь с ней, так что у нее был мой номер, но пошла она нахер, звонок может и подождать. Равно как и внезапное поручение Постепенной. Первым делом я хотел принять душ, смыть с себя последние двадцать четыре часа и посмотреть, как их остатки утекут в канализацию.

Но у кого-то были другие идеи. Я и пяти минут не успел помыться, как во внутреннем пространстве капсулы раздался настойчивый звон. Подняв голову под морозящим потоком воды, я выглянул наружу сквозь клубы пара. «Да ты, блядь, издеваешься». Но, разумеется, лежащий на столе экран светился бледными серо-голубыми тонами. Мигал лаконичный идентификатор из моего списка контактов: ЧАКАНА.

– Да вашу ж мать. – Я вышел из-под душа, стряхнул с волос воду и промаршировал к коммуникатору. – Да, чего тебе нужно?

Она моргнула, глядя на меня. Недосып размазался у нее под глазами, словно вчерашний макияж.

– Ты бы прикрылся полотенцем ниже талии. Было бы неплохо для начала.

– Я был в душе, Никки.

– Ну так теперь ты из него вышел. Так что оденься уже.

Я принялся искать полотенце в горе сваленного у рабочего стола скомканного белья.

– Я думал, ты собираешься лечь спать.

– Я и поспала. Целых четыре часа. Дела, Вейл, дела, которые необходимо сделать.

– Ну так иди и делай их. – Я вытащил из груды белья полотенце, рассыпав все остальное по полу, и плотно обмотал его вокруг бедер. – Теперь довольна?

– Где Мэдисон Мадекве?

– Я оставил ее в здании администрации «Вектор Рэд». Она разговаривала с самим Дайссом. Я вернулся домой за гарнитурой. А что?

Чакана сердито сверлила меня взглядом.

– Ты должен следовать за ней по пятам, вот что. Защищать ее. Как ты собираешься это делать, стоя голышом в душе на другом конце города?

– Что ж, давай посмотрим. – Я с заранее обдуманым злым умыслом почесал яйца сквозь ткань полотенца. – Я почти уверен, что Мартин Дайсс не собирается нашинковать ее на кусочки и скормить испарителю. Не в его духе, что-то типа того. А чтобы проникнуть в это здание без разрешения, понадобится тактический штурмовой отряд. И что это нам оставляет?

– Это нам оставляет, гений, ее уход в самовольную прогулку, пока ты наводишь марафет у себя в Вихре. Это позволяет ей задавать не те вопросы не тем людям не в той части города, пока тебя нет рядом, и это оставляет ей возможность получить разведывательный шип прямо в свой хорошенький маленький череп.

– Она с тем же успехом может уйти на прогулку, пока я сплю.

– Ты не спишь, Вейл. Не в этой стадии цикла. Поэтому-то я и втянула тебя в это дело.

Я поморщился.

– Спасибо. Приятно чувствовать, что тебя хоть за что-то ценят.

– Я бы не сказала, что слово «ценят» тут правильное. Но позволь расставить все точки над *i*: если не хочешь вернуться обратно в камеру, с этого момента ты не выпускаешь Мэдисон Мадекве из своего поля зрения.

– Тебе легко говорить. Я вот лично не представляю, чтобы мисс Земной надзор растаяла от перспективы поехать сюда, в Капсульный рай, только ради того, чтобы я смог забрать свою гарнитуру. А если бы ты дала мне забрать ее сегодня утром перед встречей, как я и просил, в этом вообще не было бы необходимости. А теперь что, блядь, смешного я сказал?

Ее губы снова дернулись.

– Капсульный рай. Как две капли воды подходит к той фрактальной дыре, в которой ты живешь. Это что, южный сленг в наши дни?

– Это земной сленг. Ты бы знала, если бы хоть раз была там.

– Пошел на хер, – она наклонилась к экрану. – Одевайся, Вейл, надевай гарнитуру и тащи свою условно освобожденную задницу к «Вектор Рэд», пока я не задумалась об альтер-

нативных вариантах. Не заставляй меня звонить тебе снова.

Ее изображение раздраженно вспыхнуло и погасло. На экране извиняющимися пастельными тонами высветилась надпись: «ВЫЗОВ ПРЕРВАН».

Мгновение я задумчиво сверлил ее взглядом. Потом проверил время.

С тех пор, как я покинул «Вектор Рэд», прошла пара часов, максимум три, а в душе я провел меньше десяти минут. И каким-то образом Никки Чакана знала, что нужно позвонить мне домой и отчитать за то, что я не хожу по пятам за Мэдисон Мадекве.

В этом не было никакого смысла.

В «Акантиладо» она скинула меня словно несущественную задачу, и у меня создалось впечатление, что с такой же легкостью она выбросила из головы и Мэдисон Мадекве. Вторичный раздражитель в горе дерьма, которую аудит нанес к ее порогу, аккуратно сброшенный на бывшего корпоративного силовика без каких-либо реальных затрат для департамента. Чисто, красиво, и не ее проблема.

А теперь мое задание вдруг стало важнее сна, о котором Никки так мечтала. Важнее любых мероприятий по прикрытию задницы Малхолланда. Оно стало настолько важным, что Чакана лично вызвонила меня и поинтересовалась, как идут дела.

Вот же сука этот Малхолланд!

«Он попросил, чтобы кто-нибудь взялся за роль телохра-

нителя, а само дело прошло тихо, мирно и неофициально, и этим человеком будешь ты».

Я насухо вытерся полотенцем, нашел в куче барахла на полу чистую одежду и рассеянно оделся, обдумывая ситуацию.

Предположим, кто-то в аппарате Малхолланда следит за происходящим. Высотная слежка с помощью дронов, впрочем, это кажется слишком рискованным, довольно сложно получить на такое разрешение в параноидальные дни аудита, потому достаточно просто мешка с воздушными жучками. «Жук-олень» с улучшенными летными характеристиками и удвоенной емкостью камеры вместо рогов сработал бы великолепно. Власти Брэдбери в любом случае пользуются тысячами жучков в любое время дня и ночи, ничего не стоит отправить парочку в здание Портового управления. Конечно, тот, кто за всем следит, должен был знать, когда и как мы с Мэдисон покинули «Акантиладо». Но вот откуда он получает данные – автоматическая слежка за отправляющимися челноками, перехват кадров с камер наблюдения в отеле? Может, что-то древнее, вроде платной наводки от кого-то из персонала? Если это достаточно важно, способам осуществления задуманного нет числа.

Предположим, что достаточно. Предположим, это было достаточно важно с самого начала.

Но почему?

Вторичные раздражители таких усилий не стоят.

Кстати, о вторичных раздражителях.

Пора выполнить грязную работу Постепенной.

* * *

Я подошел к прикроватной полке и сунул под нее руку. Обрезанный «Хеклер энд Кох» крепился к нижней стороне в пяти сантиметрах от края, словно полевой катализатор для ностальгических мечтаний. Можно было протянуть руку, выхватить его в мгновение ока и за пару выстрелов очистить всю капсулу. Но палубная метла, даже обрезанная, — плохой выбор для скрытности и уличной работы, и она совершенно точно не годилась для задания, которое мне поручила Постепенная. Поэтому я потянулся вглубь полки и вместо пистолета вытащил потрепанный чемоданчик для инструментов от «Блонд Вайсыютис». Нажал на защелки, оснащенные считывающим отпечатки пальцев сканером, и сел на корточки, когда крышка плавно поднялась.

Приглушенный свет от капсул мерцал на шведском столе внутри, отбрасывая тени между мягкими фланцами, удерживающими оружие на месте. Не все содержимое чемоданчика было официально одобрено БВ. Хотя то, что они официально одобряют, и то, на что закрывают глаза, — это две разные вещи, некоторые предметы из второй категории технически считались незаконными даже на Марсе. От боевых перчаток из удушающей пленки и микровзрывчатой пыли до

блестящего черного углесплавового массива «Кадоган-Изуми ВакСтар», там могло найтись все, для любого случая и на любой вкус.

Я вытащил «ВакСтар» и взвесил в руке. Это была настоящая пушка, а не пистолет, чудовищно перекачанная штука, изначально созданная для работающих в вакууме флотских отрядов и способная с одного выстрела убить человека и в условиях полного вакуума, и в любой разновидности атмосферы, как пригодной для дыхания, так и нет. Полностью герметичная система, демпфированная отдача, стандартная нагрузка на скафандр. «Блонд Вайсьютис» арендовали патенты у «Кад-Из», как только истекли сроки действия флотского эмбарго, а затем, чисто для верности, купили и саму компанию. С ее помощью они приобрели что-то вроде легенды вакуумного боя. Взяв «ВакСтар» от «Кад-Из», вы не просто вооружаетесь, а делаете заявление для всех, кто хоть что-то смыслит в боевых игрушках.

Я вытащил наплечную кобуру с геккохватом и сунул пистолет под мышку. Выделяется, конечно, но я и не стремился к незаметности. Люди, с которыми мне предстояло встретиться, были глупыми, жестокими и уважали понты.

И все же...

Я порылся в снаряжении, разбросанном на дне чемодана, и нашел своего старого любимчика – тычковый нож из морфосплава, выигранный в покер у пьяного сержанта филиппинских коммандос, с которыми мы все вместе тусовались

после мятежа Акино Дос, запертые внутри кометы сдохлым двигателем в ожидании, когда же хоть кто-нибудь потрудится нас эвакуировать. В обычном состоянии сделанное в Маниле оружие маскируется под четыре уродливых кольца с железными черепами, и ничто, за исключением полного молекулярного анализа, не убедит вас в обратном. Но сожмите пальцы вместе и крепко стисните кольца – и они расплавятся, сольются в единый кастет с одиннадцатисантиметровым обоюдоострым лезвием, которое как по волшебству выскочит у вас из кулака. Кромка из морфосплава прорежет кость так, словно ее там и не было.

Я надел кольца на левую руку, осмотрел пальцы и пару раз согнул и разогнул их. Затем убрал ящичек с инструментами обратно, подошел к столу, поднял гарнитуру и надел. Испытал внезапное и не совсем приятное ощущение, пока системы включались, а затем расслабился и сосредоточился на холодно-голубых движущихся полях и на том, что меня ожидало.

«Привет, – голос Осирис прозвучал в моей голове словно темный мед, льющийся на наждачную бумагу. – Скучал по мне?»

– Прекрати, – в пустоте капсулы мой голос прозвучал слишком громко. После четырех месяцев в гиберноидной коме и трех дней на ногах без гарнитуры я потерял привычку к субвокализации. Я откашлялся. – Прекрати.

«Ты сам установил параметры. Верни мой стандартный

тактический голос БВ, если предпочитаешь его».

«Не предпочитаю я его».

«Тогда не жалуйся».

«У меня есть номер, по которому ты должна позвонить».

Я продиктовал серию цифр, которую дала мне Мэдисон Мадекве, и подождал, пока установится соединение. Она ответила на вызов, но видео не включила.

– Мадекве, – гаркнула она мне в ухо.

– Это Вейл. Звоню, как и обещал. С этого момента можете связываться со мной по этому номеру.

– Хорошо, спасибо.

– Никаких проблем. Слушайте, у меня тут есть пара дел, с которыми мне нужно разобраться на другом конце города. Во сколько вы планируете вернуться в отель?

– Вейл, тебе не о чем беспокоиться. Я буду занята здесь до позднего вечера, и Мартин Дайсс пообещал, что предоставит подразделение охраны ХКУ, которое сопроводит меня обратно в отель, когда мы закончим. Вы можете встретиться со мной завтра утром.

– Завтра? – В голове каскадом пронеслись видения охваченной яростью Чаканы. – Мисс Мадекве, я – приписанный к вам охранник на все время вашего пребывания...

– И я хорошо осведомлена об этом, – она резко появилась на экране. Характерный стандартный фон в пастельных тонах свидетельствовал о том, что гарнитура синтезировала изображение на основе предварительно сохраненных дан-

ных и анимировала его в соответствии с голосом и тоном. — Но я действительно не вижу необходимости в том, чтобы мы сегодня встречались.

— Подключите к разговору Дайсса.

— Я не понимаю, как...

— Я не собираюсь об этом спорить, мисс Мадекве. Подключите Дайсса, или я сейчас приду за вами. — Подпрограммы кризисного командования включились в крови, словно готовились к бою. Даже ее лицевой симулятор слегка напрягся, услышав, как изменился мой голос. Изображение дернулось, затем расплылось, когда она подключила Мартина Дайсса.

Того тоже собрали из архива, а может, он принял какие-нибудь противопохмельные химикаты. Вкрадчиво-красивая экранная манера прочно вернулась на свое место, улыбка превратилась в нерушимый щит цвета слоновой кости, мерцавший искусительной силой. Руки он держал низко, подальше от носа. Когда Дайсс открыл рот, выпуская наружу свой знаменитый звучный голос, я уже ждал, что он начнет с фразы «Дамы и господа, поехали!»

Но он этого не сделал.

— Да, офицер, здравствуйте, — вежливо начал он. — Думаю, мы с вами оба согласимся...

— Я не коп, Дайсс. Не совершай этой ошибки.

Он слегка отпрянул.

— Эм. Что ж...

– Я всего лишь наемный ствол на службе у Никки Чаканы. Все полномочия, никаких ограничений.

Он изобразил одобрителный смешок.

– Это очень х...

– Да, смейся, – на моих глазах ухмылка исчезла. – Сегодня в конце вашей встречи я приду забрать Мэдисон Мадекве. Если ты отправишь ее в «Акантиладо» до того, как я приду, у тебя возникнут проблемы. Я ясно выражаюсь?

Он откашлялся.

– Да. Хотя у частной охранной конторы «Хоркан Кумба Ультра» платиновый рейтинг, и...

– Тогда ты можешь отправить их вместе с нами, чтобы они составили нам компанию. Дай мне Мадекве.

Изображение снова погасло, и вместо него появилась Мэдисон, теперь настоящая, уставшая как собака и хмурая.

– В этом действительно не было никакой необходимости, Вейл.

– Возможно и не было, но мы поступим именно так. Я так полагаю, вы предпочитаете сотрудничать с ДПБ, а не работать против них.

Она слабо улыбнулась:

– Так нам велели.

– Отлично. Поверьте тому, кто знает: все мы будем намного счастливее, если будем придерживаться сценария лейтенанта Чаканы.

– Раз уж вы так говорите.

– Именно так я и говорю. Большой опыт. Позвоните мне за полчаса до того, как соберетесь закругляться – и я за вами заеду.

– Очень хорошо, – ее изображение погасло.

«Она кажется милой», – произнесла Осирис.

«А ты заткнись. – Я посмотрел налево и вверх, но не увидел ничего, кроме сплошной стены. – Эй... а куда делось время?»

Цифры вспыхнули мягким голубым светом в верхнем левом углу экрана.

«Держи».

«Ты выключила дисплей?» – с любопытством поинтересовался я.

«Это очередное обновление. Они постепенно отказываются от визуала для слияния циркадных ощущений. Запатентованная технология „СомаСистемс“, арендована КОЛИН. Будешь знать время инстинктивно, с точностью до минуты. Хочешь подключить?»

«Нет, нахер это дерьмо. Я хочу видеть цифры».

«Смотреть на экран медленнее, чем просто знать».

«Да? Это что? Рекламный пресс-релиз „СомаСистемс“?»

«Констатация физиологического факта».

«Оставь цифры там, где они сейчас. И подключи ситуационные системы – мы выходим».

Глава четырнадцатая

– Теперь мы все ясно видим, братья и сестры. Теперь мы все видим целиком и полностью!

Я пользовался Осирис и устаревшей программой для отслеживания городских новостей, но за пару кварталов закрыл трекер и перестал беспокоиться. С этого момента мне требовались только уши. Раздражающий мужской голос, напряженный от тщательно отрепетированного возмущения, нельзя было спутать ни с чем. Гулкое эхо разносилось по холодному, засушливому воздуху в центре города, отскакивая от гладких, отражающих стен небоскребов, периодически искажаясь из-за визга обратной связи и какого-то хаотичного басового шума микрофонной системы, у которой не было настроек, подходящих под текущие условия. Тупые фрокеры – они и в лучшие времена не отличались вниманием к деталям.

– Теперь, братья и сестры, мы наяву узрели Закованный в кольчугу Кулак Господства, давно прятавшийся в Бархатной Перчатке нормализованных асимметричных властных отношений между нашими мирами!

Судя по всему, риторику свою они в последнее время тоже не оттачивали. Как я и сказал Постепенной, особых проблем с ними не будет.

Я свернул налево между стеклянными стенами каньонов

и принялся протискиваться через неплотную толпу привлеченных шумом зевак. Спустя сотню метров оказался на широкой площади, с одного конца которой низкие ступеньки вели на второй этаж к чему-то, напоминающему фасад торгового центра. На середине ступенек небольшая группа бритоголовых молодых мужчин и женщин собралась под потрепанным брангелевым баннером с надписью «4ROCK4 – ГДЕ ВЫ СТОИТЕ?»

Большинство людей стояло от них на безопасном расстоянии, так что участникам демонстрации пришлось преодолеть разрыв и смешаться с толпой. Выбрав вероятных жертв, они оживленно читали лекции и показывали контент, выведенный на экраны минигеля, мерцающего на левой руке каждого. «Не убеждены, да? Позвольте мне кое-что вам показать. Думаю, это заставит вас передумать. Вы не поверите данным, которые скрывают от вас... от всех нас. Ложь, которую они рассказывают нам на Земле, их цели. Взгляните... взгляните сюда».

Некоторые из тех, кому пытались прочистить мозги, спешили скрыться куда подальше, но большинство зевак околачивались поблизости, хотя бы для того, чтобы поглазеть на яркие изображения, которые пропагандистская команда прокручивала на брангелевых экранах, обволакивающих растопыренные пальцы и ладони фрокеров потоками эфирных соплей. Если судить по моему предыдущему опыту, транслировали они исключительно кричащий, бьющий наот-

машь материал, как правило, привлекающий внимание вне зависимости от политических взглядов.

Мне ничего не стоило незаметно пробраться в толпу и занять позицию.

Я приближался к энергичной, но хрупкой молодой девушке, стоявшей ближе к задним рядам собравшихся, – она выглядела так, словно с ней было легко справиться и запугать, – как вдруг сквозь толпу зевак заметил знакомое лицо. Мужчину занимала исключительно его проповедь, а внимание металось между зевакой, которому он вешал лапшу на уши, и бранегелевым экраном, светящимся на ладони. Но затем, словно почувствовав тяжесть чужого взгляда, он посмотрел в сторону, заметил меня, и священный пыл на его лице угас с такой скоростью, словно беднягу окатили ведром воды. Он запнулся. За линзами гарнитуры страх и гнев боролись за ведущее место. Я вздохнул и подошел поближе.

– Здорово, Эдди.

– Ты что... блядь...

Я сорвал с него гарнитуру. Бросил взгляд на девушку.

– Вы не оставите нас на минутку?

Та была только рада и ускользнула от нас со скоростью человека, которого только что выпустили после обыска в полицейском участке. Я протянул руку и схватил Эдди Валгарта за шиворот, пока он не успел последовать ее примеру. Протянул его обратно к себе и шагнул ближе. Дружелюбно улыбнулся:

– Куда собрался, Эдди? Разве ты не хочешь просветить меня о незаконной тирании Длинных Рук с Земли? Я весь внимание.

– Да ты же и сам с Земли, сука, – прошипел он. – А если ты не...

Я отвел полу куртки и показал ему сидящий в кобуре «ВакСтар».

– Давай не будем устраивать сцен, лады?

Он побледнел:

– Ты... ты не посмеешь использовать его на людях.

– Ты же знаешь, что это неправда, Эдди. Вспомни прошлое. – Я потащил его подальше от толпы. – А теперь давай немножко прогуляемся, и я объясню, что тебе нужно будет сделать.

* * *

За двадцать с лишним лет работы оверрайдером мне лишь однажды пришлось столкнуться с кризисом, вызванным фрокерами, и то это был фарс от начала до конца. Они захватили корабль еще до того, как тот покинул орбиту Марса, передали набор бессвязных требований по общему каналу, а затем откинулись на спинки кресел, видимо, в ожидании аплодисментов. Конечный клиент быстренько вырубил двигатели корабля по дистанционке, изолировал грузовые палубы и отключил систему жизнеобеспечения. Фроке-

ры явно ни к чему из этого не готовились. У них не было с собой взломщика, способного отключить хоть какие-то из, по правде говоря, весьма предсказуемых контрмер, и у них, разумеется, не было с собой скафандров, чтобы выбраться в открытый космос и заново подключить двигатель. У «Блонд Вайсьютис» довольно прямолинейная инструкция для действий в подобных случаях – их консультанты по кризисным ситуациям прямо советовали сидеть смирно и ждать, и конечный клиент согласился. К тому моменту, когда разбудили меня, температура внутри корабля упала до минус десяти или пятнадцати, содержание кислорода сократилось до 16 процентов, и для большинства сепаратистов этого оказалось достаточно.

Так моя работа превратилась в сухую формальность. Мне пришлось застрелить одного из самых фанатичных типов на мостике – тот начал толкать речи, а еще у него была при себе спецназовская «Беретта», которой он явно был не прочь воспользоваться, но на этом все и закончилось.

Я никак не могу понять, почему они настолько бесполезные. Рубен Гроэлл однажды заявил – мрачно и по пьяни – что все сводится к генетике. Любой, кто настолько туп, чтобы купиться на распространяемый сепаратистами поток лжи, по умолчанию не обладал силой воли, необходимой, чтобы добиться чего-то лучшего. «У вас же есть официальная партия „Первым делом Марс“, – настаивал он, – она набирает новые кадры и принимает всех, у кого есть хоть ка-

кие-то таланты и мозги, они только полных кретингов не берут. Ну и кто после этого остается?»

Риторический вопрос. 4Rock4 доставались дисфункциональные тупицы, насквозь пропитанные лежащими в основе человеческой жижи трайбализмом и тупой бессвязной яростью. Но с другой стороны, Рубену никогда не приходилось жить в Разломе. Он наблюдал за всем с орбиты и во время пары мимолетных визитов. И политические взгляды Руби редко пролегли глубже дешевого слоя краски, нанесенного поверх необработанного металлического корпуса жесткой преданности своим нанимателям и их целям, возможно, для облегчения восприятия.

Живя здесь, намного ближе к местному населению, я начал склоняться к мнению, что политические движения вроде фрокеров просто обязаны обращаться именно к такому уровню тупого трайбализма, лишь бы остаться на плаву, — в конце концов, они конкурируют за рекрутов и ресурсы с уличными бандами и организованной преступностью самого низкого пошиба, у них нет доступа к уважаемым источникам дохода. Поэтому неудивительно, что в конечном итоге они сами становятся похожи на преступников, с которыми вынуждены конкурировать в режиме реального времени, а не на политических деятелей, которыми стремятся быть.

Вот так у них и появилось здание капитула на улице Скиапарелли, четырехэтажный дом без лифта, с истекшим протоколом, давно отключенный от муниципального обслужи-

вания, соответственно, даже не знавший благословения ремонтной плесени, стирающей с нанобетонной поверхности кислую патину из граффити: «33 < 4», «НАХУЙ ЗЕМЛЮ», «ОБОРВИТЕ ПОВОДОК», «ПОМНИ КОННАХТ», «0,4 – ВСТАНЬ И ГОРДИСЬ», «САНЧЕЗ ЖИВ» и так далее. Судя по всему, слои краски оставались нетронутыми десятилетиями. Из-за старинных штормовых ставней, большая часть которых была неплотно закрыта или покачивалась из стороны в сторону, окна напоминали опущенные, подслеповато прищуренные глаза, а от всего здания веяло атмосферой пускающего слюни безумия. Дверь из легированной пластины на верхней площадке лестницы была покрыта трещинами и вмятинами, вся охрана ограничивалась единственной видимой камерой.

Да я видел убежища байкерских банд в Нагорье, сделанные с бóльшим размахом.

Мы стояли перед камерой, изображая из себя дружбанов, и это, похоже, сработало. Из динамика раздался скучающий голос:

– Какого хера ты тут делаешь, Эдди? И кто это с тобой?

Эдди прочистил горло.

– Мне нужно увидеть Семпере. У этого парня есть сведения, которые он должен услышать.

Эдди указал на меня. Я заискивающе посмотрел в камеру. Я приглушил свою гарнитуру до почти полной прозрачности и стоял с максимально безобидным видом. Голос многозна-

чительно откашлялся:

— Семпере, как это говорится, нездоровится. — Пауза, смешок. — С ним там Розанна. Сам знаешь, как оно бывает.

Валгарт бросил на меня панический взгляд. Я ясно дал понять, что с ним случится, если он не сможет провести меня внутрь. Его голос повысился на полтона.

— Блядь, чувак, ты серьезно? Я привожу сюда значительный источник дохода, а Семпере не может вытереть член и надеть штаны, чтобы его выслушать?

Голос в динамике помрачнел:

— Ну иди тогда и сам к нему стучись. Потому что я этого делать не собираюсь.

Покрытая вмятинами и зазубринами дверь раскололась посередине, две створки с шумом заскрежетали по полу, который выглядел так, словно его не подметали несколько месяцев. Когда мы вошли внутрь, под ногами захрустело.

Здесьшний интерьер когда-то обладал подобием величия. В сводчатом потолке виднелась слабая отсылка к старым временам прятков в бункерах, на стенах висели барельефы ранних исследовательских лагерей, пол выложен из нановыращенного кристалла с эффектом мрамора, его поверхность была специально спроектирована так, чтобы имитировать красноватые вихри марсианских пыльных бурь. Широкая лестница с балюстрадой из какого-то яркого сплава, испачканного и потрепанного временем, вела на идентичный второй этаж с балконом, где виднелись ведущие куда-то боль-

шие двойные двери. Во времена популярности этого архитектурного стиля все вокруг слепило бы глаза гладким нанотехнологическим блеском, напрочь противоречащим грубому, сделанному наспех колониальному прошлому, которому здание вроде как отдавало дань уважения. Теперь каменные плиты с эффектом пыльных бурь покрылись настоящей пылью, а барельефные изображения галерей были почти столь же обильно испещрены граффити, как и внешний фасад. В углах клубился мрак, словно готовое сырье для так и не появившегося художника пиксельного тумана.

Пересчет бугаев – три скупающих на вид фрокера, все достаточно молодые, чтобы без критических вопросов принимать на веру идеалы движения и, что еще важнее, по-прежнему радоваться присущему движению бандитизму бандитизма ради. Одна из них, вытянув ноги, лежала на нижних ступеньках лестницы, остальные с нарочитой леностью облокотились на перила повыше. Все трое одеты в рабочие комбинезоны жителей Нагорья или какие-то дешевые напечатанные версии модных домов, у всех троих волосы беспорядочно острижены на уровне подбородка, глаза закрыты одинаково тонкими, как бритва, гарнитурами. У всех троих татуировка «ДеАрес Контадо» под левым глазом. Проанализировав тепло, исходящее от тел, Осирис пометила их оружие, каждый предмет вспыхнул прохладной синей меткой, которая тут же исчезла. Не о чем беспокоиться.

– Это и есть твой ебанный источник дохода? – сидящая

одарила меня, как ей показалось, испепеляющим взглядом. – Что-то не выглядит значительным.

Двое других усмехнулись. Один из них выпрямился и спустился, как будто решив получше меня рассмотреть.

– Я бы не променял его на полчаса с Розанной, – заметил он, проходя мимо сидящей женщины.

– Точно.

Он спрыгнул с нижней ступеньки, вполоборота повернулся ко мне и присмотрелся. Цепкий взгляд за тонированными линзами гарнитуры. Парень был громоздким, по-марсиански мускулистым, немного выше меня, намного моложе, и в нем ощущалась какая-то химозная дерганность, которая мне не очень нравилась. А возможно, и очень, если дать ему подобраться поближе.

– Захлопнись, Оливье, – произнес тот, что остался на лестнице. Он зевнул и потянулся. – Нет нужды проявлять грубость... пока что. Эдди никогда прежде нас не подводил. Ведь так?

Остальные двое постарались приглушить смешки. Стоящий рядом со мной Валгарт напрягся.

– Слушай, если у тебя со мной проблемы, ты можешь...

– Расслабься, Эдди, эта шутка, – полностью лишенным веселья тоном произнесла женщина. – Что случилось с твоим чувством юмора?

– Этот парень...

– Этот парень может подождать, – произнес Оливье, скло-

нив голову набок и пытаюсь поиграть со мной в гляделки.

– Этот парень также может отдать пушку, которую носит, пока ждет, – сказал стоявший на лестнице. Похоже, он был главным. Пожал плечами и наградил меня неискренней улыбкой. – Местные правила.

Я улыбнулся ему в ответ и кивнул в знак согласия. Затем достал из кобуры «ВакСтар» и отстрелил Оливье ногу ниже колена. По пыльному вестибюлю разнесся мощный гул. Пуля ударила фрокера в середину голени, раздробила ногу и напрочь оторвала ступню, словно небрежно брошенный ботинок. Бугай боком повалился на типа мраморный пол и начал кричать. Я почувствовал, как капли крови попали мне на щеку и лоб. Женщина у подножия лестницы резко выпрямилась, ругаясь на чем свет стоит и нащупывая оружие за пазухой. Ее пушка проделала только полпути из кобуры, а дуло «ВакСтара» уже находилось в четверти метра от ее лица.

– Не глупи, – велел я. – Бросай пушку. Не двигайся.

Оружие с грохотом упало на пол. Пронзительно крича, Оливье свернулся в позу эмбриона и схватился за раздробленный обрубок ноги. Вокруг него на пыльном полу виднелись брызги крови и пара разрастающихся лужиц. Где-то в глубине души я все ждал, что кровь начнет пузыриться и разлетаться вокруг подобием мелкого тумана, как это бывает в невесомости, однако гравитация всегда делала кровь странно послушной. В стороне, словно выброшенный элемент снаряжения, лежала ступня, неподвижная и покрытая

запекшейся коркой крови там, где выстрел оторвал ее от тела.

Я услышал, как за моей спиной вырвало Эдди Валгарта.

Я же следил за мистером «Местные правила». Как и его подружка, он потянулся к оружию, но казался менее целеустремленным. Я встретился с ним взглядом.

– Вашему другу нужен жгут. Если избавишься от этого дерьма у себя на поясе, то можешь спуститься и помочь ему...

Он облизнул губы.

– Ты, блядь, спятил? Ты не можешь...

– Я здесь кровью истекаю, – заорал Оливье. – Помоги мне, мудила!

Мистер «Местные правила» колебался еще секунду, затем обмяк, словно выключенная каркасная кукла. Вытащил из-за пояса ствол и бросил его на лестницу. Пистолет отскочил, пролетел еще пару ступенек и остановился. Бугай шел следом, по одному неохотному шагу зараз. По лицу было видно, что он все еще не может до конца поверить в происходящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.